

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Петунин Константин Борисович

**ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ
ТАНКОВЫХ ВОЙСК В 1920—1939 ГГ.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, профессор

Золов Александр Владимирович

Калининград – 2019

ПЛАН НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Введение	3
Глава 1. Британские вооруженные силы после Первой мировой войны и развитие теории бронированной войны	30
1.1 Британские вооруженные силы после Первой мировой войны	30
1.2 Теория бронированной войны в британских вооруженных силах межвоенного периода	48
Глава 2. Развитие танковых войск Великобритании в 1920-е гг.	84
2.1 Британские танковые войска в 1920-х гг.: состояние после Первой мировой войны, их развитие в 1920-е гг.	84
2.2 Британские учения и военные эксперименты с участием танковых войск в 1920-е гг.	105
Глава 3. Развитие танковых войск Великобритании в 1930-е гг.	128
3.1 Британские танковые войска в 1930—1934 гг.	128
3.2 Перевооружение и подготовка британских танковых войск к новой мировой войне	155
Заключение	192
Примечания	196
Приложения	259

Введение

Тема Второй мировой войны по-прежнему остается в ряду наиболее значимых в истории XX в. Одной из ведущих стран-участниц этого мирового конфликта была Великобритания. Именно англичане явились создателями танковых войск, от действий которых во многом зависел исход этого грандиозного конфликта. Однако первые сражения Второй мировой войны обернулись для британской армии^а и бронированных войск, как ее части, крупным поражением, нанесенным им вермахтом, главной ударной силой которого являлись танковые соединения, поддерживаемые авиацией и артиллерией. По воспоминаниям немецких генералов, идею стремительной бронированной войны во многом они позаимствовали у англичан¹. Однако сами британцы на начальном этапе войны не смогли оказать достойного сопротивления войскам Третьего Рейха.

Одним из базовых направлений в изучении причин этого масштабного поражения остается анализ событий начального периода войны и нескольких предвоенных лет, в течение которых британская военная политика была направлена на активную подготовку к войне. Однако, для полного рассмотрения и понимания истоков неудачных действий британских сухопутных войск в целом и бронетанковых войск как их части необходимо составление более полной картины развития британской военной политики в контексте эволюции танковых войск на протяжении всего межвоенного периода. Глубокий и всесторонний анализ британской военной политики в вопросе модернизации танковых войск в 1920—1939 гг., в первую очередь основанный на экономических, социальных, политических и личностных факторах, определяющих будущее любого рода войск, позволит понять, почему Великобритания, впервые создавшая танк и обладавшая огромным опытом применения бронетехники в ходе Первой мировой войны,

^а Здесь и далее, в силу большого количества цитат из британских и советских документов межвоенного периода, а также для достижения единообразия в терминах, «Армия» используется в значении, принятом в военных и гражданских документах Великобритании и СССР в 1920—1930-е гг. — сухопутные войска.

страна, военные уставы которой в вопросах применения танков высоко оценивались зарубежными специалистами, не смогла эффективно противостоять Германии на суше. По каким причинам страна, проводившая в 1920-х гг. уникальные эксперименты в области применения танков, бывшая родиной теории бронированной войны, не сумела эффективно реализовать преимущества, даваемые бронетехникой. Также исследование межвоенного этапа развития танковых войск как части британской армии, даст возможность ответить на вопросы: почему передовая промышленно и экономически развитая держава, бывшая крупнейшим поставщиком бронетехники другим государствам, создавшая прогрессивные образцы боевых машин, ставшие основой для танковых войск других стран, вошла во Вторую мировую войну с недоукомплектованными, слабо подготовленными, плохо экипированными, малочисленными и вооруженными преимущественно легкими или устаревшими моделями танков войсками.

Ответ на эти вопросы позволит лучше понять предысторию и ход Второй мировой войны, а также глубже изучить процесс подготовки Великобритании к этому конфликту. Отдельный интерес для отечественной исторической науки может представлять исследование поднятых вопросов в свете непрекращающегося последние десятилетия спора о том, насколько готов ко Второй мировой войне был СССР и его танковые войска, при том, что именно британские танковые войска были эталоном для отечественных военных и технических специалистов долгие годы, а сам СССР находился в заведомо более тяжелых экономических, политических и иных условиях.

Объектом исследования является британская военная политика межвоенного периода. **Предмет** — основные тенденции и особенности развития британских бронетанковых войск в 1920—1939 гг., военные, экономические, политические, технические и социальные трансформации, оказавшие воздействие на динамику развития и структуру британских танковых войск в межвоенный период.

В данном исследовании в качестве **методологической базы** используются принципы историзма и объективности, традиционные для многих исторических

исследований. При этом принцип историзма применяется в рамках концепции неоклассической модели исторического исследования, подразумевающей, что современный историк, в отличие от людей прошлого, точно знает, к чему привели те или иные события, и это «послезнание» не только может, но и должно оказывать влияние на его работу².

Безусловно, в наше время историческая наука далеко ушла от классического желания Л. Ранке «показать, как все происходило на самом деле»³. Принцип объективности в настоящее время имеет различные толкования⁴, однако в данном исследовании он понимается в рамках неоклассической модели исторического познания и подразумевает под собой стремление к достижению истины и установку на научность. При этом следование принципам конструктивного реализма подразумевает рассмотрение исторического исследования в качестве способа моделирования исторической реальности, продуктом которой считается историческое знание в качестве модели данной реальности, имеющей аппроксиматический характер. А объективность исторического знания обеспечивается не его полной адекватностью исторической действительности, а фактом представления исторической реальности в данных моделях. Обеспечением подобной презентации является научность исторического исследования, а также стремление самого исследователя к истине, имеющей когерентный характер⁵.

Также для решения поставленных задач использовались иные методы исследования: биографический, сравнительно-исторический, типологический, проблемно-хронологический.

Географические рамки исследования охватывают Британские острова, как сердце Британской империи, являвшиеся местом принятия основных решений по развитию армии в целом и танковых войск в частности, а также проведения основных военных экспериментов в области использования бронетехники, и Ближний Восток, бывший жизненно важным для империи регионом, в котором опробовались новые теории применения бронетехники.

Временные рамки исследования ограничиваются периодом с 10 января 1920 г. по 1 сентября 1939 г. Нижняя граница обусловлена ратификацией

Версальского договора, означавшей окончание Первой мировой войны и начало перехода вооруженных сил «на мирные рельсы» с переосмыслением военной политики и роли бронированных формирований в ней. Верхняя граница обозначается началом Второй мировой войны, давшей оценку британской военной политике в вопросе эволюции танковых войск.

Целью работы является выявление процесса, а также составление картины развития британских танковых войск в рамках военной политики Великобритании 1920—1939 гг., определение места и роли танковых войск в британских вооруженных силах и военной доктрине.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать эволюцию британской военной политики в 1920—1939 гг.;
- рассмотреть предпосылки и основные проблемы, связанные с развитием британских танковых войск межвоенного периода;
- реконструировать представления военного и политического руководства по вопросам развития британской военной политики и танковых войск, продемонстрировав роль отдельных личностей в военном и политическом руководстве Великобритании в процессе развития танковых войск межвоенного периода;
- рассмотреть общее состояние британских танковых войск в межвоенный период, разработав поэтапную хронологию их эволюции в 1920—1939 гг.;
- определить роль и место бронетехники в британских вооруженных силах 1920—1939 гг.;
- проследить концептуальные изменения и общую направленность модернизации британских танковых войск в преддверии Второй мировой войны.

Научная новизна работы определяется тем, что она является первым комплексным исследованием в отечественной историографии, посвященным проблеме развития британских танковых войск в рамках военной политики Великобритании 1920—1939 гг., проведенным на основе анализа широкого круга

источников, включающего в себя как ранее опубликованные, так и архивные, некоторые из которых до этого не были введены в научный оборот. При этом основной акцент в исследовании делается не на сугубо технической составляющей, а на таких предпосылках эволюции танковых войск, как политика, экономика, военная теория и практика, «сплетение» которых в конечном итоге определяет вектор развития вооруженных сил.

Источниковую базу исследования составили: архивные и опубликованные материалы, стенограммы парламентских заседаний, специализированная военная литература британских вооруженных сил, пресса, работы британских военных теоретиков, публицистика, эпистолярные источники, мемуары и материалы справочного характера.

Архивные материалы представлены фондами Национального архива Великобритании, включая материалы военного министерства, редко используемые отечественными исследователями. Эти материалы позволяют получить статистические и технические данные, понять глубинные процессы, обусловившие развитие британской военной политики и танковых войск в 1920—1930-х гг., проследить этапы принятия решений в военных и гражданских структурах, выявив противоречия между ними⁶. Большое значение имели материалы Российского государственного военного архива⁷ и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации⁸, позволяющие взглянуть на развитие британских танковых войск межвоенного периода с позиций представителей государства, активно формировавшего собственные танковые войска.

Опубликованные источники включают: донесения советских, германских и британских военных атташе и дипломатов, сборники переписки дипломатического характера, послания и ноты правительств, отобразившие хитросплетения межгосударственных отношений⁹, и донесения разведки¹⁰, на основании которых принимались решения.

Значимым источником послужили стенограммы заседаний британского парламента 1920—1930-х гг.¹¹, среди которых интересны заседания, посвященные

внешней и внутренней политике, оборонным вопросам, состоянию вооруженных сил, выступления военных министров и представителей вооруженных сил по поводу танковых войск и ежегодные заседания, посвященные финансированию армии. Эти записи дают представление о взаимоотношениях внутри одного из основных институтов британской власти, путях принятия решений, направленных на дальнейшее развитие танковых войск, позволяют осветить политическую борьбу, затрагивающую тему бронированных сил и проследить эволюцию взглядов ряда публичных военных и политических деятелей в этом вопросе.

Категорию специализированной военной литературы представляли британские армейские уставы 1920, 1924, 1929 и 1935 гг.¹², высоко оцененные М. Н. Тухачевским, в 1933 г. писавшим: «Большинство уставов империалистических армий (за исключением английских) пока отражают взгляды, не принимающие в расчет условий мото-механизированной войны»¹³, изучение которых дает возможность проследить, как менялись представления о роли бронетехники и методах ее применения в армии, а также наставления для британских военных¹⁴ и инструкции по эксплуатации бронетехники¹⁵, позволяющие дополнить уставы в вопросах изучения эксплуатации боевых машин.

В работе использовались британские гражданские периодические издания: «The Times»¹⁶, «The Daily Telegraph»¹⁷. В них регулярно публиковались статьи Лиддел Гарта, Фуллера, Дафф Купера, Чемберлена и иных военных и политиков, оказавших влияние на развитие танковых войск в межвоенной Великобритании. «The Times» представляла из себя платформу для дискуссий и высказываний как военных, так и гражданских деятелей, желаемых быть услышанными не только простой публикой, но и представителями военного и гражданского руководства. В частности, статьи «The Times» обсуждались в ходе заседаний Комитета обороны империи (КОИ)¹⁸. В исследовании использовались и иные британские газеты межвоенного периода¹⁹, а военная периодика была представлена журналами «The Army Quarterly» и «The Journal of the Royal United Service Institution»²⁰, на страницах которых регулярно публиковалась статистическая информация о состоянии британских вооруженных сил, а также публиковались статьи английских

военных, посвященные как анализу истории и нынешнего состояния британских войск, так и перспективам их развития.

Важным источником послужили труды современников, посвященные развитию британских танковых войск. Безусловно, основными из них нужно считать работы Дж. Фуллера²¹ и Б. Лиддел Гарта²², традиционно считающихся ведущими специалистами в вопросах бронированной войны не только в Великобритании, но и во всем мире. Не случайно заместитель народного комиссара обороны СССР М. Н. Тухачевский посвятил Фуллеру целую главу в своей монографии «Моторизация и механизация армий и война», названную «Теория механизированной войны Фуллера», где, несмотря на критику ряда моментов в теории англичанина, не мог не упомянуть, что «Инициатива здесь [в вопросе теории бронированной войны] несомненно принадлежит английскому генералу Джону Фуллеру. По нему в том или ином варианте равняются все более или менее передовые фигуры военнотеоретического мира современного империализма (Сект в Германии, Аллео во Франции и др.)»²³.

Дневники и переписка, используемые в работе и позволившие «заглянуть за кулисы» принятия решений в Великобритании межвоенного периода, включают материалы Дафф Купера²⁴, Э. Айронсайда²⁵, Г. Паунолла²⁶, Л. Хор-Белиша²⁷ и других.

Мемуарные источники представлены воспоминаниями Лиддел Гарта²⁸ и Фуллера²⁹, а также ряда английских военных и политиков, оказывавших влияние на развитие исследуемого рода войск, в том числе Ж. Мартеля³⁰, Б. Монтгомери³¹, А. Дафф Купера³² и других. Эти материалы позволяют взглянуть на развитие британских вооруженных сил изнутри, с точки зрения ключевых фигур, отследив их отношение к ряду аспектов этого развития. Однако следует помнить, что к мемуарным источникам необходимо относиться с изрядной долей критики и осторожности по причине того, что большинство людей склонны винить в неудачах других и приписывать успехи себе. Не являются исключением военные и политические деятели, часто подверженные этому пороку в еще большей степени в силу своей публичности, идущей рука об руку с неустанной заботой о своем

имидже. Не стоит списывать со счетов и такие простые человеческие чувства, как зависть, нелюбовь или обиду, а также субъективность восприятия и интерпретации происходящего, находящие свое отражение в мемуарах.

Значительный объем информации по теме исследования представлен в материалах справочного характера, выпускавшихся в Великобритании³³ и других странах³⁴ для военного и политического руководства, и статистических данных Лиги Наций³⁵, а также более поздних справочно-статистических изданиях³⁶.

Степень изученности вопросов, поднимающихся в исследовании, сильно отличается в зарубежной и отечественной историографии. За рубежом интерес к теме британских бронированных формирований и их месте в военной политике возник непосредственно в межвоенные годы и был продиктован заинтересованностью ряда военных специалистов в развитии танковых войск и теории бронированной войны, что сказалось на направленности работ. В 1920—1930-е гг. кроме работ Фуллера и Лиддел Гарта, составивших «костяк» исследований на тему танковых войск, в свет вышел ряд других работ. В 1930 г. была издана книга Ф. Митчелла «Tank Warfare. The Story of the Tanks in the Great War»³⁷. Автор являлся молодым представителем военных писателей, попавшим на фронт в возрасте 19 лет и успевшим повоевать в танковых войсках, приняв участие в первом в истории танковом поединке. В своей во многом автобиографичной работе Митчелл, подобно Фуллеру, попытался произвести анализ опыта применения танков в годы войны, дав краткий обзор развития британской бронетехники в 1920-е гг. и продемонстрировав свое видение будущего танковых войск. При этом автор повторял многие высказывания Фуллера и обрушивался с критикой на военных и гражданских бюрократов. Как и многие исследования этой направленности, в 1935 г. книга Митчелла была выпущена в СССР³⁸.

В 1937 г. была издана книга «The Evolution of the Tank» британского контр-адмирала М. Ф. Суетера³⁹, стоявшего у истоков создания танковых войск. В своей комплиментарной для британских военных и политиков работе он описывал «рождение» танка, уделяя внимание и межвоенному периоду. Также контр-

адмирал привел данные о бронетехнике иных стран, сравнивая тактику ее использования и давая советы по применению танков и борьбе с ними.

В межвоенный период к теме британских танковых войск обращались историки и военные и за пределами Великобритании. В Австрии в 1926 г. капитан Ф. Хейгль, ставший конструктором бронеавтомобилей, написал первый в мире военный справочник по бронетехнике «Heigl's Taschenbuch der Tanks - Wesen, Erkennung, Bekämpfung»⁴⁰. В этом труде дается краткое описание применения танков в ходе войны, описывается устройство бронетехники, особенности ее применения и методы борьбы с ней. Кроме того, описывая каждый узел бронированных машин, автор давал информацию не только о текущем положении дел в промышленно развитых странах, но и проводил краткое сравнение технических решений, а также историю их появления. То же относилось к тактическим приемам. Несмотря на избыточный патриотизм^b, Хейгль обращался к британскому опыту, признавая лидерство англичан в вопросах развития танковых войск. В дальнейшем автор продолжил работу над справочником, обновляя информацию и не обходя вниманием опыт использования англичанами бронетехники на Ближнем Востоке. Справочник Хейгля привлек внимание военных всего мира и был переиздан в ряде стран, включая СССР. Его популярность была столь велика, что после ранней смерти Хейгля он продолжил дорабатываться другими авторами. В 1935 г. увидел свет справочник Хейгля, переработанный интернациональным коллективом специалистов, в который входили: шведский инженер О. Меркер, служащий департамента вооружений Великобритании Р. Икс, австрийский танковый специалист О. Хакер и немецкий офицер автомобильных войск Г. Цецшвиц⁴¹.

Зарубежные работы, вышедшие в межвоенный период, носили практический характер и были посвящены анализу опыта применения бронетехники в ходе войны, а также проблеме современного состояния и дальнейшего развития

^b С первых страниц Хейгл приписывает изобретение танка не англичанам или французам, а австрийскому поручику Г. Бурстыну [Heigl F. Heigl's Taschenbuch der Tanks — Wesen, Erkennung, Bekämpfung. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1926. P. 3]

британских бронированных войск в рамках военной политики. Несомненным плюсом этих трудов является то, что писались они в процессе развития британских бронированных сил, что, впрочем, в какой-то степени является и их недостатком. В лекциях, статьях и монографиях 1920—1930-х гг. не дается картина эволюции танковых войск как завершенного процесса с экономической, политической, личностной и иной подоплекой. Кроме того, острота и актуальность проблемы применения бронетехники накладывала ограничения секретности на все работы военной тематики. Стоит отметить, что работы Фуллера и Лиддел Гарта отличались по своему подходу от устоявшейся на тот момент в Великобритании консервативной трактовки истории, впоследствии ставшей базой для ортодоксальной школы в британской историографии межвоенного периода. Вместо традиционного для консерваторов оправдания действий военных и политических лидеров и их просчетов в вопросах организации и развития вооруженных сил, эти военные теоретики регулярно вступали в полемику с британским руководством, отмечая недостатки и ошибки в подходе к организации танковых войск. Однако в вопросе ведущей роли Великобритании, как «маяка цивилизации», и британской армии, как орудия насаждения этой цивилизации, мнение Фуллера совпадало с традиционной историографией того периода, рассматривавшей Соединенное Королевство в роли форпоста прогресса и культуры и относившейся к населению «слаборазвитых стран» как к людям третьего сорта.

Исследование развития британских бронированных войск межвоенного периода продолжилось в 1940—1950-х гг. На рассмотрение этой темы большое влияние оказала Вторая мировая война. Этот всеобъемлющий военный конфликт, ставший настоящим звездным часом танковых войск, часто решавших своим участием судьбы не только сражений, но и государств, изменил восприятие историками рассматриваемой темы. С одной стороны, масштабные, эффективные и, что немаловажно, эффектные танковые бои привлекли к бронированным соединениям внимание как исследователей, так и простых обывателей, с другой стороны, по тем же причинам весь межвоенный этап развития танковых войск оказался «в тени» Второй мировой войны, став менее притягательным для

изучения. Историки, военные и писатели мемуаров и биографий, когда речь заходила о бронетехнике, начинали либо игнорировать 1920—1930-е гг., ограничиваясь буквально несколькими фразами, либо рассматривать этот этап как прелюдию к главной войне человечества, не стоящую пристального внимания. В дальнейшем, за редкими исключениями, эта тенденция сохранилась в зарубежной историографии.

Типичным трудом, затрагивающим эволюцию танковых войск как одну из составляющих подготовки к очередной мировой войне, стала книга Фуллера «The Second World War 1939—1945. A Strategical and Tactical History», вышедшая в 1948 г.⁴². В ней автор обвинял британское военное и политическое руководство в отсутствии внятного плана развития вооруженных сил в целом и танковых войск как их части, указывая на недостатки организации материально-технической службы, сформированной в межвоенный период.

В послевоенные десятилетия говоря о танковых войсках, британские военные и историки пытались объяснить их неудачи в сражениях Второй мировой войны. Фельдмаршал Б. Монтгомери со страниц мемуаров, вышедших в 1958 г., обвиняет в неудачах армии политиков. По его мнению, виноваты были все сменявшие друг друга английские правительства в период между мировыми войнами, а особенно те, что руководили страной с 1932 г., когда заговорили о необходимости перевооружения армии на современной основе. До 1938 г. дальше обсуждений дело не шло, а в 1939 году реформа армии все еще продвигалась черепашьями темпами⁴³. Подобное мнение было типично для времени упадка традиционной либеральной историографии и становления ортодоксальной школы, обозначившегося в 1940—1950-е гг. Для нее, во многом сформировавшейся под влиянием трудов У. Черчилля и его единомышленников, было характерно крайне критическое отношение к политике С. Болдуина и Н. Чемберлена, в том числе и в военной сфере.

В 1959 г. был издан труд, претендующий на звание всеобъемлющего описания развития британских танковых войск за 1914—1945 гг. Написанная Лиддел Гартон двухтомная монография «The Tanks: The History Of The Royal Tank

Regiment And Its Predecessors, Heavy Branch Machine-Gun Corps, Tank Corps And Royal Tank Corps, 1914—1945»⁴⁴ была посвящена созданию и развитию британских бронетанковых войск в период с Первой по Вторую мировые войны. В своей работе Лиддел Гарт весьма критически описывает работу военного и политического руководства и неустанно повторяет, что благодаря их действию либо бездействию был упущен уникальный шанс создать небольшую маневренную армию, ядром которой служили бы бронированные войска. Однако у этого масштабного труда имеется ряд недостатков, являющихся продолжением достоинств. В первую очередь это излишняя субъективность описания, вызванная непосредственным участием в событиях. Кроме того, в монографии не учитываются экономическая и политическая составляющие, а выдержки из личной переписки автора с членами военного и политического руководства являются лишь малой частью источников личного характера, ставших доступными значительно позже. Также не стоит забывать о недоступности, несмотря на вовлеченность в военные круги, для Лиддел Гарта большого пласта секретных на тот момент документов, позволяющих по-новому взглянуть на описываемые им события.

В 1960 г. в свет вышла книга Р. Огоркевича «Armoured Forces: History of Armoured Forces and Their Vehicles»⁴⁵, посвященная танковым войскам различных армий мира, где британским бронированным соединениям уделяется всего 30 страниц. Акцент в работе делается на организационной и технической частях, а книгу можно назвать скорее научно-популярной в силу отсутствия справочного аппарата.

С началом 1960-х гг. в британском историческом сообществе стало формироваться новое направление, рассматривающее межвоенный период, и особенно 1930-е гг., через призму попыток понять политику «ущемленных» Версальским договором стран, особенно Германии. Первой работой такого рода стала книга А. Дж. П. Тейлора «The Origins of the Second World War»⁴⁶, вышедшая в 1961 г. В этой и дальнейших монографиях Тейлор трактовал британскую политику развития вооруженных сил в межвоенный период как достаточно адекватную, отмечая большую роль британского изоляционизма в процессе

построения армии⁴⁷. После статьи Д. К. Уатта «Appeasement. The Rise of a Revisionist School» 1965 г.⁴⁸ это направление получило название ревизионистского. Исследователь поднял острый вопрос недоступности в виду секретности огромного пласта документов, затрагивающих военную, политическую и экономическую сферы развития Великобритании в межвоенный период. В результате общественного резонанса в 1967 г. был принят билль о рассекречивании ряда документов 1920—1930-х гг., что не замедлило сказаться на росте количества и качества военно-исторических исследований, посвященных этому периоду. Вышли работы «Britain and Her Army» и «The Collapse of British Power» К. Барнетта⁴⁹, в которых тема танковых войск отходила на задний план, а когда речь заходила о технической модернизации, автор говорил о несоответствии представлений военной элиты о будущем армии и реалий общественного, экономического и технического развития, приведшим к пустой трате времени и средств на видимость развития⁵⁰. В 1970-х гг. британский военный и социальный историк Д. Кроу выпускает серию книг «AFV/Weapons series», в которую вошли монографии «Armoured Fighting Vehicles of the World: British A.F.V.'s, 1919—40»⁵¹, «British and Commonwealth Armoured Formations, 1919—46»⁵² и «Encyclopedia of Armoured Cars and Half-Tracks»⁵³. В них автор рассматривал развитие британских и союзных бронированных войск, обращаясь к тактико-техническим характеристикам (ТТХ) боевых машин. Отличительной чертой данных исследований является научно-популярный стиль изложения, в котором не ставится серьезных вопросов и не затрагиваются глубинные причины происходящего. Кроме того, межвоенный период рассматривается Кроу исключительно как пролог ко Второй мировой войне. Неоспоримой заслугой исследователя является то, что в своих работах он, пусть и кратко, затрагивает тему условных обозначений британских бронированных войск, не рассматриваемую до этого.

Также в 1972 г. была выпущена книга П. Чемберлена, написанная в соавторстве с К. Эллисом «Tanks of the World 1915—1945», в которой сжато изложена эволюция танковых войск промышленно развитых держав за 1915—1945 гг. В монографии, включающей более 1200 фотографий бронетехники, при

описании британских бронированных соединений межвоенного периода высказывалось мнение о том, что эти годы были «...временем серьезной финансовой строгости и нерешительности на высоких командных уровнях»⁵⁴.

Наряду с этими исследованиями в 1960—1970-е гг. в Великобритании были изданы книги военного историка Б. Т. Уайта и отставного подполковника британской армии Р. Дж. Икса, ранее работавшего над «справочником Хейгля», «British Tanks 1915—1945»⁵⁵, «British armoured cars 1914—1945»⁵⁶ и «Tanks And Armoured Vehicles 1900—1945»⁵⁷. Отличительной чертой этих монографий было достаточно поверхностное описание развития бронированных войск в период между двумя мировыми войнами и концентрация внимания на ТТХ бронетехники. При этом в работе 1978 г. «British Tank Markings and Names: The Unit Markings, Individual Names and Paint Colours of British Armoured Fighting Vehicles, 1914—1945»⁵⁸ Уайт развивает тему, ранее затронутую Кроу, окраски, условных обозначений и эмблем, наносимых на британскую бронетехнику в период с 1914 по 1945 гг.

Одной из знаковых работ, частично захватывающей межвоенный период, включая бронированные соединения, стал первый том масштабного труда, посвященного подготовке Великобритании к войне — «Grand Strategy»,⁵⁹ вышедший в 1976 г. Его автор, оксфордский профессор Н. Гиббс, был приближен к правительству, что дало ему доступ ко многим документам. В своей работе Гиббс высказывал мнение о несоответствии военной техники нуждам армии, а также низким темпам перевооружения и модернизации, сохранявшихся фактически до 1938 г., вызванных отсутствием должного контакта между правительством и военными. Монография изобилует ссылками на значимые материалы, но, как и в подавляющем количестве работ военных историков, тема бронетехники затрагивается лишь мельком.

1980-е гг. в зарубежной историографии были отмечены двумя значимыми трудами по теме исследования. В 1984 г. вышла монография Р. Ларсона «The British Army and the Theory of Armored Warfare, 1918—1940»⁶⁰, в которой отслеживается эволюция теории бронированной войны в британской армии 1920—1930-х гг. В

чем-то эта монография сравнима с первым томом «The Tanks» Лиддел Гарта. Но, написанная через три десятилетия, она отличается меньшими субъективностью и критикой британского руководства. При этом в книге используется ряд материалов, недоступных Лиддел Гарту. Ларсон, идя в «фарватере» ревизионистов, полагал, что развитие британских танковых войск во многом отвечало запросам военных и было обусловлено сочетанием факторов, к которым прислушивалось руководство страны, желая получить сбалансированную армию.

Второй стала монография американского военного историка Г. Уинтона «To Change an Army»⁶¹ 1988 г., раскрывающая роль британского генерала Дж. Барнетта-Стюарта в развитии английских танковых войск в период 1927—1938 гг. Уинтон высказывает мнение, что Фуллер, Лиддел Гарт и их последователи были апологетами бронированной войны, в то время как другие офицеры противостояли им, но основное препятствие развитию британских танковых войск автор видел в том, что бронированная война с точки зрения руководства была технологически возможна, но не была необходима.

К началу 1990-х гг. в британской историографии межвоенного периода намечается постепенный уход с первых ролей представителей Оксфордского университета и замена их на выходцев из военной академии Сэндхерст, одним из которых являлся Дж. Киган, в 1990 г. выпустивший книгу «The Second World War»⁶², в которой описывался не только ход Второй мировой войны, но и этапы подготовки Великобритании к ней, включая изменения в составе и вооружении танковых соединений.

В 1991 г. в свет вышла монография Д. Флетчера, работавшего в танковом музее Бовингтона и успевшего снискать славу главного специалиста по танкам в Великобритании. В своей работе «Mechanised Force: British Tanks Between the Wars»⁶³ Флетчер воздержался от суждений о правильности развития танковых соединений и роли военного и гражданского руководства, а сконцентрировался на близких ему технических нюансах, порой знакомя читателя с весьма интересными случаями.

Также в 1994 г. в свет вышла очередная танковая энциклопедия «World Encyclopaedia of the Tank: An International History of the Armoured Fighting Machine» за авторством К. Чанта⁶⁴, в которой имеется достаточно краткий и поверхностный обзор развития танковых войск, в том числе 1920—1930-х гг., сопровождающийся фотографиями и ГТХ бронетехники.

Одной из значимых работ этого периода стала монография Дж. П. Харриса «Men, ideas and tanks: British military thought and armoured forces, 1903–1939», увидевшая свет в 1995 г⁶⁵. В ней автор подвергает критике взгляды и высказывания Фуллера и Лиддел Гарта, не соглашаясь с плачевным состоянием танковых войск, показанным в своих работах другими исследователями, и доказывает не такую большую значимость бронетехники для межвоенной британской армии.

Заметный вклад в освещение темы британских танковых войск, включая межвоенный период, внесли и военно-исторические телевизионные передачи, выходившие в 1990-х гг. на канале ВВС, в частности цикл «Tanks», знакомивший зрителей с бронетехникой различных стран и временных отрезков, а также яркими моментами из истории ее применения.

Ряд крупных военных конфликтов конца XX — начала XXI вв. с применением бронетехники, повлек новый виток интереса к военной истории и истории бронетехники. В 2000 г. была издана работа Дж. Стоуна «The Tank Debate: Armour and the Anglo-American Military Tradition»⁶⁶, в которой исследуется роль танка в английской и американской армиях. При этом основной акцент сделан на противостоянии НАТО и Варшавского договора, а также применении танков в ходе операции «Буря в пустыне». Межвоенному периоду уделено лишь несколько страниц, на которых исследователь высказывает свое мнение о достаточном, несмотря на заявления Лиддел Гарта и Фуллера, уровне развития танковых войск Великобритании 1920—1930-х гг.

В 2001 г. вышла книга «Tank Warfare the Illustrated History of the Tank at War 1914—2000» военного историка К. Йоргенсена, в которой он отвел британским танковыми войскам 1920—1930-х гг. лишь несколько страниц, утверждая, что англичане увлеклись созданием чрезмерного количества моделей бронетехники, не

уделив должного внимания тактике и взаимодействию танков с другими родами войск, а также писал: «Те немногие, кто осмелился думать в терминах новой войны, где танк играл ключевую роль, были либо лишены голоса, либо игнорировались. Британия была наиболее ярким примером пренебрежения и невежества. После изобретения оружия британцы отказались от него в пользу возврата к “нормальной” армии»⁶⁷.

В новом тысячелетии тема британских танковых войск межвоенного периода продолжила привлекать внимание не только историков, но и профессиональных военных. Примером является статья капитана канадской армии А. Дж. Дункана «Technology, Doctrine and Debate: the Evolution of British Army Doctrine Between the World Wars», опубликованная в 2003 г. в журнале *The Canadian Army Journal*⁶⁸. В работе, основанной на его магистерской диссертации, автор утверждает, что в 1920—1930-х гг. в Великобритании наблюдался значительный прогресс в деле механизации войск и разработки теории бронированной войны, но приход к власти в Германии нацистов вынудил английское руководство вернуться к массовой армии, «похоронив» достижения в сфере танковых войск, как основы малочисленных, но высококомобильных войск, что стало прологом к поражению в начале Второй мировой войны.

В 2003 г. в США была издана коллективная монография «The Challenge of Change: Military Institutions and New Realities, 1918—1941»⁶⁹, освещавшая эволюцию танковых войск промышленно развитых стран межвоенного периода. Британской армии была посвящена глава за авторством Г. Уинтона, по сути являющаяся сокращенной версией его предыдущей монографии.

В 2005 г. британский историк Д. Эджертон опубликовал монографию «Warfare State: Britain, 1920—1970», посвященную английскому военно-промышленному комплексу в период 1920—1970 гг. В данном исследовании бронетехнике межвоенного периода уделяется мало внимания. Автор утверждает: «Во время и после [Первой мировой] войны в британской армии имелось очень эффективное танковое лобби, сделавшее Великобританию главной танковой державой 1920-х годов. Не только энтузиасты из числа танковых офицеров, но и

большинство руководителей британской армии межвоенного периода сочувствовали [идеям бронированной войны]»⁷⁰.

Второе десятилетие XXI в. подарило западным читателям огромное количество «энциклопедий бронетехники» как традиционного типа, так и электронных, рассчитанных на массового читателя и объединенных общим свойством: краткой, поверхностной и порой не вполне достоверной информацией об основных ГТХ бронетехники, без попыток анализа причин появления и способов применения этих боевых машин. На этом фоне можно выделить монографии Д. Флетчера. Параллельно со съемками видеороликов для официального YouTube канала британского танкового музея в Бовингтоне он выпустил ряд работ, в которых описывал «жизненный путь» конкретных образцов бронетехники. Частично межвоенном периоде в Великобритании автор посвятил книги: «The Rolls-Royce Armoured Car» 2012 г.⁷¹, «British Light Tanks 1927—45 Mk I—VI» 2014 г.⁷² и отчасти составленную из предыдущих работ «British Battle Tanks World War I to 1939» 2016 г. издания⁷³. Как и в ранних работах, Флетчер не проводит в них анализа причин и хода развития британских танковых войск 1920—1930-х гг., а лишь дает общее описание процесса, «сдабривая» описание интересными фактами технического порядка.

К работам того же ряда можно отнести книгу Р. Огоркевича «Tanks 100 years of evolution», вышедшую в 2015 г. и описывающую развитие танка за его столетнюю историю⁷⁴. Эта работа является продолжением его предыдущей монографии, дополняя ее событиями прошедших лет.

В 2013 г. была издана весьма интересная работа «British Tank Production and the War Economy, 1934—1945» Б. Кумбса⁷⁵, касающаяся темы военной британской экономики и ее роли в производстве бронетехники. Однако исследование затрагивает лишь последние пять лет межвоенного периода.

В 2015 г. вышла коллективная монография «Genesis, Employment, Aftermath: First World War Tanks and the New Warfare, 1900—1945» под редакцией А. Сирла⁷⁶, военного историка нового поколения. Являясь профессором современной европейской истории в Солфордском университете, он увлекся темой танковых

войск еще на последних курсах обучения, выбрав британские танковые войска Первой мировой войны темой дипломной работы. Он продолжил свои исследования в этом направлении, и они вылились в цикл лекций для студентов и указанную монографию. В этом исследовании освещались отдельные моменты развития бронированных войск крупнейших армий мира за 1900—1945 гг. Британские войска межвоенного периода были затронуты в главе, вышедшей из-под пера самого Сирла, посвященной битве при Камбре, ее итогам, осмыслению и последствиям, повлиявшим на восприятие военными роли танка, легшими в основу тактики применения бронетехники в начале Второй мировой войны. При этом 1920—1930-е гг. используются автором как переход от одной мировой войны к другой.

В 2017 г. была издана самостоятельная работа А. Сирла «Armoured Warfare: A Military, Political and Global History»⁷⁷, в которой описывалась трансформация теории бронированной войны за последние 100 лет под воздействием политики и экономики. Пытаясь рассмотреть войска мировых держав за целый век, Сирл мало внимания уделил британской армии межвоенного периода, поддержав историков, считающих Фуллера и Лидделл Гарта ключевыми фигурами бронированной войны, а общий провал британской концепции развития танковых войск в 1920—1930-х гг., по его мнению, стал следствием отдаления этих личностей и их последователей от руководства вооруженными силами.

В отечественной историографии и литературе тема британских бронированных войск межвоенного периода освещена значительно меньше, чем за рубежом. Основной пик интереса к ним пришелся на 1920—1930-е гг. и был продиктован практическим интересом. Танковые войска в СССР активно развивались, и, вполне естественно, что в этих условиях отечественные военные уделяли первостепенное внимание именно британской армии.

В 1920—1930-е гг. был издан ряд работ, так или иначе рассматривающих британские танковые войска. Среди них были как переводы трудов Фуллера, Хейгля, Лидделл Гарта и других западных теоретиков, так и отечественные исследования. Одной из первых таких работ можно считать монографию С. М.

Вишнева «Танковые войска иностранных государств», вышедшую в 1926 г. В ней кратко описывалось состояние танковых войск мировых держав, ТТХ их техники и тактики ее применения. Британскому Королевскому Танковому Корпусу (КТК) давалась лестная оценка. Вишнев писал, что несмотря на относительно небольшую численность, вызванную направленностью на поддержание порядка в колониях, КТК обнаруживает тенденцию к применению танков во взаимодействии с другими родами войск и самостоятельным действиям в условиях маневренной и колониальной войны, а также говорил о создании англичанами инновационных бронированных машин⁷⁸. Также на фоне работ практической направленности можно выделить упомянутую монографию Тухачевского «Моторизация и механизация армий и война», вышедшую в 1933 г.⁷⁹. Для этих трудов характерны высокая оценка развития бронетанковых соединений в Великобритании, а также внимание к трудам Фуллера и Лиддел Гарта, сопряженное с их признанием «проводниками» теории механизированной войны. Например, К. Б. Калиновский, прошедший в Красной Армии путь от командира бронепоезда до инспектора броневых сил и заместителя начальника Управления механизации и моторизации РККА, в работе «Проблема моторизации и механизации современных армий» 1931 г.⁸⁰ отмечает, что Англия опережает другие капиталистические страны в вопросах развития танковых войск, и цитирует Фуллера, соглашаясь с ним по всем вопросам, за исключением сокращения численности войск под воздействием механизации.

Высокую оценку британским танковым войскам дает преподаватель и будущий начальник кафедры моторизации и механизации войск Военной академии им. М. В. Фрунзе В. В. Фавицкий, цитирующий Фуллера в статье «Роль механизированных войск в современной операции», вышедшей в 1933 г.⁸¹. При этом Фавицкий, как и другие советские теоретики, критикует Фуллера за «недуг массобязни», выражающийся в отрицании массовых армий.

Таким образом, говоря об отечественных исследованиях британских танковых войск в 1920—1930-е гг., можно выделить их сугубо практическую направленность, вызванную поставленными целями, такими, как сбор и анализ

опыта конструирования, эксплуатации и применения бронетехники, а также организации войск ею вооруженных. В этих работах не затрагивались глубинные причины и хитросплетения эволюции бронированных войск. Кроме того, для исследований этого периода характерно наличие непроверенной или недостоверной информации, вызванной недоступностью данных в силу режима секретности и натянутых отношений между советским и британским правительствами. При этом на протяжении межвоенного периода отечественные исследователи традиционно высоко оценивали уровень развития британских танковых войск, соглашаясь с постулатами Фуллера и Лиддел Гарта, за исключением отказа от массовых армий.

В 1940—1950-е гг. интерес отечественных историков к британским танковым войскам 1920—1930-х гг. угас, по сути не успев зародиться. Решающую роль в этом сыграла Вторая мировая война, повлиявшая на наше общественное сознание значительно больше, чем в странах Европы и США. Чудовищная тяжесть и судьбоносность этого конфликта для народов СССР отодвинули на задний план Первую мировую войну и межвоенный период. Отечественные историки на многие десятилетия сконцентрировались на теме Второй мировой войны и особенно на 1941—1945 гг., а межвоенный период воспринимался лишь как пролог к этой войне, и упоминались только 1935—1939 гг. в виде периода активной подготовки стран к войне. В связи с этим британские бронированные соединения в отечественной историографии упоминались эпизодически и в «гомеопатических дозах», в то время как большая часть монографий была посвящена танковым войскам 1939—1945 гг. или отечественным бронированным соединениям и боевым машинам.

При этом в отличие от 1930-х гг., о британской армии и танковых войсках сложилось мнение, как о слабо подготовленных ко Второй мировой войне. Однако, в отличие от западной историографии, отечественные исследователи не ставили в вину британскому военному и политическому руководству недостаточное внимание к идеям Фуллера и Лиддел Гарта, а указывали на системные проблемы вооруженных сил и государства в целом, не вдаваясь в подробности. Так,

например, в обширном отечественном труде «История Второй мировой войны», работа над которым продолжалась с 1973 по 1982 гг., указывается на то, что «вследствие консерватизма высшего военного руководства Англии вопрос об увеличении количества бронетанковых частей так и не был решен до начала войны»⁸².

Новые экономические реалии, пришедшие в историческую науку и книжное дело после 1991 г., увеличили количество работ, затрагивающих тему британских танковых войск межвоенного периода. Но большинство этих работ являлись «танковыми энциклопедиями» и монографиями, посвященными одной конкретно взятой модели танка. Характерным примером может служить «История танка 1916—1996» И. П. Шмелева⁸³, вышедшая в 1996 г., в которой британским танковым войскам межвоенного периода уделено несколько страниц, на которых автор, не вдаваясь в детали, характеризует их как недофинансированные и слабо подготовленные, а само британское командование называет крайне недалёковидным.

В 1996 г. М. Б. Барятинский в своей краткой работе «Бронетанковая техника Великобритании (1939—1945)» утверждал, что «в Англии затянулась дискуссия о роли и месте танков в современной войне. Неопределённость в этом вопросе тормозила разработку соответствующих тактико-технических требований и выдачу заказов промышленности»⁸⁴, а Г. Л. Холявский в книге «Полная энциклопедия танков мира. 1915—2000» писал: «К началу 30-х годов английское танкостроение сохраняло передовые позиции... Однако в Великобритании не сумели правильно определить генеральную линию развития танкостроения, и в итоге к началу второй мировой войны английская армия не имела ни одного танка, отвечающего современным требованиям. Причиной этого послужила концепция Имперского Генерального штаба, считавшего, что воевать в основном придется в собственных колониях»⁸⁵.

В 2002 г. в свет вышла книга А. А. Быстрова «Танки 1916—1945: Иллюстрированная энциклопедия»⁸⁶, явившаяся нетипичной «танковой энциклопедией». В ней рассматривались танковые войска межвоенного периода, а

ТТХ техники являлись дополнением. Но по причине того, что в книге рассматриваются армии СССР, Великобритании, Германии, Франции, США, Чехословакии, Италии, Польши, Японии, Финляндии, Румынии, Венгрии и Испании, британским войскам уделяется несколько страниц. Кроме того, автор называет британские бронированные соединения межвоенного периода Королевским Танковым корпусом еще до 1923 г.⁸⁷, когда приказом № 369 Танковому корпусу был присвоен статус Королевского⁸⁸.

Достаточно типичным для отечественной историографии является подход к описанию британских танковых войск 1920—1930-х гг., проявленный в работе «История западноевропейских армий» под редакцией В. А. Золоторёва (2003 г)⁸⁹. В ней дословно воспроизводится описание КТК, данное на страницах «Истории Второй мировой войны» за 29 лет до этого.

На этом фоне и в «танковых энциклопедиях», и в ряде монографий, посвященных конкретным моделям техники, межвоенный период, особенно в Великобритании, достаточно часто остается «белым пятном». Примером чему могут послужить такие работы, как «Танки (военная техника)» В. Лиско, 2010 г.⁹⁰, где после боевых машин Первой мировой войны сразу следуют танки 1939—1945 гг., или труды М. В. Коломийца, М. Н. Свирина и М. Б. Барятинского, в которых британские танковые войска 1920—1930-х гг. либо не упоминаются вовсе, либо рассматриваются в контексте создания таких танков, как Churchill, Matilda, Valentine в преддверии Второй мировой войны, что ограничивает временные рамки 1937—1939 гг.

Одной из проблем отечественной историографии является то, что не все работы последних лет, рассматривающие британские танковые войска межвоенного периода, могут считаться шагом вперед в военной истории. Примером является книга А. Г. Больных «XX век танков», на страницах которой автор производит попытку анализа развития танковых войск в армиях стран мира. Больных с легкостью выстраивает различные теории, ругая руководство не только Великобритании, но и США, СССР, Германии и Франции за нерациональные и глупые, по мнению автора, решения. Однако вся научность работы «разбивается»

о фразу: «К сожалению, я не работал в архивах, и есть серьезные опасения, что большинство подобных документов и актов запрятано слишком глубоко, если вообще не уничтожено»⁹¹.

В последние годы актуальность исследования британских танковых войск межвоенного периода обозначена рядом работ. В 2003 г. в Великом Новгороде была защищена диссертация кандидата исторических наук К. В. Калиниченко «Проблемы перевооружения Англии накануне Второй мировой войны», в которой исследователь, основываясь на отечественной и зарубежной литературе и монографиях, посвятил параграф британским танковым войскам. В нем Калиниченко практически дословно воспроизводит все тот же абзац из «Истории второй мировой войны» и, дословно повторяя заключение Барятинского, утверждает, что «в 1936 году англичане считали достаточным вооружать танки только пулеметами»⁹², что идет вразрез с принятием в 1923 г. на вооружение британской армией своего самого «долгоиграющего» танка Medium Mk. I/II, вооруженного 3-фунтовым орудием OQF. В 2011 в свет вышла статья «Лошади или танки? Дискуссии в британской армии 1920-х гг.» И. Э. Магадеева, в которой высказывается нетипичное для отечественной историографии мнение, что «записать их [британских военных] в стан ярых консерваторов и твердолобых приверженцев кавалерии затруднительно. Напротив... британские военные продемонстрировали свое новаторство в сфере развития танков и их применения на поле битвы»⁹³. В 2013 г. в Челябинске была защищена диссертация кандидата исторических наук А. В. Ражева «Сухопутная армия Великобритании в 1935—1939 гг.: модернизация стратегии и политика умиротворения»⁹⁴. В этом подробном и хорошо проработанном исследовании небольшая часть внимания уделяется британским танковым войскам 1935—1939 гг. А в 2014 г. была издана монография Е. Белаша «Танки межвоенного периода», в которой автор затрагивает тему развития британских танковых подразделений в 1920—1930-е гг.⁹⁵, отмечая схожесть тактики применения танков в Великобритании и СССР и тождественность выводов советского и британского командования из учений межвоенного периода.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии прослеживается запрос на исследования, связанные с британскими танковыми войсками 1920—1930-х гг. При этом несмотря на достаточно серьезную проработку в британской и американской историографии комплексные исследования по этой теме можно пересчитать по пальцам, некоторые из них датируются 1950-ми и 1970-ми гг., а, следовательно, их авторы не могли ознакомиться с доступными на текущий момент источниками. Большая же часть работ затрагивает межвоенный период «вскользь», концентрируясь на мировых войнах либо ином объекте исследования. Что касается отечественной историографии, то комплексные работы по теме исследования в ней отсутствуют полностью. При этом историческое и около-историческое сообщество ощущает потребность в трудах такого рода, выполненных в соответствии с духом и буквой науки, о чем свидетельствует факт издания работ, поднимающих тему эволюции британских танковых войск между мировыми войнами.

Положения, выносимые на защиту:

1. Британские сухопутные войска 1920—1939-х гг. в контексте разработки военной политики не являлись объектом приоритетного внимания со стороны руководства страны. Они существовали в условиях постоянных финансовых ограничений, обусловленных их низкой значимостью в обеспечении безопасности империи по сравнению с ВМС и ВВС и уверенностью руководства страны в невозможности большой войны в ближайшее десятилетие. Основными задачами сухопутных войск в это время являлись: оборона баз флота и поддержание порядка в колониях, подмандатных территориях и метрополии. Британские танковые войска как часть сухопутных войск до 1935 г. развивались в соответствии с этими задачами, часто являясь объектом финансовой экономии.

2. Непоследовательность политики сменявших друг друга британских правительств, особенно в 1930-е гг., привела к отсутствию четкой программы развития, модернизации и перевооружения танковых войск.

3. Деятельность военного министерства на протяжении почти всех 1920-х гг. в первую очередь была направлена на максимальную экономию финансовых

средств при сохранении обороноспособности империи, что, в числе прочего, привело к принятию системы так называемого Воздушного контроля на Ближнем Востоке и проведению ряда масштабных экспериментов в области применения бронетехники.

4. Полученный в 1920-е гг. опыт определил уверенность британских военных и политиков вплоть до весны 1939 г. в том, что британские войска обладают лучшими легкими танками в мире, пригодными для использования на любых театрах военных действий и против любого противника.

5. Развитие британских танковых войск на протяжении 1920—1930-х гг., включая предвоенный период, было обусловлено уверенностью военного и политического руководства в возможности (в случае угрозы со стороны континентальных держав) в течение угрожаемого периода и первых месяцев войны пополнить сухопутные вооруженные силы большим количеством новейших танков и обученным личным составом. Создание же крупных танковых войск в мирное время считалось нецелесообразным с точки зрения затрат.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможном применении полученных результатов при исследовании истории Великобритании 1920—1930-х гг., предыстории Второй мировой войны, а также подготовке общих учебных курсов по Новейшей истории и специальных учебных курсов по истории британских вооруженных сил.

Апробация результатов. Выводы, представленные в исследовании, отражены в восьми научных статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК:

1. Петунин К.Б. Танковые войска Великобритании 1920—1930-х гг.: путь из лидеров в отстающие или жертва компромисса? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 150—155.

2. Петунин К.Б. Британский парламент и тема перевооружения нацистской Германии в 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. 11—1 (73). С. 102—107.

3. Петунин К.Б. Британские танковые эксперименты 1920-х гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 9. С. 41—48.

4. Петунин К.Б. Влияние военного министра Л. Уортингтона-Эванса на развитие британских танковых войск межвоенного периода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 8 (121). С. 176—182.

5. Петунин К.Б. Британские танковые войска 1930-х гг. глазами советских военных и технических специалистов // Общество: Философия, История, Культура. 2018. № 6 (50). С. 65—71.

и других рецензируемых изданиях:

6. Петунин К. Б. От Амьена до Халхин-Гола. Путь длиною в 20 лет. Рец.: Белаш Е. Ю. Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с. // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 266—274.

7. Петунин К.Б. Межвоенная дискуссия о роли танков в британской армии // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. № 10. С. 142—149.

8. Петунин К.Б. Бронетехника в британской концепции воздушного контроля 1920-х гг. // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. Материалы международной научно-практической конференции. Волгоград: Научный центр «Диспут». 2017. С. 66—69.

Основные положения работы были представлены на трех аспирантских научных конференциях кафедры истории Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (2015, 2016, 2017 гг.) и международной научно-практической конференции, проведенной Научным центром «Диспут», г. Вологда (2017 г.).

Глава 1. Британские вооруженные силы после Первой мировой войны и развитие теории бронированной войны

1.1 Британские вооруженные силы после Первой мировой войны

Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г., означал завершение «Войны за окончание всех войн». Однако, в отличие от простых обывателей, военные и политики прекрасно понимали, что окончательный и полный мир оказался недостижимым. Не зря начальник французского Генерального штаба и верховный главнокомандующий союзными войсками во Франции, маршал Ф. Фош, узнав о подписании Версальского договора, воскликнул: «Это не мир, это перемирие на 20 лет!»⁹⁶. Того же мнения придерживался и министр иностранных дел Франции С. Пишон, «отметивший» это событие фразой: «Это не мир, это лишь начало»⁹⁷. В этих условиях военные и политики всех стран продолжили придерживаться мнения о необходимости содержания крупных вооруженных сил, сопряженного с их модернизацией и разработкой концепций применения.

Именно состояние и роль британских вооруженных сил в первые годы после Первой мировой войны явились той основой, на которой строилось развитие сухопутных войск и танковых войск как их части. Понимание того, в каком положении находились британские вооруженные силы в начале 1920-х гг., каковы были их задачи и перспективы, поможет лучше разобраться в том, в каких условиях начиналось развитие английских танковых войск межвоенного периода. Ряд решений, принятых военными и политиками в это время, повлиял на судьбу

бронированных формирований в Великобритании вплоть до начала Второй мировой войны.

Ключевой точкой в развитии британских вооруженных сил и военной политики после Великой войны следует считать 5 августа 1919 г., когда, с подачи Черчилля, находящееся под гнетом финансовых и социальных проблем британское правительство приняло Десятилетнее правило, заключающееся в развитии вооруженных сил, исходя того, что «большой европейской войны не будет в течение следующих десяти лет»⁹⁸. Через 10 дней военный кабинет дополнил эту формулировку, постановив считать, что «Британская империя не будет участвовать в какой-либо большой войне в течение следующих десяти лет, а, следовательно, в экспедиционных силах нет необходимости»⁹⁹.

Конечно, в Великобритании понимали, что немецкие военные не смирились с условиями Версальского договора, о чем свидетельствует то, что уже в начале 1920 г. Германия просила генерала Ш. Нолле, возглавлявшего Межсоюзническую контрольную комиссию, о разрешении увеличить численность своих войск¹⁰⁰. Однако, британские политики не считали, что Германия в ближайшее время может представлять угрозу Соединенному Королевству. Министр иностранных дел Дж. Керзон и премьер-министр Д. Ллойд Джордж в конце 1920 г. заявляли об отсутствии угроз со стороны поверженного противника¹⁰¹.

Позднее М. Хэнки, бывший главой военного кабинета, возлагал ответственность за появление Десятилетнего правила, «обдиравшего армию до костей, губящего оборону империи и уничтожавшего военное производство», на Черчилля, обвиняя его в поспешности и недальновидности¹⁰², а в официальной записке, направленной в 1923 г. в военное министерство, утверждал, что финальное решение было принято в тесном кругу, в который, кроме действующего премьер-министра, входили: будущий обладатель этого кресла и бывший канцлер казначейства Б. Лоу, действующий канцлер казначейства О. Чемберлен и министр по делам колоний А. Милнер, при этом представители военных на обсуждении не присутствовали¹⁰³. Вообще-то изначально Десятилетнее правило предусматривало создание комиссий, должных регулярно анализировать степень военных угроз, но

в финальной редакции этот пункт был исключен¹⁰⁴. Так или иначе, подобный подход позволял существенно сократить расходы на вооруженные силы, что было весьма актуально. По итогам войны, чистый государственный долг Великобритании вырос с 620 000 000 £ в 1914 г. до чудовищных 7 809 000 000 £ в 1920 г., а британский экспорт сократился на 20% по сравнению с 1914 г. В 1920 г., после подписания перемирия, британские расходы на оборону упали с 2 199 200 000 до 693 700 000 £, однако оставались все еще крайне высоки по сравнению с довоенными 78 600 000 £¹⁰⁵ (См. приложение 1). Всем было очевидно, что необходимо скорейшее дальнейшее сокращение этих расходов. В этой ситуации правительству пришлось пересматривать значимость родов войск, зависевшую от основных целей, преследуемых в оборонной сфере британским военным и политическим руководством.

Кроме того, первые послевоенные годы в Великобритании можно охарактеризовать как беспокойные с точки зрения внутренних волнений. В метрополии активизировалось рабочее движение, усилилось расслоение общества^c, что привело к росту забастовочной борьбы. В 1920 г. произошло более 1 500 стачек с участием почти 1 800 000 человек. В начале 1920-х гг. в Великобритании был отмечен один из самых высоких уровней забастовочного движения в Европе¹⁰⁶. Безработица выросла с 6 % трудоспособного населения в 1914 г. до 17 % в 1921 г.¹⁰⁷, а в страну вернулись демобилизованные солдаты, многие из которых были недовольны политическим и военным руководством, что повлекло рост революционных настроений. Все это в совокупности с падением уровня жизни, вызванным послевоенным кризисом и огромным долгом государства, создавало опасность не только для действующей власти, но и для всего существовавшего в Великобритании политического строя. Было очевидно, что требуется срочная стабилизация финансовой сферы государства, влекущая сокращение или перераспределение государственных расходов. В процентах от валового

^c К 1920 г. в двух наиболее населенных частях Соединенного Королевства Англии и Уэльсе 1% населения владел 61% всех богатств, а 5% жителей — 82%. [Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века: учеб. пособие. М.: Вузковский учебник: ИНФРА-М, 2012. С. 107]

национального продукта затраты на оборону были не больше, чем до войны, но в дни, когда налогообложение увеличилось в четыре раза, именно они были первыми в списке пунктов урезания бюджета. В мае 1923 г. канцлер казначейства С. Болдуин предупредил, что, если расходы не будут сокращены, «неизбежным результатом будет сохранение налогообложения на нынешнем уровне, следствием чего может быть смена правительства, недостаточно активно сокращающего оборонные расходы»¹⁰⁸.

По мнению участников первой послевоенной Имперской конференции и британского руководства, главной целью вооруженных сил в послевоенных условиях являлась защита имперских коммуникаций, позволявших Британской империи, раскинувшейся по всему земному шару, существовать, как единое целое. В июле 1920 г. Имперский Генеральный штаб (ИГШ), оценив «военные обязательства империи», составил список «горячих точек», который открывался Ирландией, где находились три пехотные дивизии, после чего шли оккупированная Германия, проливы и Константинополь, охранявшиеся двумя дивизиями, Египет, в котором только что вспыхнуло восстание, Месопотамия и Палестина, где, как отмечалось в документе, «арабы все больше проникаются духом национального самосознания», Персия, где находились две бригады, и, конечно, Индия. Российская военная угроза отмечалась в документе как «миновавшая», но ее место заняла «большевистская деятельность менее внушительная, однако, возможно, более тонкая и неминуемая»¹⁰⁹. Именно в условиях, когда от вооруженных сил по большей части требовалось обеспечение безопасности внутри империи, охрана заморских баз и поддержание порядка в метрополии, а оборонный бюджет существенно сокращался, обострилась конкуренция между родами войск. Главными соперниками стали Королевские ВМС (КВМС), Королевские ВВС (КВВС) и армия.

Безусловно, все 1920-е гг. британское военное и политическое руководство не пребывало в блаженном спокойствии относительно угрозы со стороны континента. Более того, британские военные, как и их коллеги по всему миру, активно использовали тему внешней угрозы для перераспределения бюджетных

средств в свою пользу и борьбы с конкурирующими родами войск. Но сухопутные войска проигрывали в этой гонке. Адмиралтейству традиционно удавалось поставить себя в исключительное положение за счет протяженных имперских коммуникаций, островного расположения метрополии и многовековой традиции формирования вооруженных сил, ярким сторонником которой являлся второй морской лорд Дж. Фишер, твердо убежденный, что основой безопасности империи является флот, в то время как армии должна быть отведена вспомогательная роль¹¹⁰. Многие британские военные и политики в течение 1920-х гг. подчеркивали, что «поддержание безопасности морских коммуникаций – основной и первейший принцип обороны империи»¹¹¹. Вторил им и Л. Эмери, занимавший пост первого лорда адмиралтейства в 1922—1924 гг., заявивший: «Мы живем, движемся и существует как нация и империя благодаря своей мощи, которая позволяет нам держать открытыми и свободными морские пути»

¹¹². После того как немецкий Флот открытого моря оказался на дне Скапа-Флоу^d, у КВМС не осталось достойного противника в Европе. Но сразу по окончании войны британским правительством был составлен доклад, в котором сообщалось, что, в случае предоставления Франции возможности действий в Танжере, правительство третьей республики может приступить к созданию в этом регионе морского порта и даже базы подводных лодок, угрожающих интересам Великобритании¹¹³. Также с целью обезопасить восточные рубежи империи от возможных посягательств Японии и США, в начале 1920-х гг. было принято решение о создании базы флота на Дальнем Востоке, способной держать оборону в течение не менее шести недель, требующихся флоту, чтобы прийти на помощь. В качестве места для этой базы адмиралтейство весной 1921 г. рекомендовало Сингапур. Предложение было одобрено КОИ и правительством и объявлено на

^d 21 июня 1919 г. немецкие моряки приняли решение затопить интернированный британцами Флот открытого моря, в результате чего на дне бухты Скапа-Флоу, расположенной на Оркнейских островах, оказалось 52 боевых корабля различного класса, включая 11 линкоров и 4 линейных крейсера. [Van Der Vat D. The Grand Scuttle: The Sinking of the German Fleet at Scapa Flow in 1919. L.: Birlinn Ltd. 2011. P. 17]

имперской конференции. Стоимость новой базы флота оценивалась более чем в 5 000 000 £¹¹⁴.

Что касается личного состава и материальной части, то к 1920 г. в КВМС числилось 133 000 человек, а расходы на них составляли 156 500 000 £¹¹⁵. При этом в составе британского флота находилось множество кораблей, требовавших ремонта и модернизации после активной эксплуатации в период Первой мировой войны. Только для восьми линкоров в течение ближайших лет был запланирован ремонт и переоборудование стоимостью не менее 240 000 £ за единицу. Также в составе флота находилось четыре авианосца: Argus, Furious, Hermes и Eagle. Все они, кроме Argus, в начале 1920-х гг. должны были пройти модернизацию и перестройку, стоившую не менее 2 000 000 £ за единицу флота. Argus в 1925 г. планировалось лишь отремонтировать, потратив на это около 300 000 £. Наряду с этим, два линкора устаревшей конструкции: Courageous и Glorious – были запланированы к переделке в авианосцы в 1924 г.¹¹⁶. Кроме того, в 1922 г. Адмиралтейством были заказаны линкоры Nelson и Rodney. Оба корабля были сокращенной версией проекта G3^e, отмененного в соответствии с Вашингтонским морским соглашением 1922 г.^f, и обошлись казне в 7 504 000 £ и 7 617 799 £¹¹⁷. Однако, стоит учитывать, что около 40% затрат на строительство линкоров приходилось на орудия, орудийные башни и броневые листы. Например, при

^e G3 - проект линкоров, запланированный Королевским флотом после окончания Первой мировой войны в ответ на программы модернизации ВМФ США и Японии. Четыре корабля этого проекта были бы больше, быстрее и более вооруженными, чем любой существующий линкор. Ожидалось, что G3 получат девять 16-дюймовых (406 мм.) орудий, смогут развивать крейсерскую скорость равную 32 узлам (59 км/ч) и будут обладать водоизмещением в 48 400 тонн [Raven, Alan; Roberts, John (1976). *British Battleships of World War Two: The Development and Technical History of the Royal Navy's Battleship and Battlecruisers from 1911 to 1946*. Annapolis, MD: Naval Institute Press. P. 90].

^f Вашингтонское морское соглашение - соглашение, заключённое между США, Великобританией, Францией, Японией и Италией об ограничении морских вооружений. Подписано 6 февраля 1922 г. Согласно ему, Англия могла иметь 20 линейных кораблей общим тоннажем в 558 950 т. и обязалась не приобретать и не строить линкоров водоизмещением больше 35 000 т., с орудиями калибра свыше 16 дюймов. Общий тоннаж линейных судов, могущий подлежать замене, не должен был превышать для Британской империи 525 000 т. Договор не содержал ограничений для крейсерского и подводного флота. [Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: 1922, Vol. 1. Washington. United States Government Printing Office. 1938, pp. 247-266.]

строительстве Nelson и Rodney на эти части кораблей было выделено по 3 000 000 £¹¹⁸. В результате финансировались не только предприятия, связанные с кораблестроением, но также фабрики, занимавшиеся производством и разработкой броневых сталей и артиллерийского вооружения. Таким образом, послевоенный КВМФ, несмотря на сокращение затрат на вооружение, по-прежнему остался первым по значимости родом войск, требовавшим огромных вложений средств для поддержания боеспособности.

В конце войны, Великобритания получила самостоятельные ВВС, образованные путем слияния Королевского летного корпуса и Королевской военно-морской авиационной службы, подчинявшихся армии и ВМС соответственно. К моменту перемирия в КВВС насчитывалось 150 эскадрилий, включавших 4000 боевых самолетов, и 114 000 человек личного состава, что делало их крупнейшими в мире. После окончания войны их также ждало резкое сокращение бюджета. В этой ситуации КВВС послевоенного десятилетия умело пользовались темой воздушной угрозы со стороны Франции. В условиях поражения и финансового краха Германии, связанной оковами Версаля, одним из источников опасности в начале 1920-х гг. британским руководством виделся недавний союзник — Франция. Именно ее ВВС, подкрепленные развитой экономикой и промышленностью, тревожили умы английских военных и политиков. В факте столь быстрой перемены в отношении ко вчерашнему «брату по оружию» нет ничего необычного. На протяжении веков Англия и Франция являлись геополитическими соперниками, и британские военные и политики об этом прекрасно помнили. В конце 1919 г. заместитель Верховного комиссара Египта и Судана полковник Р. Мейнерцхаген говорил о давней и естественной вражде англичан и французов¹¹⁹, того же мнения в 1920 г. придерживался и Ллойд Джордж, заявлявший об отсутствии у него доверия к французам¹²⁰. А Ч. Хардинг, занимавший пост заместителя министра иностранных дел во время Первой мировой войны, а позже являвшийся британским послом во Франции в 1920—1922 гг., в своих мемуарах писал: «Франция является потомственным противником Великобритании и неизменной угрозой ее спокойствию»¹²¹.

Французская угроза с воздуха, по сути, стала доминирующей в умах британских военных и политиков 1920-х гг., примером того может послужить заявление бывшего премьер-министра, министра иностранных дел и первого лорда адмиралтейства А. Дж. Бальфура, сделанное им в 1921 г., о том, что из-за разницы в потенциалах британских и французских ВВС Великобритании «пребывает в наиболее незащищенном состоянии за все времена»¹²², а также решение о создании подкомитета по вопросам воздушной угрозы со стороны континента при КОИ¹²³. Вторил Бальфуру и Ллойд Джордж, заявивший в 1922 г., что «если мы поссоримся с Францией, её военно-воздушные силы пересекут Ла-Манш в течение считанных часов»¹²⁴.

При этом необходимо учитывать, что в 1920-е гг. КВВС боролись за право существовать как отдельный род войск¹²⁵, и в деле нагнетания страха перед угрозой с воздуха командующий ВВС Х. Тренчард шел на многое. Позже он признался, что не был сильно обеспокоен французской угрозой, а использовал ситуацию для получения преимущества перед другими родами войск. В одной из записок, отправленных премьер-министру, штаб ВВС предупредил о возможных безжалостных атаках на Лондон со стороны французов, могущих использовать разрывные или зажигательные бомбы, химическое оружие и даже «инфекции и бактерии»¹²⁶. Тренчард даже шел на использование слухов, обвиняя французскую сторону в тайной поставке боевых самолетов Турции, что создавало угрозу британским войскам на Ближнем Востоке¹²⁷.

Но французской угрозы для подкрепления значимости КВВС, как отдельного рода войск, было недостаточно. В ходе борьбы за независимость британские ВВС обязаны были доказать свою важность и исключительность. В результате было решено сделать ставку на то, что КВВС могут успешно, а главное, относительно недорого, обеспечить безопасность метрополии. В результате чего появилась стратегия, во многом совпадавшая с доктриной Дуэ^g. Враждебному государству

^g Доктрина названная в честь ее главного идеолога – итальянского генерала и военного теоретика Джулио Дуэ, суть идей которого заключалась в возможности скорого достижения победы над противником путем разрушения не только основных командных центров его армии, но и уничтожения государственной инфраструктуры, приводящей к дезорганизации общества,

планировалось причинить урон, способный вывести его из войны до того, как британские солдаты вступят в бой с войсками противника. Для этого нужно было наносить бомбовые удары по промышленным, транспортным и управленческим центрам. Экономия должна была достигаться за счет использования относительно небольших и дешевых, по сравнению с крупной сухопутной армией, групп бомбардировщиков. Тренчард говорил, что «10 бомбардировщиков могут сделать работу 30 или 100. Требуется лишь отправлять их снова и снова»¹²⁸. В январе 1921 г. в документе штаба КВВС «Воздушные силы и национальная безопасность» утверждалось: «наступление — самая верная защита, необходимо перенести военные действия на вражескую территорию, напасть на его аэродромы, фабрики, военные и военно-морские учреждения, заставив противника обороняться»¹²⁹. К 1924 г. документы штаба ВВС начали утверждать, что было бы более эффективным начать немедленную бомбардировку жизненно важных центров противника, чем возиться с его ВВС, что в теории позволяло заменить истребители высотными и скоростными бомбардировщиками, практически неуязвимыми для сил ПВО и вражеских истребителей.

Идея, воспользоваться инициативой и навязать врагу оборону, стала главной целью штаба ВВС. В 1920 г. Р. Брук-Пофэм, будущий главнокомандующий ПВО Великобритании и главный инспектор КВВС, занимавший после Великой войны должности директора по исследованиям в министерстве авиации и первого коменданта Колледжа личного состава КВВС, заявлял, что даже не сломившие дух и не вызвавшие быстрой капитуляции удары с воздуха оттягивают с передовой массу материальных и людских ресурсов, а сами бомбовые удары обладают чудовищным моральным эффектом, особенно нанесенные по городам, удаленным от линии фронта, население которых считало себя недосыгаемым для огня противника¹³⁰. Естественно, что в этих условиях «первую скрипку» в британских ВВС играли бомбардировщики. Но постоянные утверждения о всемогуществе бомбардировщиков имели и другую сторону медали. Любой здравомыслящий

падения духа граждан и, как следствие, невозможности державы продолжать боевые действия. [Военная энциклопедия. М.: Военное издательство, 1995. Т. 3. С. 143-144.]

британец, слушая представителей КВВС, невольно примерял их высказывания к себе и своей стране. Это неизбежно вызвало боязнь вражеских бомбардировщиков. По сути, ряд британских военных и политиков после окончания войны и на протяжении всех 1920—1930-х гг. видели именно во вражеских бомбардировщиках главную, если не единственную, угрозу метрополии, отделенной от континента Английским каналом.

На стороне КВВС находились видные политические деятели. Выступая в парламенте, Черчилль, занимавший посты министра авиации и военного министра, заявил: «Я выступаю за неуклонный рост ВВС за счет армии и флота и считаю, что эта тенденция будет усиливаться с каждым годом... ВВС на деле способны выполнять многие обязанности, фактически заменяя армию и флот... Я очень хочу дать ВВС возможность заменить воздушной мощью военную силу, что может принести значительную экономию.»¹³¹. При таком подходе, неудивительно, что созданный для оценки угрозы метрополии с воздуха подкомитет КОИ рекомендовал усиление войск ПВО, как быстрое, но неполное решение и создание 20 новых эскадрилий ВВС с возможностью увеличения их числа до 50 в угрожаемый период^h, как главный способ обеспечить безопасность Британских островов¹³². В итоге комитет по экономике при кабинете постановил выделить КВВС дополнительные 2 000 000 £ за счет экономии на других родах войск, а в августе 1922 г. кабинет министров одобрил предложение о создании 23 эскадрилий, включавших по 14 бомбардировщиков и 9 истребителей каждая¹³³. Таким образом, после Первой мировой войны КВВС не только смогли отстоять недавно полученную независимость, но и составили серьезную конкуренцию флоту и особенно армии, в вопросах финансирования и распределения обязанностей. При

^h Угрожаемый период — Промежуток времени различной продолжительности, непосредственно предшествующий началу крупномасштабной (региональной) войны. Характеризуется крайним обострением противоречий между враждующими сторонами и используется ими для выхода из кризисного состояния или для завершения военных приготовлений. Временные рамки действия У.п. охватывают в мирное время: период нарастания военной угрозы и период ее крайнего обострения - непосредственной угрозы агрессии. [Сайт Министерства обороны РФ. Раздел энциклопедия. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14024@morfDictionary> (дата обращения: 09.01.2018).]

этом, «привитая» политикам и обывателям уверенность в непобедимости и сокрушительной мощи бомбардировщиков, обернулась страхом перед вражеской авиацией, приведшим к усилению роли ПВО.

В послевоенных условиях задачи армии определялись общими целями британских вооруженных сил. Защита коммуникаций империи, вновь ставшая первой целью вооруженных сил, означала для армии оборону зарубежных баз флота, Суэцкого канала и поддержание порядка в заморских территориях. Приоритет в защите зарубежных баз флота отражался в новой редакции полевого устава, изданного в 1920 г. В частности, в 3-м томе, в разделе, озаглавленном «Природа войны», говорилось: «Британская империя имеет интересы в каждом уголке мира, следовательно, контроль морских коммуникаций является главным приоритетом. Армия может потребоваться в первую очередь для защиты военно-морских баз»¹³⁴. Так роль британской армии, как инструмента для решения общеимперских задач, сопряженных с защитой баз флота и коммуникаций, доводилась до каждого английского командира, начиная с младшего состава.

Второй по важности задачей для армии было усмирение волнений в метрополии и заморских территориях. Согласно меморандуму ИГШ, составленному в 1923 г., британская армия должна была иметь ресурсы в первую очередь для подавления возможных внутренних протестов, а не для отражения нападения на Британские острова извне¹³⁵. Однако выполнение этих задач явно требовало иных численности, вооружения, организации и подготовки армейских частей.

Резкое сокращение армии после окончания войны сопровождалось возвратом к ее использованию в качестве имперской полиции и эпизодическим операциям на границах империи, которые были обыденными ее занятиями до 1914 г., что отразилось в меморандуме ИГШ, сообщавшем, что именно внутренняя безопасность империи является приоритетом для вооруженных сил¹³⁶. Точку зрения военных поддерживали и в кабинете министров. В 1923 г. правительством Э. Б. Лоу военному министерству были поставлены задачи: «(а) не осуществлять подготовку к другой мировой войне и (б) обеспечить возможность создания сил

для небольших боевых действий»¹³⁷. К созданию универсальной армии, направленной на боевые действия, зачастую за пределами Европы, призывали и военные теоретики. Капитан Ф. Кларк в 1926 г. писал: «Армия Великобритании обязана быть готова вступить в бой в различных частях света с разным климатом, против разнообразного врага, не взирая на то, обладает ли он организованной армией или нет. Из этих установок необходимо исходить при планировании организации наших вооруженных сил»¹³⁸.

К моменту прекращения боевых действий британская армия достигла рекордной численности в 3 820 000 солдат и офицеров, что позволяло сформировать почти 70 полнокровных дивизий¹³⁹. В этой ситуации, несмотря на ряд предложений сохранить крупную призывную армию¹⁴⁰, британское правительство начало кардинальное сокращение войск. В 1920 г. Черчилль объявил об отмене призыва и увольнении в запас значительного числа военных¹⁴¹, что должно было сократить армию до 200 000 человек, вплотную приблизившись к довоенной численности¹⁴². Пехота должна была сократиться до четырех регулярных дивизий, а кавалерия, путем слияния частей, до восьми полков. Кроме того, в ближайшей перспективе британская армия могла лишиться пяти пехотных и одного кавалерийского полка, набранных в Ирландии, отчаянно добивавшейся независимости¹⁴³.

Позволить поддерживать низкую численность сухопутных войск в мирное время должна была территориальная армия, предложение о воссоздании которой было внесено в Армейский совет (АС) в феврале 1919 г.¹⁴⁴. Она должна была включать в себя различные армейские формирования, от пехоты до артиллерии и танков, по сути повторяя структуру регулярных сухопутных войск. Солдаты и офицеры территориальной армии были обязаны проходить ежегодные сборы, сопровождающиеся учениями, для поддержания боеспособности. В случае крупномасштабного военного конфликта на базе территориальной армии, путем насыщения вооружением, техникой и личным составом, должны были формироваться полноценные армейские соединения и подразделения¹⁴⁵. Таким образом военное и политическое руководство надеялось «убить двух зайцев одним

выстрелом», дать пусть и небольшое, но постоянное жалование массе демобилизованных солдат, предложив вступить им в территориальную армию и создать боеспособный «костяк» сухопутных войск для пусть и маловероятной большой войны, позволявший сохранить небольшую регулярную армию в мирное время. После долгих дискуссий в парламенте¹⁴⁶ и прессе¹⁴⁷ было принято решение о невозможности отправки территориальной армии за пределы метрополии без объявления войны, а также недопустимости ее применения для подавления внутренних волнений. Таким образом за регулярной армией еще прочнее закреплялись полицейские функции внутри метрополии и в заморских территориях.

В 1920—1921 гг. в территориальных войсках произошли серьезные сокращения. До Великой войны в них насчитывалось 55 йоменских полков¹. После войны военное министерство решило сократить их число до 10. Из оставшихся 45 один был добровольно распущен, а 30 согласились на переформирование в артиллерийские и бронеавтомобильные части¹⁴⁸. После решения о роспуске полков поднялся шум в прессе, в результате чего Черчилль принял решение сохранить еще четыре кавалерийских части. В то же время наблюдалось сокращение численности территориальных пехотных батальонов. 19 из них были преобразованы в другие рода войск, а один был превращен в офицерский учебный корпус. Еще 20 пехотных батальонов были расформированы, либо сокращены и объединены с другими подразделениями¹⁴⁹. Для успокоения общественности им были сделаны уступки в вопросах традиций, такие как предоставление объединенным подразделениям возможности сохранить свою форму и знаки различия, а также свой отдельный штаб¹⁵⁰. Урезались и ассигнования. В 1921 г. было принято решение о сокращении денежного довольствия для военнослужащих территориальной армии с 5 £ до 3 £ в месяц для опытных ветеранов Первой мировой войны и с 3 £ до 2.10 £ для новобранцев. Также были вдвое сокращены ассигнования на обучение¹⁵¹. Эти сокращения должны были привести к экономии 1 175 000 £ из 6 825 000 £,

¹ Йоменские полки – легкие кавалерийские полки запаса британской армии.

выделяемых в год территориальным войскам. Как отметил на заседании кабинета Черчилль, «Были достигнуты очень серьезные сокращения в размере и стандарте содержания территориальной армии. Сокращения сильно повлияют на эффективность войск и будут крайне непопулярны. Однако мы не видим, как их можно избежать в существующих обстоятельствах»¹⁵².

В результате урезания бюджета находившиеся в плохом состоянии территориальные войска^j оказались в глубоком кризисе. Начался отток солдат и офицеров. Как отметил в 1922 г. командующий территориальной армии в Хэмпшире, почти 33 % его офицеров и 62 % сержантов были ветеранами, но теперь им было стыдно надеть форму, и они собирались покинуть войска по истечении контракта¹⁵³. При этом территориальная армия испытывала огромный недостаток квалифицированных кадров особенно в танковых и механизированных подразделениях. Даже несмотря на низкие требования по сравнению с регулярной армией, в 1920—1922 гг. многие военнослужащие были уволены из-за низкой квалификации и уровня подготовки¹⁵⁴. Глядя на происходящее с территориальными войсками, начальник ИГШ лорд Каван грустно заметил: «К этой добровольческой армии нужно относиться с сочувствием и пониманием, поскольку существует реальная опасность ее таяния, подобно снегу под солнцем»¹⁵⁵. Таким образом, созданная как «скелет» большой армии, в случае крупного военного конфликта территориальная армия с начала 1920-х гг. испытывала все нарастающие трудности как с комплектованием, так и с обучением и вооружением своих частей.

В начале 1920-х гг. британским правительством был создан Комитет по национальным расходам (Committee On National Expenditure) под председательством Э. Геддеса, бывшего в правительстве Ллойд Джорджа первым

^j С начала 1920-х гг. территориальные войска испытывали серьезные проблемы с обеспечением. Например, в 1920 г. Черчилль заявлял о нехватке стрелкового оружия для йоменских полков [Hansard 24 June 1920 vol 130 Col. 2401W] и отсутствии денег на форму для солдат территориальных войск [Hansard 15 June 1920 vol 130 cc1064-8]. В том же году финансовый секретарь военного министерства А. Уильямсон объявил о нехватке средств на механизацию территориальных войск [Hansard 17 February 1920 vol 125 Col. 692].

лордом адмиралтейства и министром транспорта. Из-за радикальных мер по сокращению вооруженных сил этот комитет был известен как Секира Геддеса. Комитет рекомендовал немедленное и решительное снижение численности сухопутных войск и их финансирования с примерно 75 000 000 до 55 000 000 £ с сокращениями в дальнейшем¹⁵⁶. На фоне тотального сокращения в сухопутных войсках активно росли только части ПВО. В свете опасения французских ВВС, в 1922 г. на регулярную армию была возложена обязанность по обеспечению противовоздушной обороны¹⁵⁷, в результате чего и без того скудные материальные, людские и финансовые ресурсы выделялись на организацию сил ПВО, состоявших из 7 противовоздушных батарей, 14 прожекторных рот, оснащенных 56 орудиями и 336 прожекторами, корпуса добровольных авиационных наблюдателей, стоивших бюджету 60 000 £ ежегодно¹⁵⁸.

Не стоит забывать, что преобразования в армии происходили на фоне огромного подъема пацифистских настроений. После войны англичане видели службу именно в сухопутных войсках самой тяжелой и ведущей к большим потерям^k. «Великая война психологически искалечила британцев, такие жертвы не вписывались в их историческое сознание», — писал К. Барнетт¹⁵⁹. Члены парламента охотно откликались на настроения электората. В 1923 г. будущий премьер-министр К. Р. Эттли при обсуждении военного бюджета заявил: «Лично я думаю, что настало время, когда мы должны покончить со всеми армиями и всеми войнами!» — добавив, что современная британская армия «не благоволит наличию в своих рядах умных людей»¹⁶⁰. Непопулярность военной службы достигла такого уровня, что в меморандуме ИГШ от 1923 г. признавалось: молодежь не желает идти не только в рядовые, но и в офицеры, в результате чего военные академии испытывают недобор абитуриентов, что приведет к нехватке командного состава¹⁶¹.

^k Из 744 000 погибших, умерших от ран и пропавших без вести в ходе Первой мировой войны британцев 702 410 проходили службу в армии. Что касается раненых, то из общего числа в 1 675 000 на долю армии приходилось 1 662 625 человек [Statistics of the Military Effort of the British Empire During the Great War 1914—1920. L.: The War Office, 1922. P.237].

На фоне общего сокращения армии Танковый корпус (ТК) остался единственным сформированным в ходе войны корпусом, пережившим наступление мира. На момент прекращения боевых действий он включал в себя 16 танковых батальонов, имевших на вооружении около 700 танков¹. Еще 819 имели различные повреждения, но были признаны годными к применению после ремонта¹⁶². Каждый танковый батальон состоял из трех рот, делящихся на четыре секции каждая, вооруженные четырьмя танками. Также в состав батальона ТК входила ремонтная рота и 12 танков резерва¹⁶³. В большинстве случаев стоящие на вооружении британских войск танки являлись тяжелыми машинами Mk. IV, Mk. V и Mk. V*. В меньшем количестве ТК был вооружен средними танками Medium Mk A. Остальные машины, за исключением нескольких экземпляров, либо не успели к войне, как Mk. VII, Mk. IX и Mk. X, что привело к аннулированию контрактов на производство, либо были утрачены в ходе боевых действий в результате повреждений от огня противника или вследствие износа, как Mk. I, Mk. II и Mk. III. Всего в ТК служило около 18 000 солдат и офицеров. В письме к Ллойд Джорджу Черчилль отзывался об этих людях и о танковых войсках в превосходной степени. Он писал: «Повсеместно признано, что они [танковые войска] были фактором, изменившим положение на местах и предоставившим нам тактическое превосходство, без которого лучшие планы стратегов сошли бы на нет. Не будет преувеличением сказать, что спасенные им жизни и захваченные пленные сделали эти 18 000 человек самыми выгодными в армии»¹⁶⁴. Однако, несмотря на заслуги, будущее ТК было туманным в силу изменений задач армии, частью которой он являлся. Ряд военных¹⁶⁵ и политиков¹⁶⁶ сомневались в необходимости сохранения танковых войск в новых условиях.

¹ Точное количество боеготовых танков, на момент окончания Великой войны, доподлинно не известно, в силу того, что в одних подразделениях машины, получившие повреждения в боях или заметно изношенные, не восстанавливали, списывая ввиду окончания боевых действий и осознания ненужности танков, в то время как в других на балансе оставались даже машины, практически полностью уничтоженные попаданием крупнокалиберного снаряда или разобранные на запчасти для восстановления и ремонта других танков.

Что касается комитета Геддеса, то он оценил бронетехнику больше как полицейское вооружение, рекомендовав сокращение пехотных соединений путем их замены самолетами и танками, а также предлагал, «если правительство Его Величества не сможет дать нам категорическую уверенность в том, что в течение нескольких лет не следует ожидать серьезных внутренних волнений и готовить армию к их подавлению», использовать бронетехнику для подавления восстаний¹⁶⁷. Кроме того, в докладе комитета указывалось на ненужность тяжелых танков в условиях поддержания порядка в заморских территориях, а также их непригодность к использованию в жарком климате, что было невозможно исправить при существующем финансировании. Исходя из этого, делался вывод о необходимости сохранения и даже расширения ТК с целью его вооружения легкой бронетехникой и отправки в Ирландию, Месопотамию, Индию и иные проблемные регионы¹⁶⁸.

Подводя итоги состоянию британских вооруженных сил после окончания Первой мировой войны, можно отметить, что в сложившейся обстановке авиации и флоту удавалось обходить Десятилетнее правило вплоть до Локарнской конференции по разоружению, когда оборонный бюджет подвергся более пристальному изучению британской и мировой общественности¹⁶⁹. Армия же не могла похвастаться столь серьезными аргументами и «покровителями», что автоматически отодвигало ее на второй план, оставляя за ней удел осуществления контроля над заморскими территориями, участия в малых войнах и маловероятном крупном конфликте.

Подобное положение дел неизбежно нашло отражение в распределении оборонного бюджета. В 1923 г. на закупки для нужд КВВС было выделено 4 900 000 £, флот получил 11 800 000 £, а на закупку техники, оружия, боеприпасов и прочего для армии отводилось 2 600 000 £. В следующем 1924 г. «перекос» усилился. Авиации выделялось 6 900 000 £, ВМС 13 000 000, в то время как доля сухопутных войск осталась неизменной¹⁷⁰.

Таким образом, говоря о состоянии британских вооруженных сил в первые послевоенные годы, можно утверждать, что в условиях, когда новая большая война

многими считалась невозможной в ближайшие десятилетия, оборонные расходы являлись главной статьей экономии в Великобритании. Д. К. Уотт писал: «В 1920-е годы все три вида вооруженных сил едва существовали на бюджетах, сокращенных до костей»¹⁷¹. На этом фоне сухопутные войска находились в наименее благоприятной обстановке. Как писал В. М. Джордан, «английские притязания в области вооружений можно было бы суммировать следующим образом: для армии — абсолютный минимум для обороны империи; для авиации — "стандарт одной державы", то есть равенство с самой сильной авиацией, находящейся в радиусе действия самолетов; для флота — линкоры на основе паритета с США и "стандарт двух держав" по отношению к Европе при минимуме крейсеров для защиты торговых путей Британской империи»¹⁷². Низведенная до роли «жандарма империи» британская армия начала 1920-х гг. готовилась к войне с малыми и слаборазвитыми странами, защите баз флота, имперских коммуникаций, а также подавлению волнений в метрополии и заморских территориях. При этом наличие танков в заморских территориях считалось необходимым лишь в случае начала полномасштабной войны с такой державой как Франция. При осуществлении такого сценария КОИ предлагал перебросить небольшое количество танков для обороны Хайфы и нефтяных месторождений на Ближнем Востоке. Впрочем, возможность французов существенно нарастить количество бронетехники в Сирии при доминировании британского флота с базой на Мальте представлялась маловероятной, и в случае войны с Францией приоритет на Ближнем Востоке, как и в метрополии, отдавался авиации¹⁷³. В этих условиях танковые войска, как часть армии, ожидали не только годы экономии, но и решение вопроса о существовании как самостоятельного рода войск.

1.2 Теория бронированной войны в британских вооруженных силах межвоенного периода

Как гласит известное утверждение Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно»¹⁷⁴. Вероятно, все британские военные и политики, прошедшие Первую мировую войну, подписались бы под этим изречением. Изначально видевшаяся как скоротечная и победоносная Великая война своими миллионами жертв, чудовищными финансовыми затратами и крахом империй продемонстрировала острую необходимость пересмотра военной политики и подхода к использованию вооруженных сил. Еще одной важной причиной для возможного изменения структуры и концепции применения вооруженных сил в Великобритании было появление и массовое использование в прошедшей войне высокоэффективных видов оружия, таких как авиация, химическое оружие и, конечно, танк. Как писал С. Е. Миллер: «На протяжении всей современной истории, и особенно с наступлением промышленной революции, технологии имели глубокие, хотя и зачастую плохо понимаемые, последствия для методов ведения войны. Народы, которые эффективно используют технологические достижения, могут получить значительное преимущество на поле боя, в то время как отстающие, могут оказаться уязвимыми и проиграть»¹⁷⁵. В британских военных кругах всегда имелись люди, понимающие это, а прошедшая война укрепила их точку зрения.

Танк был новым оружием с туманным будущим. Многим был понятен его большой потенциал¹⁷⁶, однако для его реализации нужна была новая теория применения танка, кардинально отличавшаяся от используемой в прошедшей войне. Более того, можно сказать, что никакой проработанной теории применения танка и его интеграции в войска в Первую мировую войну сформулировано не было. Танковые подразделения лишь делали первые, робкие шаги в будущее. Никто из военных не знал, на что они способны и как использовать их на поле боя,

в то время как результат был нужен «уже вчера». Большинство тактических решений сводилось к простому «проламыванию» обороны противника и созданию в ней бреши для прохода пехоты¹⁷⁷. Однако даже этого хватало, чтобы признать большое количество танков необходимым элементом для победы при обсуждении боевых действий на 1919 г.¹⁷⁸.

После наступления перемирия у военных теоретиков появилась возможность обдумать итоги войны и сосредоточиться на проблеме применения бронетехники в будущем. Работы, теории и образ мысли этих энтузиастов бронированной войны, основной пик деятельности которых пришелся на 1920-е гг., необходимо рассмотреть в первую очередь для того, чтобы понять, какие идеи влияли на развитие британских танковых войск в течение межвоенного периода. Очевидно, что невозможно осмыслить их развитие, не изучив деятельность военных теоретиков, ведущих работы в этом направлении и формировавших не только теоретическую базу, но и информационное поле, и, как следствие, сознание военных и гражданских специалистов, а также их восприятие танковых войск.

Общепризнано, что в вопросе теории бронированной войны в Великобритании «первую скрипку» играли Дж. Ф. Ч. Фуллер и Б. Г. Лиддел Гарт. Конечно, в вооруженных силах было достаточно сторонников бронетехники, таких как Ж. Мартель, внесший вклад в создание английского крейсерского танка, П. Хобарт, ставший командиром 1-ой танковой бригады и инспектором КТК, а также менее известных, вроде начальника управления штабной службы подполковника У. Д. Крофта, занявшего второе после Фуллера место в конкурсе эссе о будущем танка, проводимом Королевским Объединенным институтом оборонных исследований, в котором он, хотя и не считал танки центром будущей армии, отдавал им должное, как мощному и высококомобильному оружию¹⁷⁹. Высказывали свое мнение о будущем танка, тактике и месте его применения и британские парламентарии. Например, выступая в Палате Общин 20 апреля 1921 г., отставной генерал-майор Ч. Таунсенд, наибольшим «достижением» которого стала сдача туркам г. Эль-Кута, в результате которой англичане потеряли 13164 человек пленными, включая самого генерала¹⁸⁰, доказывал, что: «Обсуждать военные

вопросы в этом здании очень сложно, основная часть аудитории состоит из гражданских, которым, естественно, неизвестны азы военной науки. Однако, как я, изучавший этот вопрос в течение 37 лет говорю, есть и другие возможные театры войны, где я не думаю, что они [танки] были бы подходящими. Европа выступает за танк, но, учитывая будущее, мы должны смотреть в Северную Африку, Египет, Палестину, Месопотамию, Ближний Восток, Индию и т. д.»¹⁸¹. Но именно Фуллер и Лиддел Гарт оказали влияние на этих людей, явившись самыми обсуждаемыми теоретиками и публицистами межвоенного периода в вопросе танковых войск. Кроме монографий им принадлежит рекордное количество статей в военных и гражданских периодических изданиях. Как отмечалось выше, работы Фуллера и Лиддел Гарта были переведены в ряде стран и рекомендованы для изучения офицерам и курсантам, оказав влияние на развитие танковых войск в Германии и СССР.

К работе в области применения вооруженных сил Дж. Фуллер, начинавший службу в 1-ом батальоне Оксфордширской легкой пехоты, приступил до знакомства с танком, с написания статей, посвященных подготовке пехоты¹⁸² и противостоянию немецкому превосходству в живой силе малыми подразделениями, где главная роль отводилась пулеметному огню, артиллерии и внезапному маневру¹⁸³. С танком же Фуллер столкнулся в декабре 1916 г., когда был прикомандирован к штабу тяжелого подразделения Пулеметного корпуса^m, позже став начальником штаба ТК. В 1917 г. Фуллер разработал план танковой атаки немецких позиций под Камбре. После окончания Первой мировой войны он был назначен инструктором в Колледж личного состава, а позже, в 1927 г., новым начальником ИГШ Дж. Милн предложил Фуллеру место специального советника по механизации¹⁸⁴. В том же году военный министр Л. Уортингтон-Эванс, признавая

^m Одним из принципов первого применения танков была внезапность, что привело к повышенной секретности, как в производстве танков, так и в организации танковых подразделений. Именно соображениями секретности было продиктовано название для новой боевой машины («Гусеничные броневики» маскировали под резервуары (Tank) для воды, изготавливаемые для армии Российской империи) и подразделения, вооруженного этой техникой – Тяжелого подразделения Пулеметного корпуса.

его заслуги в области механизации, рекомендовал Фуллера на должность командира экспериментальных сил, впервые в истории сформированных для отработки тактики бронированной войны¹⁸⁵. Но вскоре звезда военного теоретика закатилась. В 1930 г. он был повышен до звания генерал-майора с переводом на половинный окладⁿ, а спустя три года ушел в отставку¹⁸⁶.

Отдельно стоит остановиться на характере Фуллера, так как понимание его личности является важным элементом осмысления основы части оппозиции, с которой столкнулись сторонники бронетехники. По свидетельству современников Фуллер отличался крайне сложным характером, был прямолинеен и нетерпим к несогласным с его мнением. Это хорошо заметно в его мемуарах, где военный теоретик называет армейское и политическое руководство «клоунами», «дураками», «некомпетентными личностями», «сумасшедшими» и т.д. Естественно, это вызвало ответную реакцию. Монтгомери-Массингберд писал Лиддел Гарту, что его и окружающих раздражают и отталкивают не идеи Фуллера, а манера их подачи, связанная с безапелляционностью, а порой и хамством, что приводило к «глухоте» многих военных и политиков к теории бронированной войны. Например, на вопрос Лиддел Гарта, читал ли Монтгомери-Массингберд новую книгу Фуллера, тот ответил: «Нет! Я не читал книгу Фуллера! И не думаю, что когда-нибудь смогу. Он раздражает меня!»¹⁸⁷. Сам же Лиддел Гарт в личной переписке признавал, что, хотя Фуллер может быть «удивительно блестящим», он также может быть «неясным или даже утомительным в другом месте». Что касается личности Фуллера, то Лиддел Гарт признавался, что определенное время «считал его очень раздражающим»¹⁸⁸. Кроме того, в 1930-е гг. Фуллер примкнул к Британскому союзу фашистов О. Мосли, став его ближайшим соратником¹⁸⁹. Движимый идеей, что фашистский строй идет на смену прогнившей демократии¹⁹⁰, генерал-майор писал: «Я считаю, что, несмотря на грубость происходящих сейчас изменений, конечная цель фашизма — создание высшей свободы. <...> Именно

ⁿ Подобное «повышение» являлось разновидностью почетной отставки, заслуженных и известных фигур в британских вооруженных силах, и знаменовало собой конец военной карьеры. Повышенный в звании офицер переводился на половинный оклад и назначался на незначительную должность, без перспектив дальнейшего роста.

свобода является объектом фашистской идеологии»¹⁹¹. Подталкиваемый верой в фашизм 20 апреля 1939 г. Фуллер в качестве почетного гостя посетил военный парад, проводимый в честь 50-летия Гитлера, где выражал восхищение немецкими танками¹⁹².

С одной стороны, приверженность Фуллера фашистским идеям не была в Великобритании чем-то необычным. Черчилль говорил, что Гитлер может принести мир в Европу¹⁹³, противопоставляя его идеи ненавистным Черчиллю теориям коммунизма¹⁹⁴, а отрекшийся британский король Эдуард VIII откровенно поддерживал фашистов¹⁹⁵, встречаясь с Геббельсом и Гитлером¹⁹⁶, и не брезговал фашистским приветствием¹⁹⁷. Речи в поддержку фашистов звучали и в британском парламенте¹⁹⁸. С другой стороны, в совокупности с характером Фуллера его любовь к фашистам, особенно немецким, как представителям государства, конкурента Великобритании, усугубляла неприятие Фуллера и его идей в рядах военного и политического руководства.

Лиддел Гарт во многом отличался от Фуллера. Будучи на 17 лет младше, он прошел горнило Великой войны не на штабных должностях, а в рядах Йоркширской легкой пехоты, познав ужас артиллерийских обстрелов и газовых атак. Пойдя на фронт добровольцем в 1914 г., Лиддел Гарт был несколько раз ранен и получил тяжелое отравление газом в ходе июньского наступления 1916 г. под Соммой, в ходе которого британцы понесли наибольшие единовременные потери за всю войну¹⁹⁹. В первый день сражения его батальон фактически перестал существовать из-за потерь. В своих мемуарах Лиддел Гарт вспоминал: «Остатки нашего батальона, численность которого изначально превышала 800 человек, отправились обратно через ничейную землю тремя небольшими группами — всего менее 70 человек с четырьмя офицерами. <...> Встретив оставшихся в живых из других батальонов в следующие дни, мы обнаружили, что наши потери были не исключительными. В первый день общее количества жертв составило почти 60 000 человек — самые тяжелые однодневные потери дня за всю историю британских войн»²⁰⁰. При этом, несмотря на длительный артиллерийский огонь, полностью захватить немецкие позиции не получилось. Британским войскам удалось это лишь

через две недели в результате внезапной ночной атаки²⁰¹. Это оставило неизгладимый след в сознании военного теоретика. В своих воспоминаниях он записал: «Этот план оказался успешным и обошелся гораздо дешевле цены, заплаченной нами 1-го июля, когда наступление в целом потерпело неудачу. Теперь трупы, одетые в серое, превосходили числом трупы цвета хаки на поле боя. Это зрелище и контраст между способами наступления глубоко повлияли на мое будущее военное мышление»²⁰².

Закончив войну в звании капитана, Лиддел Гарт поступил на службу в Королевский армейский учебный корпус, где приступил к написанию новой версии руководства по тренировке пехоты. В 1924 г. Лиддел Гарт был переведен на половинный оклад, а позже уволился со службы. Тяжелые проблемы со здоровьем не дали ему перейти на службу в КТК, несмотря на рекомендацию Фуллера, и Лиддел Гарт принял предложение The Morning Post стать спортивным корреспондентом, а позже перешел в The Daily Telegraph, где проработал военным журналистом с 1925 по 1935 гг., перейдя на аналогичную должность в The Times, которую он занимал вплоть до 1939 г.²⁰³.

Говоря о мотивах Фуллера и Лиддел Гарта, исследователи часто утверждают, что именно боязнь новой крупной войны подвигла их на создание концепции бронированной войны как «панацеи» от тяжелых и кровавых конфликтов. Например, Р. Ларсон пишет: «Основная цель критики [существующей военной теории] со стороны Фуллера и Лиддел Гарта заключалась в том, что эта модель упрощала и искажала истинные принципы войны; что в результате этих искажений Европа погрузилась в эпоху тотальной войны и последующее опустошение Первой мировой войной было бессмысленным и ненужным. Они считали, что необходимость радикальных изменений очевидна и актуальна»²⁰⁴.

Чтобы понять более глубокие мотивы, двигавшие этими военными теоретиками, необходимо обратиться к их работам и мемуарам. Действительно, Лиддел Гарт писал: «Великая война вызвала прямую гибель восьми миллионов жизней <...> общая сумма военных расходов составила почти десять тысяч миллионов £, наш национальный долг вырос в десять раз. Кроме того, долгие годы

страданий и лишений так подорвали физическое здоровье народов, что они пали легкой добычей эпидемий... Ясно, что дальнейшие войны, проводимые подобными методами, должны означать крах Западной цивилизации»²⁰⁵. При этом Лиддел Гарт понимал, что новые войны неизбежны ввиду «порочности» человеческой природы, порождающей межгосударственные конфликты, и созданием армии нового типа, основанной на новой концепции ведения войны, хотел минимизировать будущие неминуемые потери и предотвратить полное разрушение государств²⁰⁶.

Но Фуллер не считал войну трагедией. Более того, он воспринимал ее с точки зрения социал-дарвинизма. В своей книге «Реформация войны» Фуллер писал: «Война — великий врач, великое лекарство, великая чистка. Как телу человека, если оно не будет хорошо очищаться, требуется периодическое слабительное в виде касторки, так же и нация требует войны, чтобы освободить ее от оков традиций, и, если иностранные войны окажутся невозможны, тогда природа просто заменит их внутренними революциями. Таким образом, мы видим, что война иногда может стать весьма полезной»²⁰⁷. Фуллер пронес эти убеждения через весь межвоенный период, отмечая в мемуарах, что: «Объект войны — более совершенный мир, потому как война — это хирургический инструмент, лечащий нации»²⁰⁸. Говоря же о трагедии больших военных потерь, он напоминал, что: «Истинным объектом сражения является не физическое уничтожение, а разрушение морали противника. Идея о том, что враг должен быть уничтожен, является законной только если он никчем. Если враг некультурный варвар, его убийство в определенных обстоятельствах может быть полезным для человечества, если он, однако, принадлежит к культурной расе, то есть может быть полезным для мира, тогда его убийство, даже если это неизбежно, должно считаться несчастьем, а если его можно избежать — преступлением»²⁰⁹. Таким образом, видно, что сама война не пугала Фуллера, а наоборот, при определенных обстоятельствах была необходимой с его точки зрения, из чего можно сделать вывод, что, разрабатывая теорию бронированной войны, Фуллер хотел создать идеальный инструмент для будущих конфликтов, дав его в руки «правильной нации», чего он не скрывал, заявляя: «Танковая школа, мозгом которой был штаб Танкового корпуса, всегда

мыслила критериями нанесения вреда морали противника не потому, что они были любезно настроены к врагу, но потому, что поняли, что это была самая экономичная и решительная форма атаки»²¹⁰.

Фуллер и Лиддел Гарт видели источником чудовищных жертв прежде всего четыре вещи: стратегию и тактику ведения войн, массовые призывные армии, неверную организацию войск, а также некомпетентных военачальников. Для более полного понимания новой концепции ведения войн и организации армии, ядром которых должны были стать танковые войска, необходимо рассмотреть эти пункты подробнее.

Говоря о тактике и стратегии ведения войн, Фуллер предлагал воспринимать их как взаимосвязанные вещи, вытекающие из экономических, технических и иных реалий²¹¹. Он полагал, что войны, проводимые с помощью оружия, есть лишь «горячая фаза» войн экономических, чего, по его мнению, не понимало большинство политиков и что влекло излишние жертвы среди граждан его страны²¹². В связи с этим Фуллер полагал, что заикленность стратегов и политиков на необходимости уничтожить врага должна остаться в прошлом. В войнах будущего, по его мнению, главной целью было — «не убивать солдат и топить корабли, а менять политику, которую защищают эти корабли и солдаты»²¹³. Поэтому прежде всего Фуллер предлагал вести войну в сфере политики и экономики²¹⁴, руководствуясь холодным рассудком, а не эмоциями и чувством мести, как политики перед Первой мировой войной и после нее, «закладывающие прочный фундамент» для перехода от политических и экономических войн к реальным. Исходя из этого, Фуллер скептически относился к тому, что политики, не обладающие необходимыми качествами, будучи продуктом порочной, по его мнению, демократии, вырабатывают стратегию, отвечать за реализацию которой должны военные²¹⁵. Если война все же перетекла в «горячую фазу», то в первую очередь Фуллер настаивал на нанесении ударов по «нервным центрам вражеского государства» с помощью авиации²¹⁶, применяя и отравляющие газы²¹⁷. Таким образом, считал он, противник будет дезорганизован и выведен из строя до начала боев. Не все современники оценили взгляды Фуллера. Некоторые парламентарии

выступали против применения отравляющих веществ и ударов по мирному населению, называя это варварством и кощунством по отношению к миллионам, погибшим в последней войне²¹⁸.

Лиддел Гарт четко различал стратегию и тактику. Первая, по его мнению, была почти синонимом политики, ее целью было «...координировать и направлять все ресурсы нации на достижение политического объекта войны — цели, определяемой национальной политикой»²¹⁹. Тактика же определялась им, как управление и контроль над войсками, контактирующими с противником²²⁰. В отличие от Фуллера, Лиддел Гарт дал военным контроль над исполнением стратегии, но не над ее формулировкой. По его мнению, последнее должно стать задачей гражданских лиц, поскольку затрагивало много невоенных факторов. Например, решение об обороне или сдаче территории должно учитывать политические, экономические и даже психологические, а не только военные соображения. Военным, выступавшим против решений политиков, оставлялась лишь отставка²²¹.

Рассматривать принципы стратегии военный теоретик начал с тезиса о том, что цель стратегии заключалась в «уменьшении возможности сопротивления». Лиддел Гарт писал: «Цель нации в войне состоит в том, чтобы сломить вражескую волю к сопротивлению с наименьшими возможными человеческими и экономическими потерями для себя»²²², а поскольку сопротивление главным образом выражается в военных столкновениях, стратегия должна быть направлена на сокращение самой их возможности. Идеальным решением было уничтожение вражеских сил без боя, подобно Наполеону под Ульмом^o. Но Лиддел Гарт понимал, что такие ситуации уникальны и стратегия должна быть направлена на создание ситуации, в которой противника можно победить с наименьшими потерями. Для

^o Во время Ульмской военной компании Наполеону удалось стремительно окружить австрийские войска, в результате чего потрясенный австрийский генерал попросил о 8-дневном перемирии, пообещав капитуляцию, в случае, если не подойдут русские союзники. По истечении пяти дней деморализованная австрийская армия частично сдалась, а частично была разгромлена при попытке отступления, в результате чего Наполеон смог вступить в не защищенную Вену. [Chandler G. The Campaigns of Napoleon. NY. Simon and Schuster, 2009. Pp. 384-402]

этого капитан предлагал то, что он назвал «Стратегией непрямых действий». Это была стратегия поражения врага через паралич его «нервных центров». Ее цель заключалась не в том, чтобы сокрушить врага, используя силу против силы, как в Великой войне, а чтобы обезоружить и сбить с толку, нанеся удар, нарушающий его психическое и физическое равновесие. Лиддел Гарт призывал избегать прямого противостояния, потому что оно было чрезмерно дорогостоящим и сокращало шансы на успех, так как противник был готов к этому. Он пояснял, что непрямые действия включают маневры, заставляющие врага перебрасывать войска на наиболее опасные участки, угрожающие линиям снабжения противника и ставящие под удар одновременно несколько целей. Эти действия должны встречать наименьшее сопротивление и быть неожиданными, чтобы противник не мог сосредоточить силы в одной точке. По мнению Лиддел Гарта эта концепция не только превосходила прямой подход, но и полностью соответствовала необходимости уменьшения разрушительного действия войны. Никакое сражение не может пройти без жертв, признал теоретик, но, подчеркивая преимущество мобильности и маневра над массовой армией и истощением, он обещал снижение потерь²²³.

Развивая стратегию непрямых действий, Лиддел Гарт позже опубликует книгу с одноименным названием, в которой, основываясь на историческом анализе 240 военных кампаний, он пришел к выводу, что непрямые действия имели огромное преимущество, отметив, что из исследованных кампаний только 6 были выиграны прямым путем²²⁴.

В рамках стратегии непрямых действий Лиддел Гарт также предлагал победить противника до начала боевых действий путем экономического и политического воздействия, пользуясь естественным географическим преимуществом Британских островов, позволяющим не ожидать внезапного нападения²²⁵. В вопросах стратегических бомбардировок с целью уничтожения «нервных центров» вражеского государства, к которым Лиддел Гарт планировал перейти в случае неудачи экономического и политического воздействия, он поддерживал Фуллера, соглашаясь с тем, что такие удары способны быстро и без

лишних жертв и затрат со стороны Великобритании «поставить на колени» противника²²⁶. При этом он задавался вопросом о допустимости подобных действий одних «цивилизованных народов» против «других цивилизованных народов» и оправданности с экономической точки зрения тотальных разрушений важнейших объектов другого государства в условиях общеевропейской интеграции. Отвечая на эти вопросы, Лиддел Гарт утверждал, что бомбардировки жизненно важных точек вражеского государства оправданы, так как они предпочтительней наземной войны, вызывающей большие людские и экономические потери. «Экономические ресурсы, а не вооруженные силы будут реальными целями в очередной войне, — писал он, — и сами вооруженные силы только препятствие, которое нужно преодолеть, если его нельзя избежать, на пути к экономической цели»²²⁷. Кроме того, несмотря на отравление газом, полученное на фронте, Лиддел Гарт, как и Фуллер, ратовал за применение газа, считая, что он вызывает меньшие жертвы, чем традиционные бомбы, оказывая большой моральный эффект, необходимый для вывода вражеской страны из войны²²⁸.

Что касается тактики, то Фуллер считал, что механизация и бронетехника должны в корне преобразить ее. По его мнению, именно механизация стала революционным моментом, сделавшим войну гораздо более научной и «связавшим ее гораздо более тесно, чем ранее с прогрессом цивилизации»²²⁹. Фуллер писал: «Сегодня каждая организованная армия сталкивается с величайшей революцией, когда-либо происходившей в истории сухопутной войны, которая будет равна по значению, а возможно и превысит то, что было достигнуто применением силы пара в войне на море. <...> Мощные и радикальные изменения должны вызвать бензиновый двигатель и электричество, которые в сочетании с мощными взрывчатыми веществами, паровой энергией и химией полностью изменят весь аспект войны и приведут к созданию новой военной организации. Нельзя сомневаться, что сегодня мы сталкиваемся с таким быстрым развитием в управлении, стратегии и тактике, а через них в организации, командовании и дисциплине, что это представляет собой революцию, которая делает наше существующее искусство войны настолько устаревшим, что, если мы не сможем

понять этого и будем полагаться на него в следующей войне, то вероятно, окажемся в большей опасности, чем если будем вести ее, совершенно не зная военной науки»²³⁰.

Исходя из этих предпосылок, на поле боя, как и в случае с государствами, Фуллер предлагал использовать бронетехнику для нанесения внезапных ударов по «нервным центрам». Фуллер писал: «Армия, это организм... Он обладает телом и мозгом, боевые отряды являются первым, штабы последним. Раньше обычным было такое сражение: одно тело движется против другого, как боксеры, избивающие друг друга до падения. Но предположим, что боксер А мог бы посредством простой операции парализовать мозг боксера Б, какой тогда прок от силы боксера Б, даже если бы она соперничала с комбинацией Самсона и Голиафа? Никакого прока, как доказал Давид! Примените этот процесс к современному бою. Танковые флоты, под прикрытием облаков дыма или ночи, выдвигаются вперед не против тела вражеской армии, но против ее мозга. Их цель не пехота или оружие противника, не позиции или укрепления, а штабы армий, корпусов и дивизий. Они захватывают, уничтожают или рассеивают их. Что тогда будет делать тело, если его мозг парализован?»²³¹.

В этой теории главную роль Фуллер отводил бронетехнике, оставляя пехоте крайне мало места. В 1919 г. редакция Журнала Королевского Объединенного института оборонных исследований объявила конкурс на лучшее эссе, открывающее возможный путь развития британской армии. Первое место в нем заняла работа Фуллера. В этом эссе полковник писал, что пехота не способна эффективно взаимодействовать с бронетехникой, а танки могут проводить операции более эффективно и с меньшими потерями, из чего следовало, что «танки, могут успешно заменить пехоту» и должны в значительной степени заменить или поглотить все другие сухопутные рода войск²³². Впрочем, Фуллер не был первым, высказывавшимся подобным образом. Уже в 1916 г. Ж. Мартель утверждал, что перспективная война будет вестись массами танков, маневрирующих на поле боя, различные типы которых возьмут на себя роль родов войск, которые почти исчезнут²³³. Позже Фуллер продолжал придерживаться мнения о низкой ценности

пехоты, заявляя, что «танк будет быстро и революционно менять существующие методы ведения войны. Кавалерия, видимо, исчезнет, кроме, возможно, конной полиции, пехота может стать “королевой крепостей”, но на поле боя правление этого монарха быстро подходит к концу»²³⁴. Исходя из этих высказываний и того, что Лиддел Гарт писал, что Фуллер отводит пехоте роль оборонительной силы²³⁵, многие исследователи, такие как Г. Уинтон²³⁶, К. Барнетт²³⁷ и Р. Огоркевич²³⁸, утверждают, что Фуллер совершенно не видел возможности использовать пехоту во время наступления.

Но в своих работах Фуллер хоть и говорил, что пехота не обладает необходимой огневой мощью и защитой для современных театров военных действий (ТВД), признавал ее пригодной не только для охраны и обороны, но и для захвата городов. Кроме того, военный теоретик признавал, что пехотинцы могут быть полезны в густых лесах, болотах и горах, называя их «танконедоступной местностью», но он утверждал, что такие условия редко встречаются в местах решающих операций²³⁹. Также, как было замечено отечественным исследователем И. Э. Магадеевым, в одной из статей в 1929 г. Фуллер высказывал идею о пользе пехоты в наступлении, предполагая, что «стрелки будут находиться впереди танков под прикрытием леса на каждом фланге в готовности открыть огонь по противотанковым орудиям противника, которые могут заблокировать продвижение»²⁴⁰. При этом Фуллер признавал важность пехоты, способной к активной обороне²⁴¹. Говоря же, что: «Объединение танков и пехоты равносильно объединению трактора и тяговой лошади в одной упряжке. Просить их о совместных действиях под огнем противника абсурдно», – военный теоретик добавлял, что такая ситуация сохранится «до тех пор, пока продолжается нынешний переходный период [к механизированной армии], ничего, кроме путаницы, не будет результатом смешения старого и нового»²⁴².

Лиддел Гарт, в свою очередь, также пришел к тому, что бронетехника в сочетании с авиацией и другими родами войск станет идеальной основой для реализации его теорий. Он полагал, что «...развитие бензинового мотора и гусеничного движителя открыло перспективу создания высокоподвижных

механизированных сухопутных войск. Механизация войск, в свою очередь, увеличила шансы разгрома главных сил противника без необходимости крупных сражений. Разгром противника стал возможным благодаря нарушению механизированными войсками линий снабжения и управления противника, а также прорывам танков в глубокий тыл противника. Механизированные сухопутные войска нового типа могут наносить прямые удары в сердце и по нервной системе противника»²⁴³. Военный теоретик считал главным в тактике мобильность²⁴⁴ и возможности войск действовать отдельными группами, не теряя способности к совместным действиям²⁴⁵. По мнению Лиддел Гарта, нужно просто приложить усилия к слабому месту обороны противника. «Чтобы это [победа] было возможно, – писал он, – слабое место должно соответствовать силе, которой вы располагаете. И настоящее военное искусство заключается в том, чтобы гарантировать или создать эту слабость»²⁴⁶. Именно бронетехника, как считал Лиддел Гарт, полностью соответствовала этим постулатам. Танки при поддержке других войск должны были наносить удары по коммуникациям, штабам и другим важным элементам вражеской обороны²⁴⁷. «Ключ к успеху, – утверждал Лиддел Гарт, – заключается в быстрых ударах, постепенно расширяющихся вглубь [обороны противника], в деморализации обороняющихся путем создания последовательных угроз на флангах быстрее, чем враг может их отразить, так что его сопротивление, в целом или частично, ослабляется страхом окружения»²⁴⁸. При обороне или столкновении с хорошо вооруженным противником Лиддел Гарт считал нужным «заставить противника перейти в атаку против вашей обороны, а затем, когда он потрясен неудачными усилиями, нанести ответный удар, прежде чем он сможет занять оборону или перегруппироваться для новой атаки»²⁴⁹, что также должно было реализовываться мобильными силами, ядром которых были бы танки.

В своем видении боя, Лиддел Гарт важное место отводил пехоте. Но, по его мнению, в условиях мобильной войны этот род войск должен перемещаться на вооруженном бронированном транспорте, сопровождая танки и взаимодействуя с ними, при необходимости спешиваясь. Военный теоретик предложил называть этих воинов «сухопутными морскими пехотинцами», обозначая их отличие от

традиционной пехоты²⁵⁰. Именно сотрудничество всех родов войск, включая «сухопутных морских пехотинцев», должно было привести к успеху на поле боя, решив две основные задачи: «...дезорганизацию противника и ее использование.» «Первое, – считал Лиддел Гарт, – предшествует, а второе следует за фактическим ударом, который по сравнению с этим простой поступок»²⁵¹. Подобно Фуллеру Лиддел Гарт отводил важную роль мобильной, хорошо вооруженной и обученной пехоте в обороне²⁵². При этом, несмотря на общепринятое мнение, что Лиддел Гарт однозначно отдавал приоритет наступлению, а не обороне, к концу 1930-х гг. он разуверился в чисто наступательной доктрине. Военный теоретик писал: «Судьба командира, которому в современных условиях поручена наступательная роль, незавидна. Для хорошего результата требуется почти сверхчеловек»²⁵³.

Что касается истоков видения концепции бронированной войны Фуллера, то можно с уверенностью сказать, что они лежат в тактике традиционных армий, насыщенных пехотой. Впервые идею нанесения ударов по жизненно важным центрам противника Фуллер сформулировал в плане наступления на немецкие войска в 1919 г., должного положить конец войне и известного под названием «Тактика атаки с использованием скорости и конструкции танка Medium D» или просто «План 1919», суть которого заключалась в использовании групп танков для проникновения во вражеский тыл путем прорыва наиболее слабых участков обороны и дальнейших действий против штабов, складов и путей сообщения, ставящих целью дезорганизацию противника до небоеспособного состояния. По признанию Фуллера, в основе плана лежала тактика малых штурмовых групп, использованных немцами во время весеннего наступления в Пикардии, Фландрии, на реках Эна и Марна 1918 г., когда им удалось прорвать оборону противника, проникнув вглубь вражеской территории на 50—70 км²⁵⁴. Во время этого наступления тяжеловооруженные группы пехоты просачивались в бреши в обороне противника, действуя на его коммуникациях и уничтожая линии связи²⁵⁵. Инспектируя войска в местах боев, Фуллер был поражен, как крупные отряды союзников, оказавшись отрезанными от командования, быстро лишались представления о происходящем вокруг, становясь пассивными, теряя боевой дух и

волю, даже не неся серьезных потерь. Именно тогда Фуллер решил применить немецкую тактику, заменив пехоту бронетехникой. ВВС также отводилась важная роль разведки и нанесения ударов с воздуха. Пехоте же досталась второстепенная задача — помогать в первоначальном проникновении, действовать в районах, недоступных для танков (поскольку сектор атаки будет выбран на основе его пригодности для танков, это задача была малозначимой), занимать захваченные территории и поддерживать службы тыла²⁵⁶. Так как танк Mk. IV обладал низкой скоростью и малым запасом хода, Фуллер предложил использовать находящийся в стадии проектирования танк Medium D, обладающий большей автономностью и скоростью²⁵⁷. Узнать, насколько успешен был план Фуллера, помешал конец войны, однако именно концепция, изложенная в «Плане 1919», легла в основу дальнейших изысканий Фуллера.

Идеи Лиддел Гарта также изначально базировались на применении пехотных подразделений. Более того, его первые военные теории строились вокруг пехоты, а не бронетехники. В ранних статьях военный теоретик, подобно Фуллеру, приравнивал сражающиеся армии к боксерам. Отличием было то, что они сражались в темноте. Оба бойца держали одну руку, занесенной для удара, другой рукой пытались нащупать соперника, одновременно защищаясь. Эта метафора демонстрировала, что воюющие армии пытаются сохранить баланс между обороной и нападением, усложняемый незнанием планов и действий врага. При этом одной из главных проблем, по мнению Лиддел Гарта, было не нанести удар, прорвав оборону противника, а правильно воспользоваться этим, введя пехоту в прорыв не слишком опрометчиво, не дав противнику отсечь и уничтожить ее, и не слишком медленно, чтобы враг не успел восстановить оборону. Решая эту задачу, Лиддел Гарт вновь прибег к аналогии, сравнив оборону с дамбой, а наступающие войска с потоком воды. Подобно воде, ищущей бреши и расширяющий их, пока плотина не будет прорвана, военный теоретик предлагал атакующим расширять

^Р Танк Mk IV развивал скорость до 6,4 км/ч, имея запас хода в 56 км., в то время как Medium D мог бы преодолеть до 320 км. на одной заправке, с максимальной скоростью 32 км/ч. [Федосеев С. Все танки Первой Мировой. М.: Эксмо, Яуза. 2013. С. 73, 101.]

прорывы во вражеской обороне, проникая в ближний тыл и нанося удары по жизненно важным элементам обороны пока та не рухнет²⁵⁸. Для этого Лиддел Гарт предлагал делить наступающие войска на мобильные группы до шести человек, включая командира. Эти группы должны были объединяться в более крупные подразделения, уничтожая «центры силы» противника. При этом одни подразделения были ответственны за изоляцию и сдерживание врага, а другие – за уничтожение. Их главной задачей была «отработанная и непрерывно прогрессирующая инфильтрация [сквозь оборону противника]»²⁵⁹. Отличием мобильных групп от немецких штурмовых групп была их универсальность и способность в составе более крупных подразделений не только атаковать, но и осуществлять активную оборону²⁶⁰. Несмотря на признаки будущей концепции бронированной войны, эта работа не содержала упоминания о бронетехнике. В случае упоминания танка в ранних работах Лиддел Гарт рассматривал его как дополнение к пехоте, «значительное количество которой является залогом возможности маневра» и говорил, что «не следует чрезмерно увлекаться фантастическими идеями писателей, называющих себя военными и предрекающих доминирование “флотов” сухопутных броненосцев на земле и “стай” бронированных самолетов в воздухе, забывая о пехоте»²⁶¹.

Поворот в сторону бронированной войны наметился в статье «Новая модель Армии: предложения по прогрессивной, но постепенной механизации» (1924 г.), в которой Лиддел Гарт называл механизацию главной задачей модернизации армии, выделяя бронетехнику как ядро будущей армии²⁶². При этом капитан, оперируя подобно Фуллеру военно-морскими терминами при описании танков, предостерегал от чрезмерного увлечения этими аналогиями, призывая сосредоточиться на скорости и маневренности. «Главное качество на войне – это скорость, которая доминирует, – писал Лиддел Гарт. – Эта скорость, полученная только при полном освоении научных изобретений, превратит поля сражений будущего из убогих траншейных лабиринтов в арены, на которых маневр, суть внезапности, снова будет царствовать после слишком долгой спячки в мавзолеях грязи»²⁶³.

Фактически, с точки зрения тактики, Фуллер и Лиддел Гарт не предложили ничего революционного, проповедуя идею маневренной войны, занимавшую умы полководцев всех времен. Новым было средство ее ведения – бронетехника, подкрепленная авиацией. Танки были не просто способом выиграть войну, это был инструмент восстановления некой рациональности ведения войны. Они понимали, что, хотя танки и были наступательным оружием, победа зависела от разумного использования их как в наступлении, так и в обороне, наряду с сотрудничеством всех родов войск. Механизация была лишь средством предотвращения абсурдных потерь, характерных для стратегии истощения. Умение и гибкость всегда были ключом к победе на войне, а механизация в умах этих военных теоретиков стала средством, с помощью которого этот ключ можно было вложить в руки британской армии.

Но для реализации этих замыслов необходима была армия нового типа. Фуллер отлично понимал это. В этой армии во главу угла он поставил танк, которому должны были «подчиняться» прочие рода войск. Свои взгляды военный теоретик обосновывал тем, что Великая война показала неспособность отдельных родов войск эффективно сотрудничать, из чего следовало, что необходимо «...свести различные вооружения до общего знаменателя — танка, который больше, чем любой другой род войск, объединяет наступательную и оборонительную силу с подвижностью и потому лучше всего выполняет основную задачу битвы — нанесение ударов без их получения»²⁶⁴. По мнению Фуллера, в новой армии не было места лошади, а танк в различных вариациях, взаимодействуя с авиацией, мог полностью заменить пехоту и кавалерию, дополнить артиллерию, которая должна превратиться в тип танка, повысить ценность пулеметов, путем их установки на бронетехнику и уменьшить потребность в инженерах²⁶⁵. Таким образом, Фуллер надеялся сократить армию, уйдя от массовых призывных вооруженных сил, для которых, по его мнению, длительные кровавые войны были имманентны, и существенно упростить управление войсками. Он разделил процесс механизации вооруженных сил на три этапа: в первую очередь следовало механизировать структуры снабжения и управления, во вторую – артиллерию и в

третью – тактические силы. Этот процесс был основан на предположении, что, пока вспомогательные элементы армии не будут механизированы, бесполезно механизировать боевые подразделения. Танки, которые могли проехать 50 миль в день, были бесполезны, если поддержка и снабжение могли одолеть лишь 10. Также повышение мобильности поддержки позволило бы уменьшить ее количество и повысить эффективность управления, оставив больше денег для механизации остальной армии²⁶⁶.

В 1928 г. Фуллер опубликовал знаковую работу «О будущей войне», в которой впервые была продемонстрирована его модель детальной организации механизированной армии, основанная на том, что армия должна выполнять три функции: находить врага, сдерживать его и уничтожать. Для их выполнения Фуллер призвал к формированию трех типов дивизий. Задача обнаружения врага была возложена на «Легкие войска», маневренные тактические соединения, в которых немеханизированные и оборонительные элементы были сведены к минимуму. Эти дивизии состояли из двух бригад, каждая из которых состояла из одного батальона, включающего 40 легких разведывательных танков, и трех батальонов, вооруженных 40 танками-эсминцами каждый. К танкам были приписаны запасные экипажи, которые в ожидании замены должны были исполнять обязанности вспомогательного персонала. Численность такого формирования оценивалась в 5 600 человек, включая офицерский состав. «Сдерживающие войска», по Фуллеру, должны были действовать на танконедоступной местности и включать в свой состав пехоту. Они состояли из двух тяжелых бригад, каждая из которых состояла из батальона разведывательных танков, батальона тяжелых танков и двух батальонов истребителей танков. Они также имели бы две бригады самоходной артиллерии и две эскадрильи самолетов-разведчиков и истребителей. Фуллер не сбрасывал со счетов и кавалерию считая, возможным использовать ее в подразделениях связи, разведки, полиции и управления движением. Пехотная часть войск не являлась пехотой по сути, а состояла из запасных танковых экипажей, по четыре на танк, члены которых должны были обучаться по программе легкой пехоты и перевозиться на марше

вездеходами. Фуллер считал, что такие формирования могут действовать на всех типах местности и практически в любых условиях. Их численность составит около 14 000 человек. «Войска преследования» были последним элементом армии Фуллера. Поскольку их действия требовали большей мобильности, чем у «легких войск», военный теоретик задумал «войска преследования» способными действовать без поддержки. Они состояли из двух бригад, включающих по три батальона. Каждый батальон был оснащен 40 скоростными танками с двумя экипажами на машину, для замены изнуренных или раненых. Защита обеспечивалась батальоном истребителей танков. Численность таких сил должна была составлять около 4 200 человек.

В заключение Фуллер предположил, что британская армия, состоящая из двух дивизий каждого типа, будет достаточной для удовлетворения имперских потребностей и задач на континенте. Хотя эти войска должны были насчитывать всего 2 000 танков и бронемашин и 60 000 человек личного состава, их боевая мощь была бы выше, чем у крупных экспедиционных сил, отправленных на континент в 1914 г²⁶⁷. Учитывая, что в момент создания Фуллером модели войск, самая насыщенная танками французская армия имела на вооружении 3 036 танков, большинство из которых были Renault FT-17²⁶⁸, присутствие такой силы на европейском ТВД, вероятно, было бы решающим.

Кроме того, Фуллер считал, что будущие войны не будут объявлены и начнутся с внезапных атак, для отражения которых он предлагал реорганизовать пограничную оборону, заменив пушки «скрытыми баками с сотнями тысяч тонн газа». Центры сопротивления, в приграничных областях защищаемые «рвами, минными полями и газовыми баками», должны были действовать как «укрепленные сухопутные порты», в которых «дружественные сухопутные флоты» смогут «искать убежища и проводить ремонт». Они станут «центрами маневра», между которыми будет применяться «морская стратегия и тактика для наземных операций»²⁶⁹.

Лиддел Гарт, в ранних работах считавший танк оружием, дополняющим пехоту, и видевший ТК отдельным родом войск, используемым «...в качестве

передовой защиты, в широком смысле, а также для того, чтобы следовать [за пехотой] и пожинать плоды победы»²⁷⁰, со временем предложил свою версию армии нового типа, переход к которой должен был осуществляться поэтапно. Первым шагом была моторизация транспорта уровня дивизии. Потом следовала моторизация батальонного транспорта. Последнее достигалось предоставлением каждой роте четырех тягачей, имевших бронированный прицеп для перевозки одного из четырех взводов к месту сбора. Тягач и прицеп предполагалось вооружить. Затем Лиддел Гарт предлагал провести сокращение пехоты и соответствующее увеличение КТК. После чего ожидалась полная механизация артиллерии в большинстве случаев с помощью замены лошади тягачом. Но небольшое количество артиллерийских подразделений должно было быть механизировано путем создания самоходных бронированных артиллерийских систем. Последним шагом была замена прицепов бронированными гусеничными транспортерами, должны были перевозить пехоту под обстрелом и осуществлять прикрытие при высадке и в момент развертывания. Танки в армии Лиддел Гарта не должны были включаться в состав пехотных формирований, чтобы не зависеть от их темпа передвижения. Военный теоретик не видел смысла и в создании специального пехотного танка. В атаке, по мнению Лиддел Гарта, танки должны были формировать два эшелона. Первый, состоящий из тяжелых танков, должен атаковать вражеские танки и противотанковые позиции, в то время как следующий за ним второй эшелон легких танков одновременно с пехотой должен уничтожить узлы обороны противника, блокированные пешими войсками.

В результате первого этапа британская армия должна была получить три бригады, каждая из которых имела бы два батальона танков и три батальона механизированной пехоты. Каждая бригада должна была поддерживаться бригадой механизированной артиллерии²⁷¹. Во время второго, долгосрочного этапа, танковые силы должны были поглотить пехоту, полевую артиллерию, инженерные войска и войска связи. Кавалерия должна была быть механизирована, а большая часть авиации влиться в состав бронированных войск. В результате Лиддел Гарт планировал получить силы, включающие на 40% меньше личного

состава, чем традиционные, но при этом обладающие в 3—4 раза большей скоростью перемещения, в 3,5 раза большей мощностью пушечного вооружения и в 10 раз большим числом пулеметов²⁷².

В 1930-е гг. Лиддел Гарт видел современную армию, состоящей из двух частей с отдельными тактическими функциями. Первая часть должна была состоять из полумеханизированной пехоты, а вторая полностью из бронированных боевых машин. В задачи первой входило удержание и дезорганизация противника, пока вторая будет атаковать его тылы и фланги²⁷³.

По мнению Фуллера и Лиддел Гарта, предложенные ими армии будут намного превосходить традиционные во всех отношениях. Армия нового типа могла охватить большие расстояния за меньшее время, а также сочетать огневую мощь, наступательные действия и защиту, достигая этого с помощью большей мобильности, меньшим количеством войск. Войска Первой мировой войны обладали огромной огневой мощью и могли наносить мощные удары по неподвижному противнику. Но Фуллер и Лиддел Гарт утверждали, что они никогда не смогли бы сделать это против механизированных сил, способных уклониться от ударов, нанося свои по вражеским уязвимым точкам. К тому времени, когда противник отреагировал бы на них, механизированная сила уже переместилась бы в другую область. Наконец, механизированная армия эффективнее использовала бы самолеты и газ. Армии старого образца не могли нейтрализовать их без потери боевых качеств. Против самолетов они могли мало, кроме поиска укрытий и малоэффективного зенитного огня, а для защиты от отравляющих веществ могли носить противогазы, еще больше ограничивающие подвижность и боевые качества. В силу массовости они также нуждались в огромном управленческом и логистическом аппарате, что усиливало их уязвимость перед газовыми и воздушными атаками. Механизированная же армия должна быть меньше и требовать меньшего снабжения, представляя собой меньшую цель. Таким образом, Фуллер²⁷⁴ и Лиддел Гарт²⁷⁵ считали, что массово-призывным армиям бросают вызов новые виды оружия, с которыми им не справиться. Им было очевидно, что

единственный способ выживания нации в современной войне – отказ от этих армий в пользу полностью механизированных сил, построенных вокруг танка.

Разумеется, новыми войсками должны были командовать полководцы нового типа. Фуллер считал большинство военачальников некомпетентными, виня их, наравне с политиками, в реках крови, пролитых в Великой войне. Все британское командование периода войны Фуллер считал либо преступниками, либо глупцами без воображения²⁷⁶, начальника ИГШ конца Первой мировой войны Г. Вильсона он называл Арлекином, а его послевоенные действия «...клоунадой, пришедшей за пантомимой массовой резни»²⁷⁷. Долю ответственности за это военный теоретик возлагал не на полководцев, а на военно-образовательную систему, продуктом которой они являлись. О своих педагогах он отзывался как о людях недалеких и ограниченных, а военные учебные заведения называл элементами машины стандартизации мышления, выпускающей зашоренных командиров²⁷⁸.

Идеальным командиром нового типа, по Фуллеру, как ни странно, являлся командир прошлого — инициативный, лично ведущий за собой людей. При этом он должен быть восприимчив к военным и техническим новшествам. Только такой человек, по мнению Фуллера, мог быть не «...простым суфлером на задворках подмостков войны, а участником могучей драмы»²⁷⁹. Он полагал, что призывные армии привели к замене данного типа командующих военными бюрократами, причиной чего явилась массовость армий и, как следствие, потеря контакта между генералом и солдатом. В мемуарах Фуллер писал, что удаленность полководцев от поля боя и изолированность в штабах превратила их в «военных клерков» и «телефонных операторов». Он заявлял: «Армия не может возглавляться фантомным сидением на земле в десяти милях от фронта. Лидерство требует личного контакта»²⁸⁰. Возвращение к небольшим профессиональным армиям, созданным вокруг танка, по мнению Фуллера, должно было сопровождаться возрождением командиров-лидеров.

Помочь в воспитании такого командира должны были изменения в обучении офицеров. Фуллер считал, что им следует не просто изучать прошлые военные кампании, а «стремиться к пониманию того, как развиваются вокруг нас невоенные

дисциплины из области физических и нравственных наук — техники и механики, философии, промышленности, торговли, психологии и общего прогресса человечества»²⁸¹. Фуллер предлагал заменить Колледж личного состава Колледжем военных наук, где будущие офицеры получают образование, основанное на технической эволюции оружия и применении этих знаний для будущей тактики²⁸². При этом Фуллер настаивал на том, что следует подробно рассматривать не только недавние войны, но и сражения отдаленных эпох, так как они велись малыми силами, чьи полководцы ценили военное искусство и маневр больше современных коллег²⁸³.

Но, по мнению Фуллера, военное образование и боевой опыт не всегда являлись залогом успешного командования. Он писал, что умный любитель имел преимущество перед профессионалом, потому что его взгляд на войну оставался шире, а чувства не притуплялись рутинной²⁸⁴. В подтверждение этого Фуллер приводил возраст некоторых успешных военачальников, свидетельствующий, как он считал, что они не могли получить достаточно опыта и действовали, руководимые своим гением. При изучении биографии 100 полководцев Фуллер отметил, что их средний возраст на пике их карьеры составлял чуть более 40 лет, а большинство было в возрасте от 30 до 49 лет. В соответствии с этим военный теоретик предлагал комплектовать будущие механизированные армии молодыми командирами и высказывался за запрет для более старших по возрасту командиров руководить действиями войск²⁸⁵.

Полководцы нового типа, руководящие механизированной армией, по мнению Фуллера, должны были получить новый орган управления военной машиной. Он призывал упразднить АС, заменив его главнокомандующим, который будет руководить армией при содействии штаба, состоящего из 5 отделов, отвечающих за различные функции вооруженных сил и рода войск, каждый из которых состоял из подотдела «мышления» и подотдела «связи»²⁸⁶.

Подобно Фуллеру, Лиддел Гарт считал, что армии необходимы новые командиры, более того, он видел своей миссией «... подготовку настоящих великих стратегов для замены слепых участников массового уничтожения, способных

видеть лишь красные цвета»²⁸⁷. Как и Фуллер, он видел образцом генерала будущего полководца прошлого, полагая одним из его важнейших качеств «...не только возможность постичь нюансы тактики и стратегии войны, но смелость, решительно реализовать их, подобно Наполеону»²⁸⁸.

Обрушиваясь с критикой на методы прошедшей войны, Лиддел Гарт обвинял военных теоретиков прошлого, оказавших влияние на развитие войск в Европе. Он упрекал Клаузевица в том, что тот искаженно трактовал Наполеона, а его труды являлись лишь собранием общих метафизических утверждений, лишенных практической базы²⁸⁹. По мнению Лиддел Гарта, Клаузевиц внушил будущим поколениям военных порочную догму, что целью боя является уничтожение противника, создав теорию, годную к применению лишь «безумной толпой»²⁹⁰. Лиддел Гарт называл Клаузевица «Махди массовой и взаимной резни»²⁹¹, породившим массовые армии и принесшим их массовое самоубийство своей теорией, не проверенной практикой²⁹². Идеалом для Лиддел Гарта был Сципион африканский, по словам военного теоретика, превосходивший Наполеона пониманием связи между моралью, экономикой и войной, умевший выиграть не только войну, но и мир²⁹³. Для исправления ситуации и получения новых Наполеона и Сципиона Лиддел Гарт предлагал изменить систему преподавания в военных учебных заведениях, где офицеры разбирали лишь недавние сражения, относясь к прошлому как к «...сентиментальному сокровищу, вне области научных исследований»²⁹⁴. Должны были объединиться Королевская военная академия в Вулвиче^q и Королевское военное училище в Сандхерсте^r, что, по мнению Лиддел Гарта, способствовало бы единству армии и сбору военных преподавателей в одном месте, дав им возможность взаимодействовать²⁹⁵. Также должен был быть создан тактический исследовательский отдел для развития тактики с учетом технических новшеств²⁹⁶.

^q Королевская военная академия (Royal Military Academy) — военное учебное заведение, существовавшее в Великобритании в 1741—1939 гг. Готовила офицеров для артиллерии и саперных войск.

^r Королевское военное училище (Royal Military College) — военное учебное заведение, существовавшее в Великобритании в 1801—1947 гг. Готовило офицеров для пехоты и кавалерии.

При этом, как и Фуллер, Лиддел Гарт утверждал, что своими талантами полководец не всегда обязан учебе и опыту. Он также рассмотрел биографии 15 военачальников, отметив, что 11 достигли своего пика в возрасте до 40 лет, заключив: «Вердикт истории решительно противоречит утверждению, что возраст либо практический опыт регламентированной рутины помогут овладеть стратегией и тактикой. Молодежь и независимое исследование выходят победителями из спора со стариками и “практическим опытом”, слишком часто являющихся синонимами маразма и психической атрофии»²⁹⁷.

В целом модель командира нового типа, призванного возглавить армии, созданные вокруг танка, пропагандируемая Лиддел Гартом и особенно Фуллером, больше подходила для офицеров до среднего звена включительно, чем для генералов. Наблюдалось явное противоречие между посылом военных теоретиков «сломить сопротивление противника, сломив его мораль путем дезорганизации, дезориентации, оставления в неведении о происходящем вокруг и лишения командования» и их же идеей «вернуть генералов в войска первой линии». Ведь именно в наступающих и обороняющихся порядках войск в условиях применения авиации, артиллерии и отравляющих веществ командующий обладал гораздо большими, чем в прошлом, шансами погибнуть на глазах своих солдат, оставив их деморализованными и без руководства, а в условиях высокоманевренных армий, именно в штабе, в окружении телефонов, генерал мог получать информацию о происходящем в разных точках и отдавать приказы максимально быстро и полно.

Говоря о работах основоположников теории бронированной войны в Великобритании, нельзя не вспомнить британского военного историка, профессора современной истории Оксфордского университета, профессора военной и военно-морской истории Йельского университета и основателя отдела военных исследований Лондонского Королевского колледжа М. Говарда, писавшего: «Военный “реформатор” должен быть способен объективно думать о будущем, часто исходя из неадекватных данных, на которых основываются его расчеты. <...> Более того, прогнозы относительно того, что, вероятно, произойдет в будущем, всегда основаны на гипотезе. Таким образом, реформатор не только помещается в

незавидное положение, часто сталкиваясь с высшим авторитетом, он также вынужден приводить свои аргументы в интеллектуальной среде, в которой все его утверждения оказываются уязвимы для оспаривания и трудно проверяются»²⁹⁸. Теории Фуллера и Лиддл Гарта были не безупречны. Их просчет был в неверном восприятии будущего пехоты. Первая мировая война привела ряд примеров, демонстрирующих уязвимость танков, атакующих без пехоты, а будущее подтвердило это. Также оба военных теоретика оказались не правы по поводу больших призывных армий и тотальной войны. Они не поняли, что тотальная война стала следствием способности правительств использовать богатство и производственный потенциал промышленно развитых стран для ведения войны. Они не смогли предвидеть возможности массовых армий, равно как и стойкость наций в противостоянии попыткам подрвать их способность вести войну с помощью ударов по «нервным центрам» государства, примером чему могут служить упорные оборонительные бои РККА на территории СССР и оборона немцами разрушенных и обреченных городов, таких как Бреслау и Берлин. Наряду с этим Фуллер и Лиддел Гарт переоценили влияние бронетехники на сокращение численности войск. Как показала британская практика середины 1930-х гг., количество личного состава в полностью механизированных подразделениях, способных выполнить функции обычных войск, почти не сокращалось за счет схожего числа пехотинцев, пулеметчиков и оружейной прислуги, дополненной большим числом механиков и водителей, а также увеличения логистической составляющей ввиду большего наименования и количества запасных частей и ГСМ^{s299}. Утверждения Фуллера и Лиддел Гарта об ограничении размера войск будущего из-за высокой цены танков также оказались неверны. Как показала Холодная война и конфликты XX—XXI вв. страны готовы вкладывать в военный бюджет астрономические суммы даже в мирное время, частично в угоду корпорациям и под воздействием собственной пропаганды, заложниками которой, в конечном итоге, становятся и правящие круги. Также ряд высказываний Фуллера

^s ГСМ- горюче-смазочные материалы.

не выдерживают критики даже с точки зрения первой половины XX в. Например, идея о механизированных крепостях, должных стать центром наступающей армии, или огромных гусеничных поездах, способных снабжать эту армию.

Однако, теории Фуллера и Лиддел Гарта, несомненно, имели положительные для военной науки моменты, такие как верное указание на первоочередность ударов по тылам, коммуникациям, штабам и иным «нервным центрам» противника, ставшие аксиомой на сегодняшний день. В 1947 г. в Великобритании была реализована задумка Лиддел Гарта об объединении академии в Вулвиче и училища в Сандхерсте. На их базе была создана единая Королевская военная академия, готовящая офицеров для всех родов войск. Кроме того, работа по популяризации своих теорий вызвала массовый интерес к бронированной войне не только в Великобритании, но и в других странах. Они также были правы в предсказании того, что бронированные соединения, действующие на принципах, которые они защищали, окажут разрушительное воздействие на традиционные армии. Однако они ошибались в убеждении, что замена стратегии истощения стратегией бронированной войны окажет содействие процессу снижения угрозы тотальной войны и сократит жертвы.

Что касается влияния Лиддел Гарта и Фуллера на будущее человечества, то их упор на уничтожение противника путем подрыва морали и ратование за массированные бомбардировки вражеских тылов наряду с доктриной Дуэ привели к массовым жертвам среди мирного населения в Токио, Берлине, Кенигсберге, Дрездене, Лондоне и других городах, подвергшихся массированным ударам с воздуха именно для уничтожения населения, средств производства, органов управления, коммуникационных и логистических центров и «непрямого воздействия» на неприятеля

Одним из основных факторов, связанных с противодействием идеям Фуллера и Лиддел Гарта в британской армии, несомненно, являлось поведение Фуллера и его нежелание идти на малейшие компромиссы, отчасти свойственное и Лиддел Гарту. По иронии судьбы эти апологеты непрямых действий «атаковали» армейские устои «в лоб», не скрывая пренебрежения чужим мнением. С другой

стороны, нельзя сказать, что вооруженные силы остались глухи к их идеям. Несмотря на то, что такие исследователи как А. Быстров³⁰⁰, Р. Огоркевич³⁰¹ и К. Барнетт³⁰² пишут, что Лиддел Гарт и Фуллер были отторгнуты военным и политическим руководством, что привело к разгрому сторонников танковых войск, а межвоенный период был «битвой» между прогрессивными сторонниками танков под предводительством двух военных теоретиков и серой-закостенелой массой военных и политиков, кончившейся победой последних, в реальности это было не так. Вплоть до 1927 г. Фуллер активно взаимодействовал с армией, занимая должности главного инструктора Колледжа личного состава и помощника начальника ИГШ. Его печатали ведущие военные издания, а апофеозом его изысканий стало инициированное Уортингтоном-Эвансом назначение командиром уникального экспериментального соединения, работая с которым, он мог реализовать все свои амбиции. Дальнейшие же его отставка, «уход в тень» и отторжение рядом военных и политиков скорее стало следствием политической позиции Фуллера и его характера. Но даже после 1927 г. книги и статьи Фуллера выходили в свет, привлекая внимание военных и гражданских лиц. Лиддел Гарт же продолжал оказывать воздействие на вооруженные силы весь межвоенный период, не только активно печатаясь в военных и гражданских периодических изданиях, но и имея сильное влияние на военного министра Хор-Белиша³⁰³. Более того, некоторые современники оценивали влияние идей Лиддел Гарта на британских военных и политиков, как чрезмерное и даже вредное. Дафф Купер вспоминал о том, что ряд политиков, среди которых был Н. Чемберлен, «впитали» от своих друзей идеи военного теоретика, укрепившие в них неприятие крупной армии, называя их «пагубной доктриной»³⁰⁴. Впрочем, даже несмотря на личное неприятие, Дафф Купер также прислушивался к высказываниям Лиддел Гарта, находя в них много рационального и отдавая дань его умению вести дискуссию³⁰⁵.

Также, говоря о теории применения танка и видении его места в британской армии, нельзя не упомянуть популярную у ряда современников и зарубежных исследователей теорию засилья сторонников кавалерии в британских вооруженных силах, препятствовавших принятию и развитию концепции применения танков, и,

как следствие, неприятие военными бронетехники и механизации в целом. Лиддел Гарт, говоря об этом вспоминал: «Кавалерийские круги ненавидели идею отказа от лошади и, таким образом, подсознательно осуждали танк. Они встретили большую поддержку в военном ведомстве и парламенте. Известное высказывание Веллингтона о том, что сражение при Ватерлоо было выиграно на Итонских игровых площадках лишь миф, но правда то, что первые сражения Второй мировой войны оказались проиграны в кавалерийском клубе»³⁰⁶. Ряд исследователей более позднего периода высказывались аналогичным образом. Р. Огоркевич писал: «Вопреки воззрениям сторонников механизированной войны, остальная часть армии была очень скептически настроена по отношению к механизации войск, если не враждебна ей. Когда в конце концов неохотно армейское большинство приняло идею механизации, оно не могло представить или принять что либо, кроме концепции механизированных сил в качестве замены кавалерии»³⁰⁷.

Теорию доминирования «кавалеристов» в британских войсках можно проверить с помощью статистики, отражающей принадлежность старшего и высшего командного состава, занимавшего должности в британских штабах к определенным родам войск. Так, в 1923 г. среди полковников было: 129 артиллеристов, 190 пехотинцев и только 20 кавалеристов, что составляло 5,8 %. В то же время на долю генералитета приходилось: 20 артиллеристов, 73 пехотинцев и лишь 10 кавалеристов, являвших 9,7 % от общего числа³⁰⁸. А в 1937 г. доля полковников и генералов от кавалерии составила 8 и 4 %. Похожая картина наблюдалась и в АС на протяжении межвоенного периода. Например, в 1933 г. в его состав не входил ни один представитель кавалерии³⁰⁹.

Впрочем, некоторые исследователи, такие как К. Барнетт, возлагают вину за недостаточное развитие бронетехники не на кавалерийских офицеров напрямую, а на аристократов, как носителей «кавалерийского духа», не мыслящих себя и армию без лошади, и выходцев из землевладельцев, не осознававших значимость технического прогресса, которыми могли являться и пехотный майор, и генерал от артиллерии³¹⁰. Но статистика свидетельствует о том, что в британской армии даже в 1912 г. доля командного состава в звании генерал-майор и выше, являвшегося

выходцами из «благородных семей», составляла всего 9 %, а к 1932 г. она снизилась до 2 %, доля же офицеров всех рангов, происходящих из землевладельцев с 1912 г. по 1932 г. уменьшилась с действительно ощутимых 32 до 6 %³¹¹, что очевидно является слишком малым числом, чтобы «задавать тон» всем вооруженным силам (см. приложение 3).

То же касается и доли кавалерии в составе британской армии. Согласно данным КОИ, численность кавалерийских частей, включая территориальную армию, в метрополии и заморских территориях, за исключением Индии, менялась следующим образом: 234 сабельных эскадрона в 1914 г., 91 в 1924 г. и 72 в 1928 г. При этом число пехотных батальонов в эти годы составляло 313, 259 и 260, что демонстрирует тенденцию к сокращению кавалерии и дает соотношение 1 к 3,61 кавалерийских и пехотных соединений к 1928 г.³¹², также не позволяя говорить о доминировании кавалерии. Для сравнения, во французской армии к 1929 г. имелось 172 кавалерийских эскадрона и 291 пехотный батальон, делая соотношение этих войск равным 1 к 1,69³¹³. Также менялось соотношение между артиллерией на конной тяге и механизированной. Если в 1929 г. в британских вооруженных силах, не считая Индии, имелось 15 бригад конной полевой артиллерии и только три механизированной, включая одну формируемую³¹⁴, то к 1935 г. количество бригад на конной тяге сократилось до 13, а механизированных выросло до 8³¹⁵. Эти цифры свидетельствуют о стремлении к механизации в британской армии, особенно учитывая сложности в экономике, сопряженные с уверенностью в отсутствии большой войны в ближайшее время. Впрочем, нельзя не отметить, что осторожные британцы не стремились радикально сокращать кавалерию, свидетельством чему является тот факт, что с 1929³¹⁶ по 1935³¹⁷ гг. численность линейной кавалерии осталась неизменной.

На этом фоне многие члены парламента и правительства относились к лошади в армии, как к музейному экспонату. В марте 1926 г. бывший военный министр С. Уолш заявил: «Я думаю, что дни кавалерии прошли или быстро проходят, даже если нам суждено увидеть еще одну войну. Я абсолютно уверен, что не будет никакой полезной функции, которую лошади могли бы выполнять в

ней, которая не могла бы быть выполнена в 10 раз более эффективно механическими средствами... Я не представляю, что лошадь можно рассматривать не как анахронизм. В настоящем она является ошибкой в военной истории. Вооруженным силам следует уделять больше внимания механизации, а не сохранять то, что быстро переходит в стадию экспоната для зоологического музея»³¹⁸. Реальное положение дел не сильно отличалось от воззрений Уолша. Уже в 1922 г. была выявлена нехватка лошадей, особенно тяжеловозов, для нужд артиллерии, вызванная отмиранием конки^t и повсеместным вытеснением лошади техникой из гражданского хозяйства, следствием чего стало закрытие ферм по разведению рабочих лошадей³¹⁹. Сама экономика и общество благоволили механизации, ярким примером чему были 2 000 000 механических транспортных средств, использовавшихся в Великобритании к 1927 г.³²⁰, из которых 1 002 000 были автомобилями³²¹.

Безусловно, на протяжении межвоенного периода среди военных и политиков сохранялись приверженцы кавалерии и противники бронетехники, такие как отставной полковник, бывший первый секретарь КОИ Дж. Кларк, сообщивший в ходе заседания Парламента в 1923 г. о незаменимости кавалерии и непригодности бронетехники к серьезным боям в виду зависимости от дорог³²². Или отставной капитан кавалерии Д. Холл, в 1926 г. указывавший депутатам на незаменимость лошади в войсках на основе собственного военного опыта³²³. Но часто противниками танков являлись представители иных родов войск, как в случае с пехотным генерал-майором, редактором полевого устава 1929 г., С. П. Дидсом, утверждавшим, что: «Война, это движение. Подобно морю и воздуху, земля является средой для движения. Но в отличие от них земля ограничивает движение, как правило, естественными и искусственными препятствиями, и такие препятствия влияют на движение народов и особенно армий»³²⁴. Исходя из этого, он делал вывод, что бронетехника, обладающая меньшей проходимостью чем

^t Конка (конно-железная дорога), основной городской общественный транспорт в конце XIX - начале XX вв. Представляла собой рельсовый путь, по которому перемещались вагоны упряжкой лошадей.

лошадь или пехотинец, представляет для армии ограниченную ценность. По мнению Дидса, бронетехника слишком сильно зависела от снабжения, в отличие от лошади, способной не только питаться подножным кормом или двигаться на половинном пайке, но и голодать, сохраняя работоспособность³²⁵.

Порой именно военные, не связанные с кавалерией, опасались, что бронетехника «девальвирует» их род войск. Пехотный майор Г. У. Редвей в 1929 г. писал, что бронетехника пытается вытеснить пехоту, превратив ее в прислугу пулеметов на бронемашинах³²⁶. «Кавалеристы» же скорее высказывались за интеграцию бронетехники в действующие армейские структуры, включая кавалерию. Часто военные и парламентарии, выступавшие в защиту кавалерии, поддерживали бронетехнику, ратуя за замену ею лошади или организацию смешанных подразделений. В 1921 г. потомственный кавалерист майор К. Фрейзер, которого Р. Ларсон обвинял в неприязни к бронетехнике³²⁷, выступая в Парламенте, призвал вместо создания отдельных танковых войск передавать легкие танки кавалерии³²⁸. А в 1932 г. военный в отставке А. Батерст, занимавший ряд должностей, связанных с обороной, при обсуждении перевооружения утверждал, что, только действуя в составе кавалерии либо ее методами, танки принесут пользу. В случае же независимых действий они обречены на уничтожение³²⁹. Даже отставные танкисты высказывались за сохранение кавалерии и ее перевооружение. В 1926 г. капитан Г. Холт сообщил парламентариям: «Если бы немецкая армия обладала двумя или тремя эффективными кавалерийскими дивизиями в то время [Во время Первой мировой войны], нам пришлось бы испытывать большие трудности в восстановлении линии обороны... Именно в это время я был связан с танками. Я могу без колебаний сказать, что в такой ситуации танкам не удастся задержать победоносно продвигающегося врага, а в обороне от танков очень мало пользы. Если мы возьмем последние 100 дней войны после битвы при Амьене, когда мы продвигались к линии Гинденбурга, и после этого, моральный эффект кавалерии был велик и длился до конца войны. <...> Как только враг сломлен, не может быть сомнений в том, что кавалерия — сила, которая сможет подгонять его бегство лучше всего на свете. <...> Очевидно, что танк, создающий очень большой

шум, даст врагам множество возможностей подготовиться. Танки не могут использоваться на болотистой местности или для пересечения реки, когда мосты взорваны. <...> Я считаю, что кавалерия, танки и самолеты не являются антагонистами, а дополняют друг друга. Что касается стоимости, то я обнаружил, что танковый батальон обходится в год в два раза дороже, чем кавалерийский полк»³³⁰.

Похожие идеи были и в документах различных комиссий и комитетов по вопросам развития армии. Например, комитет по реорганизации кавалерии, созданный Монтгомери-Массингбердом в 1926 г., постановил, что кавалерия в нынешнем виде не пригодна для действий против войск промышленно развитых стран по причине невозможности перевозки тяжелых пулеметов и большого количества боеприпасов на лошади, а также ее незащищенности при обстреле. Кавалерию предлагалось частично перевооружить броневыми автомобилями и легкими танками³³¹. Позже, в 1928 г., в выводах комиссии по реорганизации и перевооружению кавалерии при КОИ указывалось: «Легкие танки, без сомнения, могут заменить лошадь для достижения многих целей на ряде театров военных действий... но они не могут выполнять все функции кавалерии», из чего делался вывод о необходимости подразделений, имеющих на вооружении как лошадь, так и бронетехнику³³². В том же документе приводилось мнение генерала А. Годли, возглавлявшего Южное командование, считавшего, что броневые автомобили и легкие танки должны входить в состав кавалерии, а не КТК, и говорившего о важности «кавалерийского духа» в бронированных подразделениях, что было продолжением его идей, высказанных двумя годами ранее в ходе обсуждения статьи генерал-майора П. Хамбро «Лошади и техника на войне», когда Годли заявил: «Хотел бы иметь войска, состоящие полностью из кавалерии без техники вообще? Определенно нет. Конечно, мне нужны бронемашинны и танки. С другой стороны, если бы меня спросили: "пойдете ли вы на войну с мобильными силами, состоящими из броневых автомобилей, танков и подобного?" Я думаю, что откажусь! Я хочу и должен настаивать на сохранении кавалерии»³³³. При этом говоря о слиянии кавалерии и бронированных частей в британской армии нельзя не

упомянуть, что даже Лиддел Гарт высказывался за выбор кавалерийских офицеров для КТК, так как только они сохранили представление о мобильной войне³³⁴, и признавал, что аналогия между кавалерией прошлого и бронетехникой способствовала продвижению танка в армии³³⁵.

В первые послевоенные годы британские вооруженные силы претерпели радикальное сокращение. Экономический и социальный кризис, сопряженный с резким ростом пацифистских настроений на фоне полной уверенности британского правительства в невозможности крупной войны в ближайшие десятилетия, привели к значительному снижению затрат на оборону. При этом флот и особенно КВВС смогли выиграть у сухопутных войск, низведенных до роли «имперского жандарма», «битву» за финансирование. Для сохранения обороноспособности государства, в случае гипотетического большого военного конфликта, были воссозданы территориальные войска, должны стать основой для полноценных сухопутных войск в случае крупной войны, однако их финансирование и снабжение проводились по остаточному принципу, что привело к полной небоеспособности. В этих условиях британской армии, главной задачей которой являлось защита баз флот за рубежом и поддержание порядка в метрополии, колониях и подмандатных территориях, была практически не нужна тяжелая бронетехника, особенно танки. На первый план выходили легкие танки и бронеавтомобили, а существование танковых войск, как самостоятельной силы, было под вопросом.

На этом фоне в Великобритании началось бурное развитие теории мобильной бронированной войны, суть которой была в построении небольшой, высокомобильной армии, вокруг бронетехники, поддерживаемой авиацией. Апологеты и основоположники этой теории, такие как Лиддел Гарт и Фуллер, а также их последователи, утверждали, что подобная армия, будучи относительно

недорогой в содержании, сможет эффективно противостоять военным угрозам нового времени, дав Великобритании возможность в случае войны стремительно разгромить своих противников, избежав ужасов недавней войны, ее человеческих и экономических потерь. При этом, несмотря на утверждения ряда отечественных и зарубежных исследователей и современников, теория бронированной войны нашла живой отклик и заинтересованность в рядах британских военных, политиков и простых граждан. Труды Фуллера и Лиддел Гарта регулярно издавались большими тиражами, их статьи печатались в ведущих военных и гражданских газетах и журналах, а к их высказываниям прислушивались ведущие фигуры в правительстве и вооруженных силах. Некоторая доля оппозиции идеям бронированной войны была, в первую очередь связана с личными качествами и политическими взглядами одного из ее «проповедников», Фуллера, вызывавшими отторжение у многих. Что касается противостояния танковым войскам и теории бронированной войны «кавалерийских кругов» как напрямую, так и косвенно, то следует признать несостоятельность этих утверждений. Более того, сторонники кавалерии зачастую помогали продвижению танка и теории бронированной войны в силу близости последней кавалерийской тактике. Кавалеристы, больше чем представители иных родов войск ратовали за интеграцию бронетехники в существующие армейские структуры и поэтапную замену лошади бронетехникой.

В сложившейся ситуации, несмотря на тотальную экономию на сухопутных войсках, у британских танковых войск начала 1920-х гг. были отличные шансы и основание не только для продуктивного развития, но и для того, чтобы стать если не ядром новой британской армии, то получить полную независимость, став одним из важнейших родов войск межвоенного периода.

Глава 2. Развитие танковых войск Великобритании в 1920-е гг.

2.1 Британские танковые войска в 1920-х гг.: состояние после Первой мировой войны, их развитие в 1920-е гг.

После окончания Великой войны судьба британских танковых войск и самого танка была неопределенной. В какой-то мере это было естественно, учитывая обстоятельства их рождения. Поскольку танк и танковые формирования являлись продуктом Западного фронта, с окопной войной, простреливаемой «ничейной землей» и линиями обороны, оцетинившихся пулеметными стволами, в военной и политической среде имелось мнение, что их будущее зависит от вероятности повторения этого опыта. При этом танк был создан под запросы западного фронта и его роль была ограничена расчисткой проходов через траншеи противника для пехоты, а командование считало его скорость, радиус действия и надежность несущественными. Как вспоминали британские военные, от их танков требовалось «пробежать 50 миль, а затем они могли разваливаться на куски»¹. Вполне естественно, что после исчезновения среды для применения танка встал вопрос о необходимости дальнейшего существования ТК, состоящего из дорогих, медленных и ненадежных машин. В подобных условиях США, например, также находившиеся вне досягаемости армий промышленно развитых стран, решили отказаться от самостоятельных танковых войск². Французы также не стали выделять танковые силы в отдельный род войск, переподчинив их из ведения артиллерии, как это было во время войны, пехоте³, в результате чего каждая пехотная дивизия должна была включать в себя роту танков⁴.

Несмотря на инертность государственной машины и заказ танков более чем на 267 000 £⁴, британцы начали избавляться от излишков одномоментно устаревших боевых машин, примером чего может стать продажа частным лицам 303 танков Mk. VII по символической цене в 1 £⁵.

Далеко не всех механических ветеранов ждала переплавка на металл или роль аттракциона для досужей публики, могущей за плату прокатиться на танках, оказавшихся в частных руках. Несколько десятков танков Mk. V и Medium A без огласки и согласия парламента были поставлены белому движению в охваченную гражданской войной Россию. За это британское правительство и военное министерство подверглись критике со стороны ряда депутатов, утверждавших, что они не только помогали палачам русского народа, но и, что самое важное, недальновидно передали бронетехнику, боеприпасы и запасные части, произведенные и доставленные в Россию за счет британского бюджета, плохо подготовленным, слабо мотивированным и коррумпированным лицам, что привело к их потере или продаже⁶. Фуллер, ненавидевший коммунистов, предположил, что вина за неудачи белых лежит на старых танках и рекомендовал отправить в Россию войска, вооруженные новыми танками Medium D, каковые должны были остановить «волну русского большевизма». Но начальник управления штабной службы, зная, что армия располагает только одним танком этой модели, имевшим множество недостатков, отверг идею⁷.

Также поступали предложения отправить ставшие ненужными на континенте танки в Ирландию. Главный секретарь по делам Ирландии Х. Гринвуд, утверждая, что бронетехника крайне эффективна, предлагал, вдобавок к находящимся в его регионе 36 машинам⁸, отправить большее количество танков, задействовав их в борьбе с повстанцами⁹. Но в условиях контрпартизанских действий, разворачивавшихся в Ирландии, британская армия скорее нуждалась в бронеавтомобилях, способных перевозить солдат на большие расстояния и

⁴ Возможно в заказе проявилась не только неторопливость государственной машины, но и коррупционные и личные связи, позволившие осуществить последний заказ на ставшие ненужными и устаревшими танки, на что намекали некоторые британские парламентарии [Hansard. 16 June 1925 Vol.. 185 cc. 261-262].

маневрировать на узких улицах. Именно такие машины, вооруженные пулеметами или оборудованные бойницами, по результатам применения в мятежном регионе были признаны наиболее предпочтительными¹⁰. В условиях нехватки бронеавтомобилей промышленного производства британские военные в Ирландии обшивали листами металла грузовики, что позволяло снизить потери при внезапных обстрелах¹¹. Танки же, обладавшие большим размером, меньшим запасом хода, плохим обзором и чрезмерным по могуществу^v вооружением, использовались военными больше для «демонстрации присутствия» и психологического воздействия на население, как это было в годовщину восстания 1916 г., когда танки Mk. V проехали по Дублину¹². Хотя иногда танки и применялись при штурме зданий (См. Рис. 2.). В результате в 1920 г. кабинет рекомендовал отправку в Ирландию дополнительного количества бронеавтомобилей¹³.

На этом фоне проходили споры о будущем ТК, его составе и моделях танков. Выделялись два варианта: в первом ТК должен был обрести независимость, а во втором он продолжал подчиняться интересам других родов войск. Неопределенность будущего танковых войск вызывала нервозность у офицеров, переводившихся из ТК в другие войска¹⁴. Некоторые военные отрицали саму возможность существования танка после окончания войны, породившей его. Например, в прошлом отвечавший за траншейную войну и поставки в министерстве вооружения генерал-майор, кавалер Ордена Бани и Ордена Британской империи Л. Джексон заявил в ходе лекции «Перспективы будущей войны»: «Танк был уродцем. Обстоятельства, породившие его, были исключительными и вряд ли повторятся. А если это произойдет, проблемы можно будет решать иначе»¹⁵. Но большинство военных и политиков признавало прогресс в деле развития танка. Заместитель военного министра У. Гиннес заявил: «Значительные успехи были достигнуты в конструкции танка. В то время как

^v В военном деле под понятием «могущество боеприпаса» понимается показатель эффективности его действия у цели [Сайт Министерства обороны РФ. Раздел энциклопедия. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=8212@morfDictionary> (дата обращения: 09.12.2017)].

пробег последней модели, доступной во время войны, составлял всего 150 миль, а скорость 8 миль в час, нынешние модели имеют пробег 1 000 миль и скорость 25 миль в час»¹⁶. В том же ключе высказывались многие военные и политики¹⁷, включая Черчилля¹⁸, занимавшего должность военного министра. Но озвучивались и предположения, что в сложившихся условиях нужны лишь единичные экземпляры танков для экспериментов¹⁹. Часто это утверждали те же люди. Тот же Черчилль, бывший «крестным отцом танка», отмечал: «Было бы крайне неразумно посвящать себя какой-либо крупной программе строительства танков, требующей крупных расходов, до тех пор, пока не будут достигнуты гораздо более определенные результаты, и весь практический аспект этого нового оружия будет рассмотрен детально»²⁰. Несколькими днями позже он повторил этот тезис²¹. Вопрос с положением ТК и с признанием будущего танка был урегулирован в июле 1922 г., когда АС дал разрешение на создание отдельного танкового корпуса²².

Отчасти сомнения в будущем танков порожидала боязнь артиллерии, по мнению многих способной легко уничтожить боевые машины²³. Во многом эти страхи, закрепленные даже в наставлениях по совместным действиям войск²⁴, были вызваны учениями, проводимыми при тотальной экономии, следствием которой было использование флагов вместо орудий и повозок вместо танков. В ходе таких учений, проводившихся весь межвоенный период, танк признавался уничтоженным, как только входил в зону поражения «орудия»²⁵. При этом сложность попадания по движущейся по пересеченной местности машине, особенно первым выстрелом, как и вероятность поражения бронетехники попаданием, не учитывались^w. В результате противотанковые орудия показывали феноменальную эффективность на бумаге. По этому поводу Фуллер со

^w В 1942 г. ЦНИИ-48 было проведено исследование характера повреждений советского легкого танка Т-70. Именно этот танк, в силу слабого бронирования, может условно рассматриваться, как аналог британских танков межвоенного периода. При использовании Вермахтом орудий калибром до 50 мм., что также можно принять за возможное воздействие орудий межвоенного периода, опасные (способные привести к выходу танка из строя, но не обязательно приводящие) повреждения машина получала при 63,5 % попаданий. Эта цифра оценивалась советскими инженерами, как тревожная, однако она даже не приблизилась к 100% поражения на британских «учениях с флагом». [ЦАМО РФ, Ф. 38, ОП. 11355, Д. 786. Л. 14]

свойственной ему желчностью заявлял: «В 1918 году немцы, имея тысячи орудий и сотни противотанковых ружей, не остановили наши танковые атаки. Похоже, по глупости, они никогда не пробовали флаги. Если бы они сделали это, согласно теории нашего высшего командования, без сомнений, сегодня императорский штандарт Гогенцоллернов реял бы над Букингемским дворцом»²⁶.

Несмотря на множество танков старого типа и споры в рядах военных и политиков, британская армия ощущала потребность в новых машинах, легких, надежных и быстрых. Военное министерство планировало экономию на бронетехнике²⁷, и до конца 1920 г. на рассмотрение АС не поступало предложений по переоснащению ТК, пока начальник управления по вооружению не сообщил, что армия нуждается в четырех типах танков: быстроходном кавалерийском с большим радиусом действия; артиллерийском, вооруженным 18-фунтовым орудием; легком пехотном и тяжелом танке непосредственной поддержки. Разработка легкого пехотного и кавалерийского танков, по его мнению, шла удовлетворительно, второй прототип Medium D можно было ожидать к началу следующего года, а приступить к производству в апреле. На рассмотрение АС было вынесено два варианта оснащения ТК. В первом предполагалось производство танков общей стоимостью 1 300 000 £ для вооружения шести батальонов с мая 1922 г. Во втором предлагалось сократить их число вдвое. В ходе дискуссии первое предложение было поддержано начальником управления штабной службы от имени начальника ИГШ Г. Юза Вильсона на том основании, что в армии ощущается острая нехватка новой бронетехники. Но другие члены совета посчитали, что в условиях финансовой строгости это приведет к сокращению производства бронеавтомобилей, более необходимых армии. Последнее слово осталось за финансовым секретарем военного министерства А. Уильямсоном, заявившем о нехватке средств, после чего была принята вторая программа перевооружения ТК²⁸. Впрочем, принятие не равнялось выполнению. В 1923 г. заместитель военного министра все еще высказывал надежду на то, что: «В течение 1923—24 годов новый танковый батальон, возможно, будет снабжен новым танком»²⁹. Ключевую роль в медленном перевооружении танковых войск сыграло

дальнейшее падение военного бюджета с послевоенных 691 000 000 £ до 222 000 000 £ в 1922 г. и 123 300 000 £ к 1923 г³⁰.

Между тем в 1922 г. начался вывод британских войск с территории созданного Ирландского Свободного государства, в ходе которого новый военный министр Л. Уортингтон-Эванс, не желая оставлять технику ирландцам, подписал приказ об уничтожении находившихся там танков и бронетехники, мотивируя это экономией на перевозке изношенной техники, позволившей сохранить несколько тысяч £³¹, хотя его предшественник Черчилль признавал эти машины соответствующими требованиям, отдав распоряжение о списании лишь 4 единиц³². Также, образование Ирландского Свободного государства обернулось для ТК потерей военного полигона, позволявшего проводить крупные учения³³.

И все же к осени 1923 г. стало ясно, что британские танковые войска окончательно получили независимость. 18 октября приказом № 369 ТК был присвоен статус королевского³⁴. Несмотря на громкое название, КТК существенно уменьшился и включал в себя 3 996 человек, организованных в четыре танковых батальона, по одному на регулярную пехотную дивизию послевоенной армии, и восемь бронетанковых рот³⁵. Первые годы жизни КТК, с 1923 по 1927 гг., не были отмечены значительным прогрессом. В глазах защитников танка главной причиной этого было назначение Ф. Р. Ламберта начальником ИГШ в 1922 г. Лиддел Гарт писал: «Лорд Каван был хорошим командиром на войне, берегшим людей. Но он ничего не понимал в танках и не принимал их»³⁶. Однако, несмотря на размер КТК и противодействие его противников, послевоенная армия приняла танк, как неотъемлемую часть, что подтверждают вышедшая в 1920 г. новая редакция полевого устава и наставление для пехоты 1921 г., в котором значительная часть отведена взаимодействию с бронетехникой³⁷. В уставе танки признавались наступательным оружием с высоким потенциалом и огневой мощностью, способным к быстрому перемещению по пересеченной местности и оказывающему огромное моральное воздействие на противника, что делало его идеальным для «успешных внезапных атак против почти любой обороны»³⁸. Впрочем, устав по-прежнему оставлял важную роль кавалерии, способной «быстро перемещаться, преодолевать

большие расстояния за сравнительно короткое время по любой местности»³⁹, что делало ее подходящей для разведки и внезапных атак.

Еще одним знаком того, что танковые войска воспринимались британским командованием всерьез и прочно заняли место среди других родов войск, стало принятие на вооружение новой модели танка. Medium D не оправдал надежд. Военные жаловались на его ненадежность и множество недоработок в конструкции. С течением времени ситуация не менялась, а выдающиеся для 1918 г. характеристики⁴⁰ перестали казаться таковыми. В результате военное министерство обратилось к компании Vickers Limited^x, разрабатывавшей легкий танк Vickers Light, на базе которого был создан прототип, после испытаний и доработок названный Vickers Light Tank Mk. I, и принятый на вооружение в 1923 г. Претерпев ряд модификаций и переименованный в Medium^y Mk. I, он оставался на вооружении вплоть до Второй мировой войны⁴¹. Танки модификации Mk. I, Mk. IA и Mk. IA*, выпускавшиеся в 1920-х гг., обладали весом в 11,7, 11,2 и 12,25 т., скоростью до 15,2 миль в час и запасом хода до 150 миль. Экипаж составлял 5 человек. Вооружение — 3-фунтовое орудие OQF и 4 пулемета различного калибра в моделях Mk. I и Mk. IA⁴². В модели Mk. IA* 2 пулемета в бортах были убраны, как неэффективные, а ненадежные клепаные траки №9 link заменены на новые №3 link⁴³. Бронирование осуществлялось склепанными листами стальной катанной гомогенной брони, толщиной 6,25 мм⁴⁴. Одной из особенностей танка была неудачная конструкция люка механика-водителя. Представлявший собой надстройку, выступающую из корпуса, для лучшего обзора в походном положении люк откидывался назад. Не имея надежного крепления, внезапно опустившись, он мог нанести тяжелые травмы. При практически полном отсутствии танкового

^x Говоря о производстве оружия и военной техники в 1920-х гг. в литературе Vickers Limited, иногда ошибочно называют Vickers-Armstrongs, но Vickers Limited и Sir W G Armstrong Whitworth & Company объединились только в 1927 г. [Edgerton D. Warfare State: Britain, 1920—1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 37.]

^y Несмотря на переименование, характеризующее изменение классификации танка в британской армии, советские специалисты, ознакомившиеся с ним в 1930 г., в ходе визита делегации Управления моторизации и механизации РККА в Великобританию, посчитали танк легким [РГВА Ф. 31811 Оп. 3 Д. 22 Л. 186].

шлема весь межвоенный период вопрос травматизма танкистов поднимался даже в парламенте, что, однако, не помогло решению проблемы⁴⁵. Один Medium Mk IA, произведенный на Королевском арсенале в Вулвиче^z стоил 6 190 £ и на 2 000 £ больше на частных предприятиях⁴⁶. В 1925 г. вышла версия танка Mk. II с усиленным бронированием, бортовыми экранами для защиты переработанной подвески, орудием OQF Mk. II, увеличенным наклоном верхней лобовой детали и новым люком механика-водителя⁴⁷. Возросшая до 13,2 т. масса привела к снижению скорости до 13 миль в час⁴⁸. К 1927 г. стоимость Medium Mk. II составляла 7 700 £⁴⁹. Интересна оценка, данная танку советскими специалистами. Несмотря на то, что танк был описан ими, как отлично сконструированный, с безотказным двигателем, удобными приборами наблюдения, надежной подвеской и удачным размещением экипажа, начальник УММ И. А. Халепский не считал Medium Mk. II интересным для РККА, характеризуя танк, как колониальный, и подчеркнув, что для этих целей он отлично подходит⁵⁰.

К середине 1920-х гг. в КТК, как и во всей армии, наметилась нехватка квалифицированного личного состава, вызванная сокращениями и нежеланием молодежи посвящать жизнь службе в вооруженных силах. Самым значимым был недостаток технических специалистов, очень востребованных в гражданском хозяйстве. Для обучения техников была создана военная школа в Чепстоу, способная выпускать до 220 человек в год⁵¹. Несмотря на нехватку персонала, как видно из переписки Уортингтона-Эванса с О. Чемберленом, главным критерием размера школы и числа обучающихся был вопрос экономии⁵². Что касается офицерского состава, особенно в танковых частях территориальной армии, то к 1926 г. его нехватка достигала 30%⁵³. Частично этот вопрос решался принятием в КТК офицеров из других родов войск. Например, к 1926 г. в его ряды было зачислено 234 пехотных офицера⁵⁴. На этом фоне из соображений экономии в 1925г. военный министр подписал распоряжение о закрытии учебного ремонтного

^z Королевский арсенал в Вулвиче (Royal Ordnance Factory) – распространенное в британской военной среде название для комплекса предприятий производивших военную технику и боеприпасы.

батальона КТК, что должно было сохранить казне до 50 000 £ в год. Личный состав батальона был переведен в другие рода войск или уволен в запас⁵⁵. Параллельно министр отложил разработку спецификации для танков, позволившей бы предприятиям с большей уверенностью и пониманием запросов военных конструировать боевые машины⁵⁶. В том же году из-за низкой загруженности на Королевском арсенале в Вулвиче, получившем за последние годы заказ всего лишь на 12 танков Medium Mk IA, произошли сокращения рабочих⁵⁷.

Не способствовали развитию танкостроения Великобритании и высказывания ряда ведущих политиков. Так, в 1926 г. будущий премьер-министр К. Эттли, выступая в Палате общин, сообщил, что считает поспешную механизацию опасной на том основании, что армия получит множество дорогих и устаревших танков, которые окажутся бесполезны против новых видов оружия, как это было с военными кораблями ранее⁵⁸. Того же мнения придерживался и бывший парламентский секретарь А. Гренвуд⁵⁹. В результате чего к 1926 г. в КТК, состоявшем из четырех танковых батальонов (включая танковую роту в долине Рейна), двух рот броневедомобилей в метрополии и одной в Египте⁶⁰, стояло на вооружении 319 танков, из которых 120 было машинами послевоенных проектов, а остальные 199 относились к экземплярам времен Великой войны, боеготовность которых была под вопросом⁶¹. С одной стороны, это было больше 208 танков, которые должны были находиться на вооружении КТК согласно штатного расписания, предусматривавшего наличие 52 машин в каждом из четырех батальонов⁶². С другой стороны, это демонстрирует острую нехватку новых танков в войсках.

Пожалуй, главным событием 1920-х гг. не только для танковых войск Великобритании, но и для военных всех стран, имевших на вооружении бронетехнику либо собиравшихся в перспективе воевать с такими странами, были масштабные военные учения 1927—1928 гг., в ходе которых англичане впервые в истории опробовали ряд интересных и новых решений. Но значимость этих маневров для КТК и тактики применения бронетехники представляется столь большой, что требует отдельного рассмотрения.

Кроме экспериментов в области применения танков 1928 г. выделялся маленькой, но важной для КТК победой в бюрократических баталиях — пересмотром ролей начальника управления по вооружению и генерал-квартирмейстера, чьи полномочия и зоны ответственности пересекались. Изменения назрели давно, и после споров и работы комитетов, длившихся с 1922 г⁶³., Уортингтон-Эванс запустил процесс переподчинения ряда армейских структур. С меморандумом о редактировании обязанностей двух служб военный министр обратился к военным и политикам еще в конце 1927 г., но критика сторонников имеющейся армейской структуры, прозвучавшая в прессе и на заседаниях кабинета⁶⁴, вынудил Уортингтона-Эванса отложить решение. Список изменений включал вопросы снабжения, производства техники и боеприпасов, реквизирование техники в случае войны и многое другое. Несмотря на обвинения министра на этот раз в нерешительности, неспособности вникнуть в ситуацию, затягивании сроков принятия решения и ошибках в ряде пунктов⁶⁵, КТК эта реформа принесла главное — определенность. Недостатком старой схемы распределения полномочий было деление военной техники по устройству движителя. Колесная техника, независимо от вооружения и бронирования, подчинялась генерал-квартирмейстеру, а гусеничные машины — начальнику управления по вооружению. Эта ситуация, сложившаяся еще в годы Первой мировой войны, создавала массу проблем КТК, имевшего машины обоих типов и полугусеничные автомобили, принадлежность которых была не ясна. Военным приходилось иметь дело с двумя структурами, функции которых были переплетены самым сильным образом, что вызывало массу путаницы, противоречий, волокиты и бумажной работы. Например, за заводской ремонт транспортных средств и боевых машин отвечал начальник управления по вооружению, а решение о необходимости ремонта принимала структура генерал-квартирмейстера. Доходило до абсурда: в полевых выходах части КТК сопровождалась двумя передвижными мастерскими, одна из которых представляла ведомство начальника управления по вооружению, а вторая — генерал-квартирмейстера⁶⁶. В новом варианте организации обязанности распределялись следующим образом: «В будущем начальник управления по

вооружению будет отвечать за все исследования, эксперименты, проектирование, инспекцию, обеспечение, хранение, выпуск и ремонт всех гусеничных, полугусеничных и колесных механических транспортных средств, за исключением техники Королевского технического армейского корпуса, по-прежнему находящийся в ведении генерал-квартирмейстера в соответствии с техническими условиями, утвержденными начальником управления по вооружению»⁶⁷.

Что касается завершающих 1920-е гг. лет, то можно с уверенностью сказать, что к 1928—1929 гг. в британской армии сформировалось устойчивое мнение о том, что КТК вооружен лучшими легкими и средним танками и самой передовой тактикой их применения в мире, о чем заявил Уортингтон-Эванс на последнем в роли военного министра ежегодном парламентском заседании, посвященном финансированию вооруженных сил. Он сообщил о большом прогрессе в области механизации армии, достигнутом за время его нахождения в должности, начиная с 1921 г., весьма позитивно описал состояние дел в КТК, упомянув, что: «В Королевском Танковом Корпусе современный танк заменил старые, времен войны, также мы провели эксперименты и исследования в столь больших масштабах и с таким успехом, что можем уверенно утверждать о превосходстве над всеми армиями мира не только в конструкции танков, но и в идеях их боевого применения»⁶⁸. С ним соглашались парламентарии, включая Д. Купера⁶⁹. Действительность была менее радужной. С 1925 по 1928 гг. в Великобритании было произведено 52 танка, за исключением экспериментальных⁷⁰, в результате чего в КТК ощущалась серьезная нехватка новых машин⁷¹. В приложении к меморандуму ИГШ, составленному в 1931 г., менее чем через два года после ухода Уортингтона-Эванса с поста военного министра сообщалось: «Фактически мы имеем на вооружении более 400 танков различных типов, но в основном это машины старого образца. В действительности современных танков достаточно только для оснащения двух батальонов. Остальные – либо экспериментальные, либо устаревшие»⁷².

Еще одним важным как для британских танковых войск, так и для всей армии событием 1920-х гг. стала разработка и внедрение концепции Воздушного

контроля, корни которой лежали в результатах Первой мировой войны, по которым Великобритания получила мандат на управление такими проблемными регионами как Палестина, Трансиордания и Ирак, «славившимися» межрелигиозной и межэтнической враждой, которые, в условиях сокращения вооруженных сил сулили множество проблем империи, что и было отражено в меморандуме ИГШ в 1920 г.⁷³. Кроме того, в 1920-х гг. в британском правительстве существовали опасения относительно возможных столкновений с Турцией в этом регионе⁷⁴.

События следующих лет показали, что страхи ИГШ относительно нестабильности Ближнего Востока обоснованны. В подмандатных территориях и соседнем Египте продолжали вспыхивать восстания и столкновения на религиозной и национальной почве, в подавлении которых приняли участие недавно сформированные 1-ая и 2-ая роты броневедомств, укомплектованные бойцами 4-го пехотного батальона и созданные и прошедшие обучение в Бовингтоне 3-ая и 4-ая броневедомственные роты. При этом, несмотря на то, что личный состав 1-ой и 2-ой рот часто действовал в привычном пешем порядке, броневедомства, по свидетельству очевидцев, заставляли местных жителей спешно покидать поле боя и места собраний⁷⁵. Броневедомство в качестве основной бронетехники был выбран не случайно. Решением ИГШ на Ближнем Востоке и в Ирландии эта техника была признана незаменимой при противостоянии мобильным легковооруженным подразделениям, состоящим из местных жителей. В случае же танка признавалась низкая ценность и проблемы в эксплуатации медленных и перегреваемых гусеничных машин, имеющих в наличии, а также при сокращении бюджета выражались опасения по поводу завершения тестирования новых танков, удовлетворяющих всем запросам и способных к действиям в любом уголке империи⁷⁶.

После подавления волнений, по рекомендации Фуллера, для улучшения работы броневедомственных подразделений в июне 1921 г. в Ирак был направлен подполковник Дж. М. Линдсей⁷⁷. Первым делом он занялся организацией надлежащего обслуживания техники, а также изучением особенностей местного ландшафта, климата и их воздействия на технику. Затем Линдсей приступил к

экспериментам по использованию бронетехники в условиях Ближнего Востока, высоко оцененным Лиддел Гартом⁷⁸. Основой исследований стал длительный выход в район Эр-Рамади, в ходе которого 16 военных транспортных средств и их экипажи находились в отрыве от баз почти три недели, все поставки совершались по воздуху, а связь осуществлялась по радио через штаб КВВС в Багдаде. За время выхода было пройдено более 600 миль⁷⁹. По результатам марша в сентябре 1922 г. был составлен доклад, в котором Линдсей отметил крайнюю важность мобильных бронированных войск для таких территорий, как Ирак, характеризующихся большими открытыми пространствами и малыми британскими гарнизонами, отдельно отметив, что: «Истинные механизированные войска должны объединить, насколько это возможно, полномочия и характеристики всех родов войск. Сегодня они должны состоять из: самолетов, бронеавтомобилей, танков, моторизованных пулеметных подразделений и артиллерии»⁸⁰.

Доклад Линдсея демонстрировал преимущество мобильных бронированных войск в деле контроля над Ближним Востоком. Но с ТК он сыграл злую шутку. Т. Э. Лоуренс, ознакомившись с документом, поддержал его, заявив: «Война показала мне, что сочетание бронеавтомобилей и самолета может править пустыней, но они должны находиться не под армейским контролем, работая без пехоты»⁸¹. С этой мыслью Лоуренс отправился к Х. Тренчарду, возглавлявшему КВВС, которые в начале 1920-х гг. боролись за самостоятельность, пытаясь любыми способами доказать свою ценность⁸². На этом фоне идея о контроле больших заморских территорий с помощью бронетехники и авиации пришлась кстати. Тренчард, в свою очередь, отправился с идеей, названной им «Воздушный контроль», к Черчиллю, недавно занявшему пост министра по делам колоний. Суть замысла была в контроле больших пустынных территорий с помощью авиации, производящей разведку, перевозку грузов и наносящей удары устрашения и возмездия по мятежным местным жителям и разбойникам. Но, несмотря на главную роль авиации, в командовании КВВС осознавали необходимость быстрых рейдов вглубь контролируемых территорий. И здесь использование бронетехники, как ядра небольших мобильных подразделений, оказалось весьма к месту⁸³.

Основание для продвижения Воздушного контроля было заложено. В предместьях Лондона КВВС, в традиционной для Тренчарда манере занимались рекламой своей эффективности, демонстрируя прессе и досужей публике прицельное бомбометание по макету арабской деревни⁸⁴. Военные и политики выступали в парламенте с заявлениями о необходимости наладить взаимодействие бронетехники и авиации, описывая их симбиоз, как наилучший и экономичный способ обеспечения безопасности на больших территориях. Черчилль, открыто говоривший, на конференции в Каире и выступлениях в парламенте, что главное для него в деле контроля над Ближним Востоком – экономия⁸⁵, призывал задуматься о таком варианте⁸⁶. Способствовало принятию концепции Воздушного контроля и то, вплоть до конца 1930-х гг. многие британские военные считали невозможным размещение в ряде регионов Ближнего Востока крупных британских формирований из-за нехватки воды⁸⁷. Кроме того, военный министр⁸⁸ и начальник ИГШ⁸⁹ заявляли, что в условиях сокращения войск, на котором настаивало правительство, парламент и Комитет по национальным расходам, они не могут гарантировать поддержание порядка во всех уголках империи и зонах ее ответственности. Имея же на руках доклад Линдсея, подкрепленный предложением Тренчарда, Черчилль в парламенте поддержал Воздушный контроль, как эффективный метод наведения порядка в колониях и подмандатных территориях⁹⁰, после чего КВВС затребовали в свое подчинение бронетехнику ТК, находившуюся на Ближнем Востоке. Опомнившееся командование ТК предложило передать им часть самолетного парка, а армейское начальство и вовсе включить КВВС в состав армии, оставив флоту морскую авиацию, заявив, что Воздушный контроль обречен на неудачу. В меморандуме было указано на невозможность контроля большого региона столь малыми силами и непригодность местности для быстрого передвижения бронетехники, бывшей ключевой частью продвигаемой Черчиллем идеи, потерю у племен страха перед бронеавтомобилем, отдаленность будущих гарнизонов, граничащую с изоляцией, и угрозу со стороны Турции, отразить которую КВВС не в силах⁹¹. Начальник ИГШ Г. Уилсон заявил: «Наши обязательства в Ираке, не существовавшие до войны, требуют совершенно нового

состава войск. Принятая правительством Его Величества на этой территории политика, является, по общему признанию, азартной игрой. Поскольку явно невозможно поддерживать большой регулярный военный гарнизон, для защиты от внешней агрессии или восстания, предлагается эксперимент защиты территорий с помощью войск, поддерживаемых ВВС. Его результаты остаются предметом догадки, а утверждения министерства авиации лишь словами без доказательств. <...> Военное министерство даже сейчас вынуждено согласиться на три батальона (включая индийский), находящиеся в Багдаде для защиты ВВС и правительства в абсолютном противоречии со всеми принципами, на которых основана схема контроля со стороны ВВС.»⁹². Аналогичным образом он высказался по поводу Палестины, добавив: «На этой территории правительство Его Величества привержено политике, являющейся отвратительной для 90% населения... В этих обстоятельства только наличие достаточного количества британских войск может сохранить порядок. В случае координированного нападения арабов... численность гарнизона будет недостаточной, и потребуются подкрепления»⁹³. В свою очередь главнокомандующий войсками в Ираке А. Холдейн отправил Уортингтону-Эвансу телеграмму, в которой рекомендовал ввиду турецкой угрозы сохранить гарнизон в Мосуле хотя бы в 1500 человек⁹⁴. Но позиции Тренчарда и Черчилля были сильнее, особенно с экономической точки зрения, и осенью 1922 г. подразделения ТК в Ираке передали бронетехнику соединениям КВВС, после чего отбыли в метрополию, где были расформированы⁹⁵.

Зерна Воздушного контроля упали на благодатную почву сокращения расходов. Именно урезание затрат стояло на повестке дня при обсуждении британских вооруженных сил почти весь межвоенный период. И экономия зачастую являлась ключевым показателем эффективности, о чем можно судить по ряду заседаний парламента, на которых Воздушный контроль преподносился как удачное решение, позволившее экономить огромные средства⁹⁶, а в 1927 г., выступая перед парламентом, С. Хор приводил воздушный контроль как одно из своих главных достижений⁹⁷. Уже в апреле 1923 г. в ИГШ говорили, что Воздушный контроль является самой приемлемой формой надзора за

территориями Ирака, отмечая завершение передачи бронетехники подразделениям КВВС, в результате чего в Ираке насчитывалось четыре роты броневедомств⁹⁸. В следующие несколько лет на территориях Ближнего Востока, подконтрольных КВВС, не наблюдалось существенных изменений в числе подразделений, вооруженных бронетехникой. Согласно докладу министра по делам колоний Л. Эмери, в 1923 – 1924 гг. в Ираке так же находилось четыре броневедомств, а в 1925 – 1926 гг. их количество было даже уменьшено до трех⁹⁹. В Трансиордании в 1924 г. присутствовала одна секция^{aa} броневедомств, а в Палестине всего один образец этой техники¹⁰⁰. В чрезвычайных ситуациях, таких как волнения в Палестине бронированные подразделения, перебрасывались из других регионов, возвращаясь после наведения порядка¹⁰¹. В 1928 г. к территориям, подконтрольным КВВС, добавился Протекторат Адена¹⁰². Покрыть потребность действующих там войск пытались за счет перераспределения броневедомств из Ирака, что привело к снижению количества бронетехники в этом регионе до семи секций в 1928 г. и шести к 1929 г.¹⁰³. Но вскоре стало ясно, что необходима закупка новой техники, и в 1930 г. КВВС были заказаны три броневедомства Vickers¹⁰⁴. Кроме того, бронированные подразделения КВВС приняли активное участие в подавлении волнений в Палестине в 1929 г., во время которых на отдельные броневедомства возлагалась миссия по охране британских граждан и государственных зданий¹⁰⁵. Таким образом, говоря о британской бронетехнике на Ближнем Востоке в 1920-х гг., следует понимать, что речь идет не только о подразделениях ТК, КТК, но и о войсках, подчиняющихся КВВС.

Между тем летом 1923 г. Линдсей получил должность главного инструктора центральной школы КТК и отбыл с Ближнего Востока в метрополию, где в дальнейшем был назначен инспектором КТК¹⁰⁶.

Иначе складывалась ситуация в Египте, имевшем первостепенное значение для Великобритании. Английское правительство откровенно не доверяло египтянам. Как писал один британский чиновник: «Все вооружение египетской

^{aa} Секция – минимальное тактическое подразделение в британских вооруженных силах, как правило эквивалентно отделению в вооруженных силах СССР/РФ.

армии находится в цитадели, а на ней сидит очень хороший британский батальон»¹⁰⁷. При этом Суэцкий канал являлся главной транспортной артерией империи, и британское руководство не могло позволить себе военных экспериментов в этом регионе, предпочитая проверенный метод — использование армейского гарнизона для поддержания порядка и охраны канала от внешних врагов и возможных действий народа и правительства Египта, о чем говорилось в документах ИГШ от 1923 г.¹⁰⁸. Таким образом, в Египте бронетехника оставалась в составе формирований КТК, что создало предпосылки для будущего появления там танков, не вписывавшихся в концепцию Воздушного контроля. Но, несмотря на значимость Египта, в нем на 1923 г. находилась всего одна рота бронеавтомобилей и ни одного танка¹⁰⁹. Та же картина наблюдалась и в 1925 г.¹¹⁰, о чем парламенту сообщил Уорингтон-Эванс, отметив, что изменений в составе войск не планируется¹¹¹. Информация министра была верна. В 1929 г. Великобритания по-прежнему официально имела в Египте одну бронеавтомобильную роту¹¹².

На этом фоне военный министр в меморандуме от 19 июля 1927 г. предложил продолжать придерживаться Десятилетнего правила, отметив, что танки, как большие и дорогие орудия войны, не нужны британской армии вследствие того, что их применение возможно и оправданно лишь в случае большого европейского конфликта, в то время как для обороны заморских территорий и поддержания порядка в колониях они не нужны¹¹³. Подобные заключения выглядели вполне логично и подтверждались действительностью. Например, в 1927 г. правительство Болдуина направило 12 пехотных батальонов в Шанхай для защиты британских интересов и подавления беспорядков, разделив солдат на небольшие группы для охраны многих объектов¹¹⁴. При использовании бронетехники вместо пехоты такие действия были невозможны или требовали огромного количества дорогой и избыточной по могуществу вооружения бронетехники. В этих условиях в парламенте говорили о том, что армии не нужны танки для защиты военно-морских баз, а деньги лучше перераспределить на нужды флота¹¹⁵. Более того в преддверии мирной конференции лейбористская партия обратилась к Его Величеству с просьбой подготовить политическую базу для подписания договора о сокращении

сухопутных войск. В этом обращении отдельно подчеркивалась колоссальная финансовая нагрузка, которую испытывает бюджет при реализации программы механизации армии, в то время как спокойная ситуация в Европе делает ее абсурдной, а также опасность увлечения ИГШ танками, могущая привести к разорительной гонке вооружений «сухопутных дредноутов» на фоне их бессмысленности ввиду запрета для Германии на бронетехнику и тяжелую артиллерию¹¹⁶. Все это демонстрировало уверенность политиков в ближайшем будущем, в котором «масло» будет важнее «пушек», а принятый в 1928 г. Пакт Бриана — Келлога, согласно которому 15 стран, включая Великобританию, отказывались от войны как инструмента национальной политики¹¹⁷, еще больше убедил руководство страны в невозможности скорой крупной войны. В меморандуме о внешней политике отдельно подчеркивалось, что у британского и немецкого правительств сложились хорошие и даже «сердечные» отношения, а Муссолини ставит вопросы торговли с другими странами выше территориальных претензий¹¹⁸.

Также не представляли угрозу Германия и СССР. СССР готовился к обороне. Это подтверждается тем, что в военно-аналитическом труде 1928 г. «Будущая война», созданном Разведывательным управлением Штаба РККА, наиболее вероятным и взятым за основу при подготовке вооруженных сил, признавался вариант, при котором западные державы в союзе с Польшей и Румынией и при нейтралитете Германии нападут на СССР¹¹⁹. Кроме того, 30 марта 1930 г. профессором Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе А. А. Свечиным на имя К. К. Ворошилова была направлена записка, озаглавленная «Будущая война и наши военные задачи», где в качестве «варианта №1» указывалось нападение Франции, Великобритании, Польши и Румынии на Украину, Донецкий бассейн, Северный Кавказ и Закавказье, сопровождаемое десантом в Крыму¹²⁰. Германия, в свою очередь, придерживалась военной политики, названной историком В. Дайстом впервые сформулированной немцами разумной стратегией¹²¹, согласно которой немецкие вооруженные силы и государство были не способны вести большую

войну, особенно при угрозе со стороны Польши и СССР, исходя из чего Германии следовало дистанцироваться от любых военных конфликтов¹²².

К концу 1920-х гг. в британском правительстве и командовании встал вопрос о перевооружении бронетехникой кавалерийских формирований, в том числе в Египте. Уорингтон-Эванс, выступая перед парламентом в 1928 г., сообщил: «Мы хотим укрепить кавалерию путем придания одного полка бронеавтомобилей одной кавалерийской бригаде и полагаем, что два кавалерийских полка обменяют лошадей на бронированные машины. Когда это будет сделано, кавалерийская дивизия будет состоять из двух кавалерийских бригад и двух полков бронеавтомобилей с их артиллерией»¹²³. Министр отметил, что «полки, которые будут перевооружены бронетехникой, сохранят нетронутыми свои титулы, привилегии, приоритет и идентичность как полки кавалерии... Мы считаем, что путем проведения этой политики мы сделали эффективнее использование современной техники, позволив кавалерии выполнять свою роль, для которой в некоторых странах она по-прежнему необходима»¹²⁴. В этом выступлении Уорингтон-Эванс отказался поделиться деталями перевооружения, сославшись на вопросы секретности. Но информация «утекла» к газетчикам¹²⁵, и 20 марта министр под давлением депутатов сообщил, что под «некоторыми странами» он имел в виду Египет, а формированием должен стать 12-й Уланский полк, уже получивший 11 старых бронеавтомобилей для вооружения одного эскадрона. Что же касалось дальнейшего перевооружения бронетехникой этого полка, то в силу экономических проблем полностью вооружить оставшиеся эскадроны планировалось в «последующие годы»¹²⁶. Совершая это признание, Уорингтон-Эванс заявил, что сожалеет о том, что информация попала в прессу раньше, чем дошла до самого подразделения в Египте¹²⁷, что демонстрирует неспешность в обмене информацией между войсками на Ближнем Востоке и командованием в Лондоне. 27 марта, отвечая на вопрос бригадного генерала К. Брауна, военный министр отказался делать какие-либо прогнозы относительно вооружения и будущего этого кавалерийского подразделения¹²⁸. В итоге перевооружение 12-го Уланского полка затянулось до начала Второй мировой войны¹²⁹.

В 1929 г. на Ближний Восток вернулся Дж. М. Линдсей. На этот раз местом его службы стал Египет, где, заручившись поддержкой командующего британскими войсками в Египте генерала П. Стрикленда, он приступил к объединению обеих бронеавтомобильных рот в общее формирование. Как и до этого в Ираке, Линдсей решил не дожидаться ответа из Лондона и, пользуясь удаленностью метрополии, начал создавать бронированное подразделение неофициально. Параллельно он пытался убедить чиновников военного министерства в необходимости создания танкового батальона в Египте и получить немного новых танков. В рапорте, направленном в Лондон, Линдсей писал: «От нынешнего состава подразделений до полноценного батальона новой структуры нас отделяет короткий шаг, мы уже имеем в распоряжении 16 средних танков и 10 Carden-Lloyd, требуется еще 8 средних и 11 легких танков, чтобы сформировать батальон»¹³⁰.

Кроме того, в процессе оснащения бронетехникой кавалерийских частей в Египте, не в последнюю очередь благодаря упомянутой неспешности и небрежности в обмене информацией между Лондоном и заморскими территориями, возник интересный прецедент. 11 старых бронеавтомобилей Rolls-Royce были переданы 12-у Уланскому полку из наличия 5-ой бронеавтомобильной роты КТК. По первоначальной задумке командования это подразделение переводилось из Шанхая в метрополию с неизбежной остановкой в Египте, где техника передавалась 12-у Уланскому полку, в то время как личный состав 5-ой бронеавтомобильной роты должен был проследовать на Британские острова, где рота подлежала расформированию¹³¹. Но Линдсей смог затянуть отбытие 5-ой роты, мотивируя это необходимостью передачи опыта обращения с техникой. В дальнейшем командованию удалось «выбить» несколько единиц относительно новой бронетехники, которой была вооружена 5-я рота, а на вопрос из Лондона о сроках прибытия на родину этого подразделения Линдсей отвечал о сложной ситуации в Египте, требующей присутствия всех сил, и пообещал отпустить 5-ю роту на расформирование как только сможет¹³². В результате на Ближнем Востоке у британцев появилась бронированное подразделение — «призрак», которое

местное командование старалось не упоминать в официальных документах. Даже в личной переписке с инспектором КТК К. Лейрдом от 5 июня 1931 г. Линдсей сообщал: «По-прежнему считаю нужным хранить в тайне существование 5-ой бронеавтомобильной роты»¹³³. Эта ситуация затянулась до 1932 г., когда опасность расформирования 5-ой роты исчезла.

Всего же к 1 июля 1930 г. в Египте находились следующие бронированные подразделения: две роты бронеавтомобилей в Каире¹³⁴ и по одной бронированной дрезине в Исмаилии и Александрии. Количество и боеспособность этих войск оценивалась британским командованием как достаточная и соответствующая сложившейся обстановке¹³⁵.

2.2 Британские учения и военные эксперименты с участием танковых войск в 1920-е гг.

Общепризнано, что застой в военном деле является залогом поражения в грядущей войне. Вследствие чего военные всех стран постоянно стремятся к совершенствованию не только вооружения, но и методов его применения. Основной пик подобных экспериментов приходится на годы, следующие за внедрением в обиход нового вида оружия, дающего невиданные до этого возможности солдатам и полководцам. Не были исключением и 1920-е гг., ставшие периодом активного освоения оружия, «подаренного» человечеству прошедшей войной. Наряду с военной авиацией и отравляющими веществами военные получили в свое распоряжение такое грозное оружие как танк. Будучи страной, впервые разработавшей и применившей эти боевые машины¹³⁶, Великобритания в лице военных и политиков не могла остаться в стороне от общемировой тенденции, выразившейся в поиске места для танка в структуре вооруженных сил и способов применения танковых войск в рамках военной политики государства. Главным мерилom эффективности этих усилий явились вооруженные конфликты 1930-х гг. и Вторая мировая война, ставшая звёздным часом танковых войск. Однако в мирное время теории военных проверялись в процессе учений, в ходе которых реализовывались организационные и технические решения, дававшие толчок дальнейшему развитию танковых войск и теории их применения.

Британские учения с применением бронетехники, пришедшиеся на послевоенное десятилетие, прежде всего интересны тем, что явились первыми подобными мероприятиями не только в Великобритании, но и в мире. Именно в ходе маневров 1920-х гг. была опробована новая техника, состав войск и методы их применения, о которых рассуждали военные теоретики. Более того, эти учения

впервые в истории подробно и быстро^{bb} описывались в военной и гражданской периодической печати во многом благодаря статьям Лиддел Гарта в *The Times* и *The Daily Telegraph*, наличие которых демонстрирует высокий интерес к этим событиям. Кроме того, британские танковые эксперименты 1920-х гг. интересны тем, что их итоги оказали решающее влияние на дальнейшее развитие английских танковых войск на весь оставшийся период, вплоть до Второй мировой войны.

Первое послевоенное пятилетие прошло для британских военных под лозунгом экономии. Крупных учений не проводилось. Причиной послужили не только неблагоприятная экономическая обстановка и направленность на подготовку армии к малым конфликтам вместо большой войны. Английским военным просто негде было проводить крупные маневры с использованием танков. После образования в 1921 г. Ирландского Свободного государства британские вооруженные силы лишились крупнейшего полигона, занимавшего 30 000 акров^{cc} и находившегося на территории созданного государства. Оставшийся полигон под Олдершотом был слишком мал. Военные жаловались, что артиллерия может, находясь на одном конце полигона, визуально наблюдать свои цели, расположенные в другом¹³⁷. Естественно, что в подобных условиях ни о какой отработке внезапных маневров и масштабных действий речи идти не могло.

Также при отказе от масштабных танковых маневров определенную роль сыграл фактор недовольства населения. Прохождение техники по фермерским полям, неизбежно сопровождавшее учения, вызывало недовольство фермеров. Этот факт неоднократно обсуждался в парламенте на протяжении 1920-х гг.¹³⁸ и привел к созданию комитетов землевладельцев, призванных вести переговоры с властями на данную тему¹³⁹. Не желая злоупотреблять терпением граждан, государство шло на удовлетворение требований по компенсации ущерба от действий техники¹⁴⁰. Доходило то того, что представители армии заявляли, что: «Они <землевладельцы> желают видеть танки вдоль сельских дорог, потому что тогда они могут потребовать компенсации и получить их в фантастическом

^{bb} Иногда статьи с описанием упражнений выходили на следующий день или даже в ходе учений.

^{cc} Около 12 000 гектар.

масштабе»¹⁴¹. Характерным примером нежелания властей вступать в конфликт с землевладельцами могут служить дивизионные учения 1924 г., проводившиеся в Алтоне, где хозяева и арендаторы пахотных земель выступили против применения танков. Власти отказались от использования техники, в результате чего боевые машины изображались повозками с деревянными щитами, обозначающими силуэт бронетехники¹⁴².

В результате военным приходилось довольствоваться малым. В 1922 г. учения были столь незначительны, что об их проведении даже не известили общественность, а в их ходе использовались устаревшие танки и тактика их применения¹⁴³. В 1923 г. ряды старой техники разбавили новыми танками Vickers Medium, но тактические приемы остались те же. Фуллер говорил об этих учениях: «Танки Vickers были использованы так же, как и старые Mk. V использовались в прошедшей войне»¹⁴⁴, добавляя, что ряд участников маневров 1922—23 гг. высказывали предположения о применении новых танков для фланговых ударов и рейдов по тылам противника. Однако это требовало создания экспериментальной бригады под руководством «волевого, честного и дальновидного человека», способного проверить эти предложения в реальности¹⁴⁵. В том же году Лиддел Гарт призвал создать «Экспериментальные силы» для проверки теории мобильной бронированной войны¹⁴⁶. Но для этого был нужен новый полигон.

После поисков и обсуждений в 1925 г. государство за 834 000 £ выкупило 32 400 акров земли под полигон на равнине Солсбери¹⁴⁷. Военные получили место для проведения масштабных учений, чем не преминули воспользоваться. В том же году в Великобритании прошли первые послевоенные крупные маневры с участием всех родов войск, обошедшиеся в 95 000 £. В них участвовали три кавалерийские бригады, четыре пехотные дивизии, артиллерия, территориальная пехотная бригада и два батальона КТК. Целью учений, названных газетчиками «Величайшими маневрами в Англии с 1913 года»¹⁴⁸, было испытание новых систем связи и отработка взаимодействия танков с другими родами войск¹⁴⁹.

После месяца подготовки «противоборствующим» силам, состоящим из трех пехотных дивизий и кавалерийской бригады под командованием генерала-лейтенанта Ф. Четвуда и пехотной дивизии и двух кавалерийских бригад под

командованием генерала-лейтенанта А. Дж. Годли, было придано^{dd} по танковому батальону из состава КТК. В ходе учений Годли, объединив танки с моторизованной пехотой и артиллерией, используя их в качестве маневренного соединения, обошел западный фланг обороны «противника» и нанес удар по его тылам¹⁵⁰, реализовав на практике появившийся годом ранее в новой версии полевого устава пункт, гласивший: «В силу своей мобильности танки иногда могут использоваться, особенно в связи с кавалерией, для широкого обхода вражеского фланга, против его резервов, флангов, позиций, расположенных в тылу или штабов»¹⁵¹. Фактически подобный маневр был применен впервые в британской армии. Несмотря на то, что артиллерия и пехота отстали от танков, и атака была признана неудачной, в официальном докладе, составленном по итогам учений, говорилось о пугающей медлительности прочих формирований на фоне войск Годли и о том, что неудача была вызвана не ошибочностью действий, а недостаточным развитием механизированных войск с технической точки зрения¹⁵².

Учения 1925 г., несмотря на краткость, стали важной вехой в развитии британских танковых войск, продемонстрировав не только возможность стремительных и решающих исход боя ударов танковых подразделений по жизненно важным точкам обороны, отличных от тактики применения танков в Первую мировую войну, но и выявили слабые места британской армии в виде неспособности войск старого типа успешно сотрудничать с новой техникой, не ограничивая ее возможности, ненадежности технической базы и неопределенности военных в том, какая бронетехника им необходима. По этому поводу начальник ИГШ Ф. Ламберт писал: «Когда конструкция наших танков будет улучшена, а численность увеличена, вероятно, их применение для подобных действий может стать общепринятой аксиомой»¹⁵³.

^{dd} Придание на усиление сил и средств — временное подчинение соединений, частей, подразделений командующим (командирам) объединений (соединений, частей) для увеличения их возможностей при решении оперативных (боевых) задач. [Военная энциклопедия. Т. 8. М.: Военное издательство, 2004. С. 202.]

В следующем 1926 г., выступая в парламенте по поводу прошедших учений, Уортингтон-Эванс отметил: «Один из наиболее важных уроков прошедших маневров был получен в результате использования механического транспорта. Для дальнейших решений по вопросам военного транспорта нам необходим ряд убедительных экспериментов... Вопрос не так прост, как кажется... На самом деле, будущее механизации полно трудностей, которые должны быть постепенно изучены и преодолены. Механизированные колонны оказались не только громоздки и трудно контролируемы, но и весьма уязвимы для атак с воздуха. Следовательно, степень, до которой полевую армию можно механизировать, остается под вопросом. Мы будем поэтапно продвигаться в решении этой проблемы. В первую очередь нами будет сформирована небольшая механизированная сила, состоящая из всех родов войск, в одном из наших больших учебных центров и предназначенная для экспериментальных целей... Я считаю, что мы уже опережаем все другие страны в вопросе механизации, а потому нет оснований для неэкономичной спешки»¹⁵⁴.

В том же году было подписано распоряжение о создании механизированных сил, предназначавшихся для отработки новых решений в вопросах тактики механизированных и бронированных войск, а также определения их оптимальной численности и состава¹⁵⁵. Сторонники механизации были в восторге от этой идеи. Лиддел Гарт сравнил это событие с формированием 1-ой стрелковой бригады в Шорклиффе^{ee156}. Но переписка начальника ИГШ Г. Милна, посвященная созданию экспериментальных сил, свидетельствует о том, что КТК не планировался в качестве ядра армии, как хотели апологеты бронированной войны. Более того, эксперимент предполагалось провести весьма скромными силами. Милн писал:

^{ee} В период французских революционных войн пехота Великобритании, традиционно рассчитывавшей на Флот, не могла составить достойную конкуренцию французской Армии. В качестве ответа на этот вызов британцами в Шорклиффе, находящемся в 20 милях от французского побережья был создан ряд укреплений, ставших базой для создания пехоты по системе, разработанной подполковником К. Маккензи. Солдат учили самостоятельности мышления, маневренному бою и инициативе. Большая их часть была грамотной, что было необычно для того времени. В эпоху, когда многие офицеры не получали никакой специальной подготовки, подобный подход был поистине революционным.

«Есть одна или две вещи, которые я хочу прояснить: Я не предлагаю, чтобы Танковый корпус поглотил армию, но поскольку лишь он, в настоящее время обладает обученным персоналом, мы должны пользоваться им для создания Экспериментальной группы. <...> Подразделение следует рассматривать, как эмбрион новой механизированной боевой силы. Оно должно быть очень мало, так как в этом году у нас очень мало транспортных средств»¹⁵⁷.

По мнению Г. Уинтона, важную роль в создании экспериментальных сил сыграло то, что британское руководство опасалось усиления активности СССР в Средней Азии и разрабатывало планы боевых действий при вторжении советских войск в Афганистан или Индию, подтвердив в 1927 г. решение подкомитета Морли^{ff158}. Действительно, британские военные анализировали этот сценарий, отмечая, что «пустынная местность отлично подходит для действий механизированных соединений, поддерживаемых с воздуха»¹⁵⁹, но, обращаясь к официальным документам, нельзя не отметить, что в 1927—1928 гг. британские военные не рассматривали СССР как серьезную военную угрозу. В материалах ИГШ по обороне империи за 1928 г. говорится: «Наиболее вероятно, что Россия еще много лет не сможет вести значительную войну за пределами СССР... Стоит опасаться советских интриг в Афганистане, разжигания враждебной деятельности среди пограничных племен Индии и подрывной пропаганды в Индии, а не вторжения русских войск на индийскую территорию»¹⁶⁰. В связи с чем вряд ли можно говорить о том, что «советский фактор» подтолкнул британцев к ускорению изучения бронированной войны в этот период.

Согласно первоначальному плану объединение, названное Экспериментальные Механизированные Силы (ЭМС), должно было состоять из 5-го танкового батальона КТК, двух рот бронеавтомобилей, специальной разведывательной роты, бригады полевой артиллерии, батареи легкой артиллерии на полугусеничных машинах, трех пехотных батальонов, инженерного

^{ff} Подкомитет названный по имени министра по делам Индии 1905-1910 гг. Дж. Морли, решение которого гласило, что «преднамеренное пересечение Амударьи либо вторжение русских войск в Герат, будет рассматриваться как повод к объявлению Великобританией войны России».

подразделения и подразделения связи. При этом броневые автомобили, танкетки, мотоциклы и колесный транспорт должны были подчиняться не КТК, а кавалерии. Это объяснялось тем, что главной задачей кавалерийских частей является разведка, для которой легкая техника подходит лучше всего. Возможность вооружить пехоту полугусеничными автомобилями ставилась под сомнение ввиду их дороговизны, в связи с чем пулеметные подразделения предлагалось перемещать на транспорте, временно предоставленном Королевским техническим армейским корпусом (Royal Army Service Corps)¹⁶¹. При этом создание экспериментальной группы пехоты, оснащенной большим количеством техники, представлялось делом «огромной сложности» из-за недостатка водителей среди пехотинцев (их требовалось не менее 102 человек на батальон)¹⁶². Лошадей, использование которых изначально планировалось, начальник управления штабной службы предложил вернуть в Армейскую службу кавалерийского обеспечения (Army Remount Service), как «совершенно неуместных в механизированном подразделении»¹⁶³. Дж. Линдсей выступил категорически против подчинения броневых автомобилей и транспортных средств кавалерии, настаивая на единоначалии в рамках КТК. В докладной записке он писал: «Опыт учит нас, что в начале любого дела необходимо сосредоточить все силы и средства в одних руках»¹⁶⁴. Там же Линдсей высказался против чрезмерного, по его мнению, количества пехоты в ЭМС, заявив, что один механизированный пехотный батальон, вооруженный 36 пулеметами, будет более полезен, чем три пеших, вооруженных 64 пулеметами¹⁶⁵. Начальник ИГШ поддержал Линдсея, и разведку доверили 3-у батальону КТК, придав ему броневые автомобили¹⁶⁶.

Из-за проблем с финансированием, обучением персонала, бюрократическими проволочками и посылком военного министра «не допускать неэкономной спешки» фактическая организация ЭМС началась в 1927 г. Важную роль в этом сыграла статья Лиддел Гарта «Армейская загадка – «Где Механизированные силы?». В ней капитан вопрошал: «Было ли решение [о создании экспериментальных сил] отменено, или формирование такой силы не более чем фигура речи? Парламент и общественность имеют право на ответы, которых будут ждать с некоторым беспокойством»¹⁶⁷.

Изначально на роль командующего ЭМС планировался Фуллер, которого военный министр характеризовал, как «талантливого офицера, проводящего специальные исследования в вопросах механизированной войны, чьи знания и методы руководства помогут дальнейшему развитию механизации»¹⁶⁸. Назначение ведущего танкового теоретика на эту должность вселяло надежду в сторонников механизации армии. Но сам Фуллер испытывал сложные чувства. В письме Лиддел Гарту он признавался: «Я не испытываю радости, поскольку это первый день творения, и я не в состоянии подражать Всемогущему»¹⁶⁹. Вероятно, давно не занимавшийся работой такого масштаба, Фуллер испытывал затруднения, отягощенные его скверным характером, проявившемся в письмах командованию с множеством требований, зачастую сводившихся к предоставлению ему персонала, способного взять на себя задачи, не связанные с теорией. Фуллер, ненавидевший рутину и бывший мизантропом-индивидуалистом¹⁷⁰, расценивал эти требования, как разумные и легко выполнимые, обвиняя руководство в несерьезном отношении к его роли как глубокого знатока бронетехники и недоведении до военного министра, бывшего «увлеченным сторонником модернизации», жалоб Фуллера¹⁷¹. Но даже Лиддел Гарт называл это «бурей в стакане воды»¹⁷². Усугубляла ситуацию сложная схема подчинения ЭМС, согласно которой пехотные, инженерные и артиллерийские формирования постоянно подчинялись своему командованию, кроме активной фазы маневров, в то время как Фуллер должен был отчитываться перед командующим 3-ей пехотной дивизии генералом Дж. Бернеттом-Стюартом, передававшим информацию начальнику штаба Южного командования генерал-лейтенанту А. Монтгомери-Массингберду, в свою очередь отправлявшего ее в военное министерство¹⁷³. Фуллер полагал, что эта схема была инициирована недоброжелателями и противниками бронетехники¹⁷⁴, но это было не так. Создавая ЭМС, командование лишь исходило из стандартных схем подчинения временного соединения, построенных по численному и географическому принципу, аналогичная схема использовалась в ходе учений бронированных войск в 1930-е гг. В результате ЭМС возглавил пехотный полковник Р. Дж. Коллинз, отличавшийся по свидетельству современников излишней осторожностью и не имевший опыта руководства танковыми подразделениями¹⁷⁵. Лиддел Гарт остался крайне недоволен

таким поворотом событий, обвинив военное министерство в отходе задач по «прорыву тумана войны, висевшего над областью механизации 8 лет»¹⁷⁶, но Коллинз остался на своем посту.

В финальном виде ЭМС были созданы в Тидворде и включали в себя: танковый батальон, вооруженный 49 танками Vickers Medium; соединение бронированных автомобилей; бригаду полевой артиллерии; батарею легкой артиллерии; подразделения инженерных войск и связи; пехотный батальон, состоящий из трех рот, включавших по три секции, вооруженные в общей сложности 36 пулеметами Vickers¹⁷⁷. Первые упражнения ЭМС не предполагали имитации боевых действий, а должны были продемонстрировать их маневренность командованию. 14 июля на глазах у представителей армии, ВВС и флота бронетехника и приданные войска совершили ряд перестроений и маневров, изюминкой которых стала переправа бронетехники через реку Эйвон, в ходе которой одна танкетка утонула. Комментирующий упражнения Лиддел Гарт посетовал на их демонстрационную направленность, не имеющую отношения к тактике¹⁷⁸.

Следующие упражнения ЭМС были посвящены отработке движения в колонне и связи в разное время суток. Разделенные на медленную (7 миль в час) и быструю (10 миль в час) группы, войска преодолели около 25 миль по пересеченной местности. Марш сопровождался «налетами» авиации, отражавшимися зенитными орудиями, пулеметами и винтовками¹⁷⁹. Несмотря на кажущуюся легкость упражнения, ЭМС столкнулись с техническими и организационными проблемами. Отметив затянувшийся переход и плохую, по его мнению, организацию, Лиддел Гарт в статье в *The Daily Telegraph* с долей удивления признал успехом то, что все машины прошли маршрут, несмотря на сложные погодные условия, и вновь усомнился в пользе маршей вместо тактических упражнений¹⁸⁰. Кульминацией учений 1927 г. явилось «противостояние» ЭМС и 3-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Дж. Т. Бернетта-Стюарта с приданной кавалерийской бригадой. Отечественные исследователь Е. Белаш утверждает, что ЭМС противостояли три пехотные дивизии¹⁸¹, но архивные материалы и свидетельства современников событий¹⁸² не подтверждают эту версию, указывая на одну — 3-ю пехотную дивизию, как условного противника мобильных сил. Целью ЭМС было

защитить возвышенность от наступающего с запада равнины Солсбери «противника». Мобильные силы продемонстрировали все преимущества активной обороны с использованием бронетехники в ходе длившихся менее двух суток учений. Буквально в первые часы «боя» группа бронеавтомобилей обошла «вражеские» передовые кавалерийские подразделения, захватив мосты и броды, что позволило отсечь кавалерию от основных сил наступающих, после чего пехота атакующих подверглась фланговой атаке с использованием танков и авиации¹⁸³. Ночью остатки 3-й пехотной дивизии попытались совершить пеший маневр, обойдя ЭМС с фланга, но утром были блокированы танками и пехотой, компенсировавшей малочисленность высокой маневренностью (благодаря грузовым автомобилям и транспортерам Dragon) и огневой мощью, после чего учения были прекращены¹⁸⁴.

В результате учений 1927 г. британские военные увидели, что относительно небольшое бронированное соединение с приданной мобильной и хорошо вооруженной пехотой при взаимодействии с ВВС способно если не разгромить, то заблокировать втрое превосходящие по численности войска традиционного типа.

Но это не привело к изменению армейской структуры. Естественно, что военные и политики не сделали скоропалительных выводов, основываясь на результатах единственных учений. Скорее ими была сделана ставка на постепенную и аккуратную модернизацию существующих родов войск. Уортингтон-Эванс, выступая 8 марта 1928 г. перед парламентом, заявил: «В прошлом году мы провели интересные эксперименты с механизированными силами... Целью была проверка возможностей бронированного подразделения, предназначенного для автономных действий, а также нахождение лучшего состава сил и развитие тактики их использования... Конечно, пока рано говорить о каких-либо положительных результатах... На данный момент мы должны поддерживать войска, о применении которых нам известно... У нас есть машины, могущие помочь кавалерии в прорыве вражеской обороны, повысив ее мобильность и огневую мощь... Мы хотим усилить кавалерию, добавив бронированный полк к кавалерийской бригаде, и полагаем, что два кавалерийских полка должны обменять лошадей на бронетехнику»¹⁸⁵. В этой же речи министр высказался за продолжение

экспериментов по применению бронетехники и продление существования ЭМС на 1928 г., не забыв, однако, про традиционную для себя осторожность, он сообщил членам парламента: «Считаю, что армия хочет прогресса, но я обязан быть осторожным, ибо крайне просто увлечься кажущейся легкостью, с которой механизированные средства ведут себя на параде в отсутствии противника»¹⁸⁶. Вторил министру и ряд военных. В статье «Механизация с точки зрения кавалерии» майор 18-го короля Эдуарда кавалерийского полка Э. Г. Юм призывал по итогам учений создавать механизированные разведывательные части на базе кавалерии¹⁸⁷.

Несмотря на положительные оценки военного министра действий ЭМС, ряд военных критиковал их за неповоротливость, избыточную номенклатуру техники и повышенное внимание, уделяемое логистике, при недостаточно инновационном подходе к тактике, ради отработки которой и создавались ЭМС. Лиддел Гарт писал: «Войска больше напоминали механический зверинец, неторопливо шествующий к ковчегу Ноя. Это выглядело скорее, как исполнение мечты фельдфебеля, чем воплощение видения будущего мобильной войны»¹⁸⁸. Военный теоретик ругал ЭМС и их командование за недостаточную мобильность на поле боя, чрезмерную боязнь вражеской пехоты, которую можно нивелировать дымом, быстрым маневром и авиацией, впрочем, признавая, что даже в таком виде ЭМС продемонстрировали решительное преимущество над войсками традиционного типа¹⁸⁹. А 9 ноября 1927 г. полковник Ч. Брод, занимавший в военном ведомстве должность помощника министра по служебным обязанностям, выступил в Королевском Объединенном институте оборонных исследований с лекцией «Механизированное подразделение», посвященной ЭМС. Он указывал на проблемы механизированных войск: плохое качество радиосвязи, поломки техники, организация марша и логистика. Признавая превосходство ЭМС над войсками традиционного типа, он настаивал на бронировании всей техники в подобных формированиях, а также исключении из них пехоты¹⁹⁰.

В 1928 г. ЭМС были упразднены, как выполнившие задачу, о чем военный министр сообщил парламенту, заявив, что «подразделения ЭМС, принявшие участие в учениях прошлого года на равнине Солсбери, будут расформированы.

Эти войска достигли своей цели. Накопленный ценный опыт дает нам возможность расширить эксперимент, для чего будут сформированы две новые группы механизированных частей»¹⁹¹.

Новое объединение получило название Экспериментальные Бронированные Силы (ЭБС). Отчасти это было сделано, чтобы подчеркнуть направление экспериментов, основой которых было применение бронетехники. В состав ЭБС входили: разведывательная группа из самолетов-разведчиков и бронеавтомобилей; легкая группа, включавшая легкие танки и легкие самоходные артиллерийские установки; пехотные силы, представлявшие пехотный батальон на транспортерах, усиленный артиллерией и авиацией для защиты и поддержки с воздуха; инженерное подразделение. Костяк ЭБС составляли подразделения средних и легких танков и отряд самоходной полевой артиллерии¹⁹². Новый учебный год начался для ЭБС с серии показательных выступлений, проведенных в разное время для делегаций Афганистана и Индии, учащихся Колледжа личного состава, а также членов британского парламента¹⁹³. Данные упражнения не ставили целью отработку новых тактических приемов, а носили пропагандистский, агитационный либо образовательный характер в зависимости от категории зрителей.

В ходе основных маневров 1928 г. ЭБС предстояло вновь столкнуться с 3-ей пехотной дивизией, но в этот раз пехота «противника» была усилена не только кавалерией и противотанковыми орудиями, но также ротой танков, ротой бронеавтомобилей и подразделением средних самоходных орудий, что позволило смоделировать столкновение экспериментальных сил с современными войсками, подобными имевшимся у промышленно развитых страны. Войскам предстояло имитировать встречный бой. В отличие от предыдущего года, «противники» ничего не знали о расположении войск друг друга. ЭБС была придана 2-я Кавалерийская бригада, с которой были объединены легкие танки и часть бронеавтомобилей. Получившееся формирование предназначалось для глубокой разведки.

Первыми счет открыли войска Бернетта-Стюарта, когда их бронеавтомобили обнаружили и «уничтожили» на земле самолеты ЭБС. ЭБС лишились воздушной разведки и поддержки, что, однако, не помешало им совершить ряд эффективных ударов по флангам и коммуникациям 3-ей пехотной дивизии, оперативно форсировав водные

преграды. Формирования Бернетта-Стюарта, обладавшие меньшим количеством техники, но имевшие превосходство в численности, перешли к активной обороне с использованием танконедоступной местности. Попытки ЭБС совершить фланговые и тыловые удары были пресечены фланговыми ударами, нанесенными танками и кавалерией оборонявшихся¹⁹⁴. Результатом стала патовая ситуация, когда ни одна из сторон не могла одержать победу. Причиной стало не только изменение состава войск, противостоящих ЭБС, и использование условным противником особенностей местности при обороне, но и излишняя громоздкость ЭБС, перенасыщенных образцами техники и вооружения. Маневры 1928 г. показали огромную разницу между противником, вооруженным и действующим по штату Первой мировой войны, противостоящим ЭМС в прошлом году, и войсками нового типа, использующими все преимущества современной военной теории. По мнению Лиддел Гарта, причиной неудач ЭБС стало недостаточное внимание командования к танковой составляющей и слабая реализация преимуществ маневренной бронетехники в бою, сделавшие приставку к названию «бронированные» декларацией о намерениях, за которой скрывалось отсутствие коренных изменений в тактике¹⁹⁵. Также в ходе маневров ЭБС, сопряженных с более активным передвижением техники и ее увеличенной номенклатурой, военным стало ясно, что ахиллесовой пятой мобильных формирований все еще является недостаточная надежность танков и автомобилей и большая утомляемость экипажей по сравнению с кавалерией. Кроме того, наблюдателями отмечалась плохая связь и, как следствие, слабая управляемость бронированных групп и сильная, по сравнению с кавалерией, зависимость от дорог, результатом чего стали длинные походные колонны и заторы на марше, делавшие войска крайне уязвимыми для атак с воздуха и сводившие на нет преимущества высокой мобильности¹⁹⁶. Все это дало козыри в руки сторонников традиционной армейской структуры и «кавалерийскому лобби».

Что касается командования, то при оценке учений 1928 г. Бернетт-Стюарт заметил, что они были направлены не на выявление сильных сторон бронированных войск, а на поиск их слабых мест и пределов возможностей, что по мнению Монтгомери-Массингберда было логично, так как вероятность, что в крупном конфликте британцы столкнутся с противником, не имеющим подобных

войск, стремится к нулю, следовательно, необходимо знать их уязвимые места¹⁹⁷. При этом Бернетт-Стюарт считал, что ЭБС не избавились от проблем прошлого года, выразившихся в отсутствии надежного, маневренного и хорошо спроектированного легкого танка, а также чрезмерной номенклатуры техники, ставшей следствием ее дефицита в британской армии, ведущей к проблемам с координацией маневра (ввиду разных ГТХ), ремонта и обслуживания¹⁹⁸. Он полагал, что механизированным формированиям необходимо наличие других родов войск, в основном большего количества моторизированной пехоты для захвата и удержания позиций, так как ЭБС способны лишь уничтожать цели¹⁹⁹. Бернетт-Стюарт предложил свою версию состава ЭБС: формирование дальней разведки, включающее эскадрилью КВВС, броневые автомобили, группу легких танков и легкой самоходной артиллерии и основную группу, состоящую из эскадрильи истребителей, средней артиллерии, понтонного отряда, инженерной роты, пехотного батальона, перемещающегося на бронетехнике, батальона средних танков и других подразделений в зависимости от обстоятельств, а также группы технического обслуживания²⁰⁰.

В ответ на этот рапорт командующий Южным командованием метрополии Монтгомери-Массингберд, признавая большой потенциал фланговых ударов бронированных войск, продемонстрированных в ходе учений, утверждал, что маневры 1928 г. показали потенциал традиционных родов войск, таких как пехота и кавалерия, могущих с успехом противостоять механизированным соединениям при насыщении первых бронетехникой и противотанковым вооружением. Он заявлял, что в случае крупной войны минимум первые полгода основными британскими войсками будут пехота и кавалерия и рекомендовал вооружать их бронетехникой²⁰¹.

Действиям экспериментальных сил 1927—1928 гг. современниками были даны противоречивые оценки. Как отмечалось, Уоррингтон-Эванс лестно отзывался о них. Другие члены парламента, такие как опытный военный и политик А. А. Батерст, заявляли, что учения продемонстрировали лишь состоятельность бронетехники против слабого противника на идеально подходящей местности,

иначе танки превращаются в дорогостоящие мишени, из чего следует, что их лучше использовать как драгун времён Наполеона²⁰². Лиддел Гарт же критиковал ЭМС и ЭБС их за чрезмерную увлеченность собственной безопасностью, причиной чего было буквальное следование букве устава, гласившего: «Каждый командир постоянно несет ответственность за безопасность войск. Это в равной степени относится и к генерал-майору, и к ефрейтору»²⁰³, — добавляя, что осторожность Коллинза доходила до такой степени, что офицеры КТК его называли «банкиром» за неформальный девиз: «Никакого продвижения без безопасности»^{gg204}, — и писал: «Сомнительно, пытались ли они сделать что-либо, что не могли бы сделать обычные войска в сложившейся ситуации»²⁰⁵. Говоря же о составе бронированных сил, Лиддел Гарт предположил, что, хотя эксперименты 1927—1928 гг. обеспечили полезный опыт вождения и обслуживания техники, они продемонстрировали, что бронированные и небронированные транспортные средства не могут работать вместе. Он считал, что будущие бронированные войска должны состоять в основном из легких танков, таких как новый Carden Loyd, с долей «орудийных танков» для огневой поддержки и, возможно, шестиколесных бронеавтомобилей. Лиддел Гарт полагал, что «настоящая бронированная сила» сможет избежать препятствий, требующих активного применения пехоты, и был против включения в нее пехотного батальона или специального пулеметного подразделения, как в концепции Линдсея. Самым большим, на что он был готов пойти, было включение в бронированную бригаду «сухопутных морских пехотинцев» численностью около роты²⁰⁶.

В переписке с Уортингтоном-Эвансом начальник ИГШ утверждал, что ЭБС помогли определить вероятный состав танковой бригады, но ввиду необходимости определения доли легких и средних танков, установления влияния радиосвязи на тактику их применения и понимания, должна ли пехота иметь собственные танки или нужны отдельные танковые бригады, он предлагал временно распустить ЭБС, проведя изыскания силами трех пехотных и одного легкотанкового батальона²⁰⁷.

^{gg} Шутка, основанная на игре слов. «No advance without security» также можно перевести, как «Никакого аванса без гарантий».

Военный министр согласился с Милном, попутно выразив опасения относительно чрезмерных расходов на ЭБС²⁰⁸.

Результаты маневров второй половины 1920-х гг. были обсуждены на конференции вооруженных сил, прошедшей в январе 1929 г., в ходе которой Коллинз утверждал, что протестированные мобильные войска не могут заменить кавалерию. Генерал отметил проблемы со снабжением ГСМ и запчастями, отличающие танковые войска от кавалерии, добавив в конце выступления: «Повторю вновь. Танковые силы крайне чувствительны к состоянию поля боя. Чем больше вы будете иметь дело с ними, тем яснее это станет»²⁰⁹. Выступавший с завершающей речью представитель ИГШ генерал-майор С. Бонэм-Картер частично ответил на эти замечания, сообщив, что доработанные модели бронетехники будут более надежны, и заявил, что по результатам маневров ИГШ принято решение о необходимости большего числа легких танков, как универсальных машин, отличающихся высокой проходимостью и низкой стоимостью, добавив, что учения показали необходимость уменьшения размера бронированных подразделений и большего единообразия техники. Мотопехота признавалась ценной, но не должна была становиться постоянной составляющей танковых соединений²¹⁰. Эти действия, по мнению британских военных, должны были повысить управляемость и мобильность бронированных войск. Представители КТК на конференции отсутствовали...

Что касается зарубежных оценок, то советские военные считали, что действия экспериментальных сил доказали несостоятельность универсального броневого отряда, сформированного из всех родов войск, неуместного как в разведке (в силу нагромождения ненужных частей), так и в наступлении (в силу недостаточной огневой мощи). Основным выводом из британских экспериментов была необходимость перехода от смешанных отрядов к подразделениям из однотипных машин, что позволило бы лучше управлять этими войсками в условиях боя²¹¹.

Учения 1920-х гг., в том числе ЭМС и ЭБС, привели к неоднозначным последствиям для британских танковых войск. С одной стороны, маневры 1925 и 1927 гг. продемонстрировали подавляющее преимущество бронированных и механизированных войск над традиционной армией, что привело к пересмотру роли кавалерии. В 1927 г. начальник ИГШ заявил о необходимости отказа от традиционного оружия всадника —

пики²¹², отправив в небытие лихие кавалерийские атаки, оставшиеся согласно уставу 1924 г. одним из основных способов наступательных действий конных частей²¹³. В печати заговорили о «вымирании кавалерии» или перевооружении этого рода войск²¹⁴. С другой стороны, не слишком успешные действия ЭБС против войск, усиленных танками и артиллерией, в 1928 г. позволили ряду военных и политиков выбрать в качестве способа реформирования вооруженных сил не создание большого количества отдельных танковых и мотопехотных формирований, предназначенных для маневренного боя и глубоких рейдов вглубь обороны противника, а постепенную реорганизацию существующих родов войск путем усиления бронетехникой. Естественно, что основным объектом такого перевооружения явилась кавалерия, в которых лошадей должны были заменить легкие танки и бронемшины. Одним из главных аргументов в пользу этого явилась предрасположенность личного состава этого рода войск к наступательным действиям. Примером могут служить выводы комиссии по реорганизации и перевооружению кавалерии при КОИ от 1928 г., указывавшие на важность «кавалерийского духа» в механизированных и танковых частях и то, что: «Танкетки или легкие танки, определенно, могут заменить лошадь для достижения многих целей на некоторых театрах военных действий, и, возможно, в конечном итоге будут предпочтительней для большинства целей»²¹⁵. В этом же документе упоминается, что генерал А. Годли, возглавлявший Южное командование, утверждал, что легкая бронетехника должна придерживаться кавалерийской тактики, что является предпосылкой к перевооружению кавалерии легкими танками и бронемашинами.

В результате подобного подхода, а также под давлением канцлера казначейства У. Черчилля, бывшего не только «крестным отцом танка», но и кавалеристом, ряд подразделений начали менять лошадей на танки. Но попытка реорганизации кавалерии таким образом привела к замедлению внедрения танка в краткосрочной перспективе. Озвученное военным министром в 1928 г. решение буксовало, и только после заявления Черчилля, что в случае отказа кавалерии перевооружаться ее место займет КТК, 11-й Гусарский и 12-й Уланский полки начали перевооружение. При этом, если 11-й Гусарский полк выполнил его в срок,

то 12-й Уланский затянул процесс на годы²¹⁶. Затем к перевооружению приступили восемь йоменских полков: 19-й Лиотанский пограничный-кавалерийский, 20-й Форфарский, 21-й Королевский Глостерширский гусарский, 22-й Вестмистерский драгунский, 23-й снайперский, 24-й Дербиширский, 25-й Нортгемптонширский и 26-й Йоркский²¹⁷. Подобные действия были явно недостаточны для усиления и модернизации армии. Более того, перевооружение кавалерийских полков территориальной армии привело к резкому падению их боеспособности, вызванному снабжением и обучением по остаточному принципу²¹⁸.

Подводя итоги военным экспериментам с использованием танков, Уортингтон-Эванс, выступая перед парламентом в ходе последнего в 1920-х гг. заседания по вопросам состояния вооруженных сил, сообщил, что, исходя из результатов учений, было принято решение о создании на базе кавалерийских частей бронированных формирований, должных заменить независимо действующую кавалерию прошлого. Для этого, со слов министра, было необходимо создать быстрые легкие танки, а пока перевооружать кавалерию имеющейся техникой. В ходе того же заседания большинством была признана важность проведения новых учений с применением бронетехники, и, хотя скептики указывали на небольшую их ценность в силу того, что военные изучили полигон на равнине Солсбери, и несоответствие местности южного побережья Британии требованиям будущих и текущих действий в колониях, было решено продолжить изыскания в области применения танков²¹⁹.

Естественно, что результаты танковых маневров 1920-х гг. нашли своё отражение в уставах британской армии. Если в полевом уставе 1924 г. танк рассматривался как машина, не уязвимая для ружейного и пулеметного огня, способная преодолевать окопы и проволочные заграждения, чем следовало пользоваться для прорыва обороны противника путем создания коридоров для пехоты²²⁰, то в уставе 1930 г. говорится о танке уже не как о таране для пехоты, а рекомендуется пехотным подразделениям прикрывать огнем действия танков при обходных маневрах²²¹. Там же упоминается о возможности включения в кавалерийские подразделения легкой бронетехники²²². Впрочем кавалерии еще

уделялось больше внимания, чем танкам. В 1-ом томе устава 1930 г. «Организация и управление» танк упомянут 16 раз, бронемашина 4 раза, а кавалерия и лошадь фигурируют в тексте 42 и 45 раз.

Кроме того, сравнивая 2-й том полевого устава британской армии, озаглавленный «Боевые действия» 1924 г. и аналогичный том от 1929 г., можно заметить изменения, внесенные в том числе и на основании анализа учений. Устав 1924 г. гласит: «Действия танковых частей эффективны только в сочетании с другими войсками, и все их усилия должны быть направлены на оказание помощи пехоте для обеспечения решающего успеха»²²³, — а в разделе, посвященном бронетехнике, пишется: «Одна из главных ролей танков — облегчение продвижения пехоты, когда та не может продолжать наступление из-за огня противника»²²⁴. Устав же 1929 г. сообщает: «Танки являются наступательным оружием, оказывающим большое моральное воздействие, и способны действовать самостоятельно или в сотрудничестве с другими родами войск, могущих поддержать своим огнем. Широкий радиус действия танков, ограниченный запасом топлива и выносливостью экипажей, дает возможность нанести удар не только по боевым порядкам противника, но и по его штабам и тылам»²²⁵. Упоминание выносливости экипажей несомненно стало итогом учений 1928 г., в ходе которых совершались рекордные передвижения техники, выявившие это слабое место бронированных войск. Больше внимание в уставе 1929 г. уделяется ночным и внезапным операциям с применением танков. Но, несмотря на внесенные изменения, «непрямые действия» оставались второстепенным способом применения танков, главным предназначением которых по-прежнему была прямая атака, о чем можно судить по разделу устава 1929 г. «Танковая атака», где после перечисления обязанностей танков, в которые входила поддержка пехоты, подавление орудий и пулеметов противника и проделывание проходов в противопехотных заграждениях, кратко сообщается: «Помимо прямого нападения танки могут использоваться для широкого охвата и действий против флангов противника, его резервов, огневых позиций или штабов»²²⁶.

Важным изменением в уставах стало смещение акцента в балансе сил на поле боя. В 1920 и 1924 гг. танк признавался важной частью британской армии, но его роль была вторичной и заключалась исключительно в поддержке пехоты, при этом создатели устава настаивали, что: «Пехота — это род войск, который в итоге выигрывает битвы. Сотрудничество с другими родами войск необходимо, но по отдельности или вместе они не могут победить врага без пехоты»²²⁷. В уставе же 1929 г. говорилось: «Победа обеспечивается грамотным взаимодействием различных родов войск, позволяющим пехоте закрепить полученный результат... В этом пехоте помогают артиллерия и, в некоторых случаях, танки. Без мобильных подразделений и авиации другие рода войск не могут безопасно перемещаться и добиваться победы, а кавалерия становится крайне уязвима без поддержки артиллерии и бронетехники»²²⁸. Эти изменения крайне выгодно смотрятся на фоне военных наставлений конца 1920-х г., самой насыщенной танками французской армии, сообщавших: «применение танков не влечет изменения в тактике пехоты»²²⁹.

В первое межвоенное десятилетие, несмотря на изначально неблагоприятные условия, сложившиеся для вооруженных сил и особенно для сухопутных войск и КТК как их части, британские бронированные войска смогли, в отличие от аналогичных формирований ряда промышленно развитых стран, получить организационную самостоятельность. Более того, британскими инженерами были разработаны новейшие – передовые модели бронетехники, которые не только поступили в войска, но и привлекли внимание других государств, став основой их танковых войск.

Важнейшими событиями для британских танковых войск межвоенного периода стали учения с использованием бронетехники, прошедшие во второй половине 1920-х гг., особенно с участием ЭМС и ЭБС. Эти маневры внесли огромный вклад не только в развитие английской военной теории, но и вызвали

пристальное внимание военных других стран, оказав сильное влияние на развитие их сухопутных войск. Говоря же о британской армии, следует признать, что несмотря на разочарование Лиддел Гарта, писавшего об итогах танковых экспериментов 1920-х гг.: «Те, кто имел видение будущего танковой войны, торжествовали на гребне волны. Но волна разбилась, и они были брошены на скалах, где и остались на камнях в скорби и разочаровании»²³⁰, — исследования, особенно с участием ЭМС и ЭБС, позволили англичанам впервые в мире накопить и проанализировать массу информации по использованию танков, выведя их вооруженные силы в лидеры в этом вопросе, что подтверждается мнением Тухачевского: «Впереди империалистических армий по использованию броневых соединений идут англичане»²³¹.

Одним из основных итогов танковых экспериментов 1920-х гг. для британской армии стала ставка командования не на создание отдельных танковых соединений, являвшихся ядром армии, а на постепенную интеграцию танков в армейскую структуру на основе имеющихся формирований. Следствием этого решения стало разделение модельного ряда британских танков 1930-х гг. на кавалерийские и пехотные, призванные действовать в рядах одноимённых родов войск, подстраиваясь под их тактику. Вызвано это было прежде всего оценкой действий ЭБС, а именно отсутствием видимого для большинства армейского командования преимущества механизированных войск нового типа перед армией, оснащенной тем же вооружением. Результаты этого решения во многом определили облик и тактику британских бронетанковых войск 1930-х гг.

Еще одним ключевым для британских танковых войск межвоенного периода событием стало принятие и внедрение концепции Воздушного контроля. Положительное, на первый взгляд, для развития бронированных войск и теории мобильной бронированной войны действие британского правительства в долгосрочной перспективе привело к отвлечению и без того скудных материальных, финансовых и людских ресурсов от танковых войск, в свою очередь породившему жесткую конкуренцию между армией, включавшей КТК и КВВС. Подобное соперничество в условиях крайне ограниченного финансирования

привело к почти полному отсутствию взаимодействия между двумя ключевыми элементами мобильной бронированной войны: авиацией и бронетехникой, комбинация которых столь блестяще использовалась Вермахтом в первой половине Второй мировой войны. Другим последствием Воздушного контроля стало еще большее усиление роли легкой бронетехники в глазах британского военного и политического руководства.

Таким образом, под воздействием финансовой строгости, Воздушного контроля и результатов маневров 1927—1928 гг., повлекших за собой решение о перевооружении кавалерии легкой бронетехникой, в английской армии 1920-х гг. сформировался запрос на преимущественно легкие танки и бронеавтомобили, способные заменить кавалерию, либо действовать совместно с ней. В условиях, для которых они предназначались, высокая скорость, большая численность и относительно малый расход горючего были важны для британских бронированных машин, а тонкая броня и слабое вооружение не являлись недостатком. Более того, большее бронирование или более мощное вооружение были избыточны и даже вредны, так как вызывали увеличение веса и расхода горючего, снижая возимый боекомплект (могущество которого было излишним в боях с лёгкой пехотой и кавалерией), надежность подвески и проходимость. Более мощные танки порой просто не подходили для условий колоний, о чем говорили военные²³². Кроме того, бронеавтомобили, построенные на коммерческом шасси, отличались относительно низкой стоимостью производства и эксплуатации и полностью отвечали требованиям военных, предъявляемым к бронетехнике, часто выполняющей полицейские функции. С другой стороны, быстрые и массово производимые легкие танки, танкетки и бронемашины вписывались в «кавалерийскую концепцию» использования этих видов техники, что не требовало серьезного изменения тактики и импонировало некоторым заслуженным генералам, занимавшим, по свидетельству современников²³³, высшие армейские посты в 1920—1930-е гг. При этом подобные машины устраивали и многих сторонников танков, так как все же вытесняли лошадей, позволяя вести дискуссии не о необходимости бронемашин как таковых, а о способах их применения, а также вписывались в концепцию

маневренной войны, требовавшей быстрых и многочисленных боевых машин. Наконец, относительно малая стоимость как производства, так и обслуживания легких танков давала возможность иметь их в большом количестве, что позволяло частично ответить на задаваемый рядом политиков и военных вопрос, который озвучил в 1929 г. финансовый секретарь военного министерства Дафф Купер: «Один танк, может, и стоит 100 человек, но как вы можете отправить его более чем в одно место одновременно?»²³⁴, избегая непомерной нагрузки на бюджет государства.

Глава 3. Развитие танковых войск Великобритании в 1930-е гг.

3.1 Британские танковые войска в 1930—1934 гг.

Первое послевоенное десятилетие, несмотря на ряд кризисов, закончилось для британских бронированных войск достаточно хорошо. Они не только сохранили независимость, прочно заняв место в рядах вооруженных сил, получив некоторое количество новых танков, но и первыми в мире провели ряд инновационных военных экспериментов, заложивших основу для будущих достижений и побед. Британская военная политика учитывала танковые войска, как один из ключевых компонентов. Однако в итогах 1920-х гг. крылись зерна будущих проблем, а первая половина нового десятилетия готовила КТК очередные вызовы и испытания. Британским танковым войскам предстояло дальнейшее «испытание миром», грозящее на фоне глобального финансового кризиса не только стагнацией, но и полной потерей всех достижений с деградацией КТК. От 1930—1934-гг. зависело то, с каким «багажом» британские танковые войска вступят в период перевооружения, и именно в это время был заложен «фундамент», на котором будут строиться британские бронированные формирования, встретившие новую мировую войну.

Начало 1930-х гг. знаменует важный момент в межвоенной истории британской армии. До этого армия и танковые войска, как ее часть существовали в среде, по словам М. Говарда, «в лучшем случае безразличной, в худшем враждебной, но по крайней мере стабильной»¹. Но к 1931 г. страна погрузилась в пучину финансового кризиса, повлекшего за собой кризис политический,

вызвавший резкий спад экономики, крах правительства Р. Макдональда 1929—1931 гг. и образование коалиционного «Национального правительства» с консервативным большинством, что привело к изгнанию Макдональда из Лейбористской партии². Новое правительство встало перед неизбежным вопросом жесткой экономии. В сентябре 1931 г. даже обсуждался вопрос отмены всех пособий по безработице³. На этом фоне росли протестные настроения, вызванные резким падением уровня жизни, проявлением которых стали даже не волнения в Глазго, Манчестере, Ливерпуле и иных городах, а забастовка 12 000 военных моряков, вызванная сокращением жалования⁴, продемонстрировавшая, что серьезная экономия на денежном довольствии военнослужащих неприемлема. Логичней смотрелась экономия на развитии армии и «заморозка» ее частей, наименее необходимых в краткосрочной перспективе. Подобный подход казался приемлемым. Даже такой «ястреб» как Черчилль не верил в скорую большую войну, говоря, что следует соблюдать мир, «не торгуясь по поводу пушек, танков, самолетов и подводных лодок, меряясь мечами друг с другом»⁵.

Естественно, одними из наименее важных, в соответствии с предъявляемыми к армии требованиями, многие политики считали именно танковые войска. Результатом экономии на них стало сокращение ассигнований на гусеничную бронетехнику более чем на 15 % с 357 000 £ в 1931 г. до 301 000 £ в 1932 г⁶ и резкое снижение расходов на боеприпасы и запасные части, приведшее к тому, что для проведения тренировок танкистам приходилось пользоваться запасами, предназначенными для военного времени⁷. Эти и ряд других действий экономического порядка, крайне болезненных для и без того ограниченно финансируемого КТК, привели к замедлению его развития. Ч. Моват, описывая годы финансовой строгости в начале 1930-х гг., называл этот период «одним длинным диминуэндо^{hh}», добавляя, что «настроение начала тридцатых годов не было героическим»⁸.

^{hh} Диминуэндо (итал. *diminuendo*; также *decrescendo* «декрещэндо») — музыкальный термин, обозначающий постепенное уменьшение силы звука.

На фоне экономии на танковых войсках британское правительство вполне благосклонно относилось к увеличению английского военного контингента в колониях и подмандатных территориях. Так в ходе заседания КОИ, состоявшегося 29 июля 1930 г., выражалась надежда на снижение вероятности вовлечения Великобритании в боевые действия в Европе в результате вывода войск из Рейнской области, а также подписания Пакта Бриана — Келлога и, как следствие, сокращение расходов на вооружение. При этом во время обсуждения положения дел в Палестине членами комитета высказывалась уверенность в необходимости британского военного вмешательства⁹. Что касается основной задачи на начало 1930-х гг, сформулированной КОИ, то она оставалась прежней: «Прежде всего, необходимо с помощью современного вооружения обеспечить защиту заморских военно-морских баз»¹⁰. Что касалось действий на Европейском континенте, то по итогам того же заседания в подпункте «Обязательства» члены КОИ, отвечая министерству иностранных дел, заявившему: «Чем больше стран Европы убеждены в нашей готовности выполнить наши гарантии [в рамках Локарнских договоровⁱⁱ], тем меньше вероятность того, что мы будем призваны для этого»¹¹, — заметили: «Мы считаем важным, сообщить что КОИ полагает наши войска не находящимися в «готовности выполнить наши гарантии». Как мы отмечали в предыдущих докладах, развитие войск этой страны не обусловлены этими обязательствами. ...Если речь идет о обязательствах на континенте, военные могут только принять их к сведению. Также, мы не получили никаких инструкций по подготовке планов по выполнению этих гарантий и подробные планы не разрабатывались. Эта страна находится в менее благоприятном положении для выполнения Локарнских гарантий, чем когда бы то ни было»¹².

ⁱⁱ Локарнские договоры 1925 — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций. Основным документ, заключенный Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией Рейнский гарантийный пакт о неприкосновенности германо-французских и германо-бельгийских границ и сохранении демилитаризации Рейнской зоны; гарантами пакта выступали Великобритания и Италия. [История дипломатии. М.; Л.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945. Т. III / под ред. В. П. Потёмкина. С. 311—338.]

В этой ситуации учения 1930 г. были малозначимыми для танкистов. Два батальона КТК были приданы 1-ой и 2-ой пехотным дивизиям, сошедшимся в «поединке» и использовались для поддержки войск без каких-либо глубоких маневров или рейдов. Факт подобного применения бронетехники вызвал разочарование у Лиддел Гарта, описывавшего эти маневры¹³. Также использование бронетехники было затруднено из-за не прекращавшихся несколько недель ливней.

В ноябре 1930 г. премьер-министр Р. Макдональд в ходе заседания кабинета поставил под сомнение Десятилетнее правило, как мешающее развитию вооруженных сил. Он заявил, что хотел бы более гибкого развития вооруженных сил, лишённого догм, призывая чаще оценивать военно-политическую обстановку, для чего, принимая решения, «каждое утро нужно оглядываться и видеть, какие изменения произошли за ночь»¹⁴. Но 1931 г. принес на британскую землю мировой финансовый кризис, повлекший бюджетную строгость, не способствующую отмене Десятилетнего правила. В стране обострился и вышел на первый план вопрос безработицы, количество постоянных безработных на первый квартал 1931 г. выросло до 2 052 826 человек, что составило почти 17 % от работоспособного населения, а вместе с эпизодически занятыми число безработных достигло 21 %¹⁵. Многие производства перешли на трех-четырёх дневную рабочую неделю, а средний и крупный бизнес испытывал огромные финансовые затруднения, ярким примером которых являлась продажа морских и речных судов 1929—1930 гг. постройки за 10% их стоимости¹⁶. Пытаясь сократить расходы, правительство неизбежно обратило внимание на военный бюджет, бывший на втором месте после Франции в Европе в показателях на душу населения и составлявший в 1930 г 11,8 \$ на человека¹⁷. При этом довольно большую часть этого бюджета все еще «съедали» выплаты инвалидам, ветеранам и членам семей, погибших в Первую мировую, достигавшие почти 8 000 000 £ в год¹⁸, сокращение которых было невозможно по причине того, что они часто являлись единственным источником доходов.

Немаловажную роль в сокращении расходов на оборону сыграли остающиеся высокими пацифистские настроения в обществе. Некоторые историки, подобно

профессору лондонского Королевского колледжа Б. Бонду, даже возлагают долю ответственности за недостаточное внимание межвоенных правительств к нуждам армии на граждан, которые «были склонны к мазохистским воспоминаниям о поражениях и жертвах, а не ликованием в воспоминаниях об уникальных национальных военных усилиях, которые достигли кульминации в серии впечатляющих побед»¹⁹. Эти «мазохистские воспоминания», выраженные в нежелании дополнительного финансирования особенно сухопутных войск, ретранслировались депутатами. Примером является заседание парламента от 10 марта 1931 г., посвященное военному бюджету, в ходе которого военный министр Т. Шоу был подвергнут жесткой критике со стороны депутатов за жалобы на нехватку денег для армии и нежелание радикально сокращать военный бюджет. При этом Шоу был «атакован» даже однопартийцами-лейбористами под предводительством будущего министра информации и первого лорда адмиралтейства Б. Бракена, назвавшего военного министра «большим китом, льющим крокодиловы слезы»²⁰. Говоря о настроениях в британском обществе и их воздействии на финансирование армии, Дафф Купер писал, что Н. Чемберлен, занимая пост канцлера казначейства, действовал, исходя из понимания, что избиратели никогда не поддержат того, кто увеличит ассигнования на сухопутные войска, видя в этом угрозу повторения «бойни на Сомме»²¹. О пацифистских настроениях свидетельствует и то, что в Великобритании начала 1930-х гг. профессия военного все также не пользовалась популярностью, что выражалось в нежелании солдат и офицеров носить форму, не находясь на службе²². Как и десятью годами ранее, молодежь не стремилась в ряды британских вооруженных сил. В феврале 1933 г. Оксфордский союз^{jj} 275 голосами против 153 постановил: «Члены этой организации ни в коем случае не будут сражаться за Короля и Страну»²³.

^{jj} Оксфордский союз - дискуссионное общество в г. Оксфорд, членами которого преимущественно являются студенты и преподаватели Оксфордского университета. Основано в 1823 г. Множество будущих политиков оттачивали в нем ораторское искусство, получая навыки кулуарного общения и заводя ценные знакомства.

На фоне финансового кризиса и вызванного им сокращения расходов продолжалось доминирование легкой бронетехники, как наиболее дешевого варианта переоснащения войск. В 1931 г. на вооружении британских военных стояло 586 танков, из которых 450 были легкими. Оставшиеся средние и особенно тяжелые машины являлись устаревшими и часто не боеспособными. В то же время британская армия располагала самым большим числом танкеток в Европе – 250. Для сравнения, на 1931 г. Польша обладала 48, Италия 24, а Франция 5. Также в британских войсках числилось 240 бронеавтомобилей²⁴. При этом боеспособная и современная бронетехника распределялась иначе, чем восьмью годами ранее. Если в 1923 г. все британские танки, за исключением 1/3 батальона, находившегося в районе Рейна, располагались в метрополии, как и два из трех формирований бронеавтомобилей (третье находилось в Египте)²⁵, то в 1931 г. 10% танков и 68% бронеавтомобилей находилось в колониях и на подмандатных территориях²⁶, что демонстрирует сохранившуюся и усилившуюся к 1931 г. роль армии и бронированных войск, как полицейского оружия. Сопоставляя количество танков с данными на 1927 г., можно отметить не только количественный, но и качественный рост бронетехники, о чем свидетельствует то, что при почти двукратном увеличении числа танков общая мощность двигателей увеличилась гораздо сильнее, с 7 280 л.с.²⁷ до 40 300 л.с.²⁸. Мощность двигателя является одной из ключевых характеристик танка. Более мощный силовой агрегат позволяет развить большую скорость и дает возможность оборудовать танк более толстой броней, более мощным вооружением и большим возимым боезапасом. Эти цифры демонстрируют существенное развитие материально-технической базы КТК в конце 1920-х — начале 1930-х гг., особенно значимое на фоне финансовой строгости и второстепенности танковых войск в глазах многих военных и политиков.

Маневры 1931 г. были более интересны с точки зрения применения танков. Для этих учений 1 апреля на временной основе в составе КТК была создана 1-я бригада, включившая в себя 2-й, 3-й и 5-й батальоны, в свою очередь состоявшие каждый из секции танков непосредственной поддержки и трех смешанных рот,

вооруженных пятью танками Medium Mk. II и семью танкетками Carden-Loyd Mk. VI, призванными осуществлять разведку, а также сковывать противника до подхода танков. Кроме того, на временной основе был организован легкий танковый батальон, приданный 2-му, в результате чего общая численность бригады составила 85 средних и 95 легких танков. Объединением командовал бригадный генерал Ч. Бруд. Главной задачей учений была отработка управления танковыми войсками в атаке²⁹, являвшаяся актуальной для КТК, где большая часть команд по-прежнему отдавалась флажками, а подробные приказы доставлялись на мотоциклах³⁰.

На протяжении трех недель перед маневрами бригада проходила слаживание^{kk} для обеспечения взаимодействия между средними и легкими танками. Бруд, находясь в тылу, осуществлял руководство по радио. Лиддел Гарт в восторженных тонах описывал эти события, давая статьям броские заголовки: «Революционная новая тактика»³¹ и «Танки, неотразимые в атаке»³². Финальное упражнение, продемонстрированное членам АС 17 сентября, проходило в виде атаки танковой бригады на колонну войск, в ходе которой один батальон блокировал «противника», а два других атаковали его с флангов. Занявшее 1,5 часа «сражение» продемонстрировало слаженную и четкую работу подчиненных Бруда. Танки смогли сохранить управление и ориентировку даже в тумане. Р. Ларсон характеризовал эти учения, как «...самые значительные учения, проведенные британской армией с окончания Первой мировой войны»³³, а Лиддел Гарт писал: «Несмотря на растущие ограничения военного бюджета и продолжающуюся отсрочку расширения "брони", 1931 год стал памятным годом. В эволюции бронированной войны он произвел новое продвижение, сравнимое с 1927 годом, и в истории Королевского танкового полка он имеет еще большее

^{kk} Боевое слаживание — Заблаговременно подготовленный процесс ускоренного обучения личного состава вновь формируемых и развертываемых воинских частей (подразделений) выполнению обязанностей в бою, а также согласованным действиям в составе подразделения (формирования), воинской части при выполнении задач по предназначению. [Сайт Министерства обороны РФ. Раздел энциклопедия. URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=12689@morfDictionary (дата обращения: 09.12.2017).]

значение»³⁴. С этим вряд ли можно согласиться. Скорее они были зрелищными с точки зрения скорости и красоты маневра бронетехники. Стремительный и эффектный разгром пехоты безусловно импонировал Лиддел Гарту, являясь буквальной и яркой иллюстрацией его теорий, развернувшейся перед АС. Но эффект от атаки был предсказуем, а само упражнение не несло в себе серьезные новации тактического плана, лишний раз доказав, что огневая мощь и хорошая подготовка перевешивают численное превосходство, тем более что создание первой в британской истории танковой бригады было лишь временным событием, мало отразившемся на боевых возможностях КТК. Отчасти свидетельством того, что учения 1931 г. не были значительным событием для британской армии, является то, что, в отличие от маневров 1920-х гг., они практически не освещались в специализированной прессе. Военные периодические издания упомянули их лишь в одной статье, где начальник управления штабной службы У. Гвинн, лично наблюдавший маневры соединения Броуда, перечисляя все военные упражнения 1931 г., вспомнил об учениях танковой бригады только в конце списка, отметив их низкую ценность, так как они, по его мнению, имитировали ситуацию, мало вероятную в реальной войне³⁵. Кроме того, маневры 1931 г. совершенно не обсуждались в Палате общин.

1931 г. стал последним годом, в котором правительство все еще исходило в развитии вооруженных сил из Десятилетнего правила. Однако члены кабинета воспринимали его как явный анахронизм, требующий пересмотра³⁶. При этом в качестве одной из серьезных угроз Европе и интересам империи, многие английские военные и политики рассматривали СССР, обладавший, по их мнению, огромным мобилизационным ресурсом, танковыми войсками и ВВС³⁷.

Роспуск танковой бригады после учений 1931 г. разочаровал апологетов бронированной войны³⁸. Но она была воссоздана во время маневров в августе 1932 г. под командованием бригадного генерала К. М. Лэйрда³⁹. Бригада получила на вооружение 50 новых легких танков Light Tank Mk. II, впервые использовавшихся в масштабных учениях. Но новых танков все еще не хватало, и Carden-Loyd Mk. VI, как и Medium Mk. II, срок службы которых приближался к 10 годам, еще

использовались. Танкетки применялись и для замены танков в менее масштабных занятиях, позволяя экономить ГСМ и моторесурс танков⁴⁰. Новая бригада состояла из трех смешанных танковых батальонов, каждый из которых включал три роты, в свою очередь состоявших из трех секций: штабной, вооруженной командирским Medium Mk. II и двумя артиллерийскими танками с 75 мм. орудием, секции средних танков, вооруженной пятью танками, и секции легких танков, состоявшей из семи машин. Кроме того, в состав бригады входил батальон легких танков, состоявший из трех рот по семь танков⁴¹. Всего в объединении был 231 танк.

В 1932 г. Десятилетнее правило все же было отменено, но с оговоркой, что это не является поводом для увеличения военного бюджета ввиду сложной экономической ситуации⁴². К 1932 г. оборонные расходы сократились с послевоенных 693 700 000 £ вообще и 395 000 000 £ на сухопутные войска, до 112 900 000 и 36 488 000 £ соответственно, а в следующем 1933 г. затраты на армию уменьшились до «рекордных» для межвоенного периода 35 900 000 £⁴³ и с учетом инфляции опустились ниже довоенных⁴⁴. Но не стоит забывать, что вооруженные силы Великобритании и особенно армия развивались, исходя из того, что в случае большой войны им на помощь придут доминионы и Индия. На 1931 г. британская армия достигала численности в 105 400 человек, но вместе с армиями Индии, Канады, Австралии, Ирландии и колоний она увеличивалась до 984 400 человек⁴⁵.

Несмотря на снижение затрат на оборону, сухопутные войска продолжили проводить маневры с использованием бронетехники. В отличие от учений прошлого года упражнения 1932 г. предусматривали полноценные действия против танков и заранее подготовленной обороны, насыщенной противотанковыми орудиями. Начались учения с серии небольших упражнений, имевших своей целью проверить слаженность работы вновь созданной бригады⁴⁶, после чего состоялось главное «сражение», длившееся с 14 по 15 сентября. Легенда учений была следующей: «Северная армия теснит южную к ее столице. Южанам удастся задержать северную армию и, усилившись стрелковым корпусом и танковой бригадой, южные переходят в наступление. Механизированная бригада направляется в обход правого фланга противника с задачей выйти в лесной район

Эверли, откуда действовать по тылам и коммуникациям противника. Воздушная разведка северян обнаружила механизированную бригаду южан, и эскадрон бронемашин получил задачу выйти на правый фланг армии и добыть сведения о движении»⁴⁷.

В первый день танковые формирования совершили переход длиной в 80 км., длившийся с 6.30 до 16.00 и сопровождавшийся подготовкой к форсированию р. Эйвон. Марш проводился двумя колоннами со штабом, следовавшим после авангарда. В отличие от учений 1927—1928 гг. почти не было потерь техники по техническим причинам, даже несмотря на возраст некоторых образцов, а управление так же, как и в 1931 г. осуществлялось точно и оперативно⁴⁸. На следующий день войска Лэйрда форсировали реку. Им была поставлена задача прорвать оборону «южан», представленных 3-ой пехотной дивизией, имевшей по четыре противотанковых орудия на батальон, роль которых исполняли флаги. В ближнем тылу обороняющихся были расположены полевые гаубицы. На удалении от переднего края обороны были установлены «мины». В условиях тумана, исключавшего использование авиации, группа легких танков «северян» имитировала атаку по фронту, в то время как остальные силы обошли оборонявшихся с фланга, рассеяв и «уничтожив» их подразделения. При этом легкие танки, атаковавшие «в лоб», потеряли 30% техники. После разгрома основных сил «южан» наступающие успешно «атаковали» штаб обороняющихся⁴⁹. Что касается боя с танками «южан», то после обнаружения с воздуха войска Лэйрда встретили их на подступах к полю боя, сковав боем с легкими танками и «уничтожив» фланговыми ударами основных сил⁵⁰.

Британские военные сделали из этих учений следующие выводы: танковая бригада способна, пусть и с большими потерями, за два часа уничтожить обороняющуюся усиленную пехотную дивизию; пехотная дивизия без поддержки танков не в состоянии противостоять «цивилизованным державам»; имеющееся по штатному расписанию количество противотанковых орудий не в состоянии отразить танковую атаку; противотанковая артиллерия должна быть более мобильна; традиционная кавалерия не способна противостоять танкам и теряет

свободу маневра; необходимо развитие «авиации поля боя», способной уничтожать бронетехнику⁵¹. Лиддел Гарт восторженно оценил учения, отметив высокую выучку личного состава и эффективность бронетехники⁵². Интересна оценка, данная этим учениям советскими военными, как сторонними наблюдателями и возможным противником. Из положительных моментов ими был отмечен высокий уровень радиосвязи вплоть до взвода (так в СССР называли британскую секцию), хорошую надежность материальной части, несмотря на активную эксплуатацию. Что касается недостатков, то в них советские военные записали неудачное расположение штаба, подвергающее его опасности, длительность принятия решений, достигавшую 25 минут, плохую организацию движения на марше⁵³ и долгие остановки в складках местности танковых групп во время атаки, могущие привести к их уничтожению гаубичной артиллерией⁵⁴. Что касается техники, то в СССР посчитали, что: «Новый легкий 5-тонный танк полностью себя оправдал в тактическом и техническом отношении. Берется под сомнение средний танк в виду своей сравнительной тихоходности. Танкетка Карден Лойда, занимавшая до сих пор место легкого танка, признается этому не соответствующим из-за невысокой скорости, слабости мотора и неудобства ведения огня»⁵⁵. Начальник штаба Белорусского военного округа К. А. Мерецков высоко оценил тактику британских танковых войск, продемонстрированную на учениях 1932 г., отметив близость ее к тактике РККА, указав на эффективность атак на противотанковые позиции, которой стоит поучиться нашим танкистам, и метод ведения боя, не оставляющий противнику в смоделированных условиях шанса на победу⁵⁶. Это демонстрирует, что британские танковые войска начала 1930-х гг. не только положительно оценивались своими военными и политиками, но и рассматривались как серьезный противник, в некоторых аспектах превосходивший динамично развивающиеся советские войска, вооруженные танками БТ и Т-26 и проводившими масштабные учения.

Но главным результатом учений 1932 г. стало то, что они убедили Милна в необходимости создания танковой бригады на постоянной основе, что выразилось в меморандуме от 15 сентября 1932 г., адресованном заместителю военного

министра и членам АС. Ссылаясь на ценность легких танков, начальник ИГШ предложил сформировать танковую бригаду, состоящую из трех смешанных и одного легкого танковых батальонов, одного дополнительного смешанного танкового батальона в метрополии и, согласно системе Кардвелла¹¹, одного смешанного танкового батальона в Египте, что позволит существенно усилить позиции в важнейшем для империи регионе. В свете проблем с размещением личного состава и техники в условиях финансовой строгости⁵⁷, Милн предложил каждому из смешанных танковых батальонов придать дополнительную легкотанковую роту, объединив которые в угрожаемый период, можно было сформировать танковый батальон. Это позволило бы избежать строительства дополнительной инфраструктуры. Также Милн отметил, что производство 125 средних и 178 легких танков для танковой бригады будет экономичнее, чем 208 средних танков, предусмотренных существующим проектом перевооружения КТК⁵⁸. Предложение начальника ИГШ было поддержано АС, а 6 октября военный министр Д. Хогг подписал распоряжение о его выполнении⁵⁹.

На фоне маневров с участием бронетехники британские военные продолжали осмысление ее роли и на уровне официальных структур, и на страницах журналов. Подполковник А. П. Уэйвелл, командующий 6-ой экспериментальной пехотной бригадой, рассмотрел развитие танковых войск с окончания войны и пришел к выводу, что механизация приведет к ведению боев в основном с помощью бронетехники, сопровождаемой пехотой, главной же будет не толщина брони, а скорость, тем самым поддерживая распространенную в Великобритании идею о ценности легких танков. В будущем Уэйвелл видел бригаду, а не дивизию, главной боевой единицей, объединяющей в себе пехоту, бронетехнику, артиллерию и

¹¹ Система Кардвелла, названная по имени военного министра Э. Кардвелла, инициатора реформ 1870–1872 гг., согласно которой, каждый регулярный полк имел два батальона, один из которых должен был находиться в метрополии, а другой в колониях. Целью данной реорганизации было одновременное решение проблемы защиты Великобритании и выполнения армией своих функций в колониях. [McElwee W. L. The art of war: Waterloo to Mons. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1974. P. 79]

авиацию, считая, что британская армия развивается темпами, не требующими ускорения⁶⁰.

Что касается официального рассмотрения роли бронетехники в армии и ее применения, то в 1932 г. ИГШ обнаружил, что с окончания войны ее уроки осмысливались военными теоретиками, журналистами и писателями, но не ИГШ. В октябре Милн инициировал создание Комитета по изучению уроков Великой войны под руководством генерал-лейтенанта У. Кирка, деятельного военного, прошедшего войну, возглавлявшего британскую военную миссию в Финляндии в 1920-е гг. и занимавшего ряд других должностей⁶¹. Проанализировав ход боев на западном фронте, комитет, не указывая на виновных, подверг критике стратегию истощения, отметив крайнюю важность внезапности маневра в наступлении, сопряженного с ударами по значимым точкам обороны противника⁶², и высказал мнение о низкой значимости пехоты без бронетехники⁶³. Было предложено насытить войска броневыми автомобилями, на которых нужно основывать военные операции⁶⁴. Эти пункты доклада перекликались с выводами военных по итогам учений 1932 г., а также теориями Лиддел Гарта и Фуллера. Также было рекомендовано назначать на командные должности молодых офицеров, придвинув штабы непосредственно к районам боевых действий⁶⁵, что также совпадало с мнением Фуллера и Лиддел Гарта. Комитет отметил и важное значение танка в выходе из тупика окопной войны, назвав его неотъемлемой и важной частью современной армии⁶⁶, добавив, что в ближайшем будущем может появиться угроза крупного конфликта, в котором понадобится вся мощь бронетехники, а также увеличение доли танков и сокращение пехоты. При этом комитет не вынес рекомендаций, следует ли увеличить количество бронетехники за счет расширения КТК или создания пехотных танковых батальонов, как во Франции, но сообщил, что считает ненужным и вредным по финансовым причинам увеличение танковых войск до наступления угрожаемого периода⁶⁷. Выводы комитета носили рекомендательный характер. Несмотря на это, в октябре 1932 г. Милн распорядился выпустить 500 экземпляров доклада комитета и распространить их среди офицеров⁶⁸. Говоря о рекомендации комитета, не увеличивать число танков

до наступления угрожаемого периода, можно отметить кажущуюся разумность этого решения с учетом того, что в 1931—1932 гг. Великобритания, по оценкам советской разведки, могла производить около 300 средних и легких танков в месяц без мобилизации промышленности⁶⁹. На фоне относительно спокойной международной обстановки, подобные возможности развитой индустрии позволяли британскому руководству рассчитывать на достаточные объемы новых танков, могущих поступить в войска в нужный момент.

Но бремя финансовой строгости на фоне второстепенной роли армии и танковых войск, как ее части, оказало существенное влияние на британские мощности, ответственные за выпуск и разработку бронетехники. По свидетельству советских специалистов, крупнейшие заводы: Виккерс-Армстронг, Гадфильд, Фирт и другие, испытывали постоянную нехватку государственных заказов, проводили еженедельные увольнения и переходили на выпуск гражданской продукции. Это приводило к устареванию производственных мощностей и запоздалому переходу на новые производственные циклы⁷⁰. Кроме того, примат гражданской продукции приводил к разработке и созданию основных агрегатов техники в первую очередь для легких гражданских машин, и проектированию военной техники по остаточному принципу, исходя из их возможностей. Выживать предприятиям помогали иностранные заказы⁷¹ из таких стран, как СССР, Китай, Польша, Япония, Сиам, Румыния, Дания, Голландия и других, куда поставлялась бронетехника, оружие и продавались лицензии на производство⁷². Но и здесь возникали трудности, вызванные страхом ряда политиков передать мощное и высокотехнологичное оружие в «неправильные руки». В начале и середине 1930-х гг. в парламенте неоднократно детально разбирались военные поставки из Великобритании⁷³. Продажи техники СССР настолько волновали депутатов, озабоченных «агрессивностью Советской России», что они настаивали на том, чтобы ни одного снаряда или патрона не шло в комплекте с танками и танкетками⁷⁴. Запрет на поставку ряда моделей танков за рубеж делал тонкий ручеек денежных средств, питающий дерево британской промышленности при почти полном отсутствии внутренних заказов еще мельче, ухудшая ситуацию на фабриках.

После отмены Десятилетнего правила ИГШ по-прежнему считал одной из главных угроз СССР, отмечая рост советских танковых войск. Но появились опасения и по поводу перевооружения Германии. Генштаб подозревал немцев в тайной подготовке экипажей для танков. Впрочем, Германия признавалась опасной лишь для СССР и неспособной повлиять даже на возможную польско-советскую войну. Британские военные полагали французскую армию сильнейшей в мире, что в совокупности со строительством линии Мажино делало ее несокрушимой. Это воспринималось как гарантия метрополии от ударов сухопутных войск. Гораздо большее беспокойство у ИГШ вызвали «коварные намерения» СССР в Афганистане и Индии, безопасность Ближнего Востока и Суэцкого канала⁷⁵.

Начало 1933 г. ознаменовалось отставкой начальника ИГШ Дж. Милна, занимавшего эту должность с 1926 г. По этому поводу Лиддел Гарт опубликовал статью, критически описав последние годы работы фельдмаршала, отметив, что в структуре армии не произошло серьезных изменений, только четыре из двадцати восьми артиллерийских бригад механизированы, а в КТК по-прежнему насчитывается всего четыре батальона. Лиддел Гарт обвинил Милна в отторжении нового, пришедшем с возрастом, в результате чего прогресс в модернизации армии и развитии КТК в ранние годы его руководства был выше, чем в 1930-е. «Механизация по-прежнему является скорее словом, чем реальностью», — заключил он⁷⁶. В действительности наследие Милна было неоднозначным. С одной стороны, КТК все еще имел четыре батальона неполной численности, хотя и бывших в лучшей форме, чем в 1926 г. С другой стороны, при содействии Милна были проведены знаковые учения конца 1920-х гг., создана комиссия по изучению итогов Великой войны и принято решение о создании первой танковой бригады в составе КТК. Причем последние два пункта пришлось именно на окончание его службы. Что касается недостаточного материально-технического обеспечения армии и КТК, то в этом вряд ли можно обвинять Милна, имевшего минимальное влияние на финансовые решения сменявших друг друга в условиях финансового кризиса правительств.

Пришедший на смену Милну генерал А. Монтгомери-Массингберд родился в 1871 г. в Ольстере, после окончания Вулвича служил в артиллерии, и был в первую очередь кадровым офицером, и, хотя и играл ключевую роль в планировании битвы при Амьене, никогда не занимал ведущих армейских должностей⁷⁷. В результате он был настолько мало известен в войсках, что его назначение *The Army Quarterly* прокомментировал так: «Генерал Монтгомери-Массингберд немолодой человек, еще не проявивший себя. Его назначение кажется экспериментом, за которым армия будет наблюдать с интересом»⁷⁸. Одно из первых решений нового начальника ИГШ было связано с действиями предшественника, распорядившегося распространить отчет комиссии по анализу Великой войны. В отличие от Милна, Монтгомери-Массингберд решил ограничить круг адресатов полного отчета высшими армейскими чинами, остальным офицерам предназначалась измененная версия⁷⁹, из которой был изъят пункт о вреде развития танковых войск до наступления угрожаемого периода, а прогноз новой войны на континенте заменен на необходимость сосредоточиться на всех вероятных военных угрозах для империи⁸⁰.

Тренировки КТК при Монтгомери-Массингберде продолжились. Ряд упражнений второй половины 1933 г. был связан с взаимодействием бронетехники с другими родами войск, а роль танков в них ограничивалась поддержкой пехоты из состава 4-ой пехотной дивизии⁸¹. Лиддел Гарт, описывая учения, хотя и признавал, что они давали больше самостоятельности младшим офицерам, чем это было принято в КТК, комментировал их так: «Общий вердикт офицеров, наблюдавших за учениями 1933 года, кажется, заключался в том, что это был один из самых тупых учебных годов со времен войны»⁸². Однако то, что танковая бригада была разделена и придана пехоте, не говорило об отступлении командования от планов развития КТК. Напротив, танковая бригада признавалась важной и независимой частью армии⁸³. Но армии, по мнению командования, также были необходимы танковые батальоны непосредственной поддержки пехоты, в результате чего отдельные подразделения или даже машины приходилось задействовать в этой роли⁸⁴.

Сразу после окончания маневров 1933 г. началось планирование более значительных танковых учений следующего года. В ноябре 1-я танковая бригада в составе КТК была сформирована на постоянной основе, а П. Хобарт был назначен ее командиром⁸⁵. При этом финансовый секретарь военного министерства подтвердил приверженность ведомства организации смешанных танковых батальонов, состоящих из трех рот средних и легких танков и одной легкотанковой роты⁸⁶. Параллельно с учениями в метрополии, в Африке были проведены испытания военной техники, целью которых была ее проверка в условиях местного климата. Колонна, припасы которой доставлялись авиацией, успешно преодолела 5 600 миль, совершив марш из Египта в Джубу и обратно, задержавшись из-за поломок лишь на 3 часа 50 минут⁸⁷. Подобные испытания свидетельствуют не только о надежности английской техники, но и о сохранявшемся важном значении этого региона для Великобритании, чье военное руководство предполагало возможность массированного применения техники, сопряженного с длительными маршами.

На фоне этих событий в мире проходила женевская конференция по разоружению. Для бронированных войск она была интересна тем, что в ее ходе обсуждалось, является танк оборонительным или наступательным оружием. В британском парламенте рассмотрение этого вопроса в очередной раз продемонстрировало отношение военных и политиков к танку. Лорд-председатель Совета С. Болдуин заявлял: «В отношении танков, правительство полностью солидарно с президентом Гувером... Правительство Его Величества уже выступало за запрет танков тяжелее 20 тонн, которые особенно подходят для наступления. Более легкие танки нельзя рассматривать как наступательное оружие... А в небольшой добровольческой армии как наша они значимо компенсируют низкую численность. Что касается этой страны, то с учетом ее всемирных обязанностей общий запрет [танков] потребует увеличения сухопутных сил и, следовательно, как мера разоружения не может рассматриваться»⁸⁸. В свою очередь военный министр сообщил: «Танк как оружие был британским изобретением времен Великой войны. Его целью было нахождение эффективного способа борьбы с невероятно сложной

системой немецких окопов и траншей. <...> С конца войны тип производимых танков и цель, для которой создается танк, очень сильно изменились, и сейчас эксперты видят танк не столько тяжелой машиной, могущей проложить путь через сложную систему укреплений, сколько как намного более легкую машину, позволяющую пехоте подавлять пулеметы без лишних потерь. Танки, предназначенные для этой цели, намного легче, чем старые... полагаю, что вес 16-20 тонн максимален для такой работы. Они бесполезны против значительного артиллерийского огня. У них нет толстой брони... потому что это увеличило бы вес. Они являются ответом на пулемет и автоматическую винтовку. <...> Если эта более легкая форма танков будет отброшена, это приведет не к разоружению, а к значительному увеличению армии.... Британия опирается на очень небольшую армию, которая была сведена к минимуму, соответствующему защите основных интересов..., и мы не можем позволить себе отказаться от использования танков, не прибегая к значительному увеличению пехоты... Конечно, без войны танки не нужны, но, не убедив людей отказаться от пулеметов и автоматических винтовок, вы не можете просить эту страну отказаться от танка»⁸⁹. На заседании кабинета 31 октября 1932 г. танк также был признан важным оружием, помогающим сохранить боеспособность небольшой британской армии, полезным в заморских владениях, в результате чего было решено делать упор на легкие и средние танки. Также было сказано, что «неэтично и бесперспективно» запрещать Германии оружие, которое развивают в Великобритании⁹⁰. Это демонстрирует, что в первой половине 1930-х гг. британские политики и военные видели танк небольшой, быстрой, легкобронированной и вооруженной машиной, предназначенной для поддержки войск и борьбы с пехотой, вооруженной преимущественно стрелковым оружием. Танк воспринимался как часть армии, позволяющая ей оставаться небольшой, но боеспособной, а то, что в Военном министерстве, правительстве и парламенте не нашлось возражений против запрета танков тяжелее 20 тонн, показывает, что англичане не только продолжали делать ставку на легкий и средний танк, но и то,

что разработка и производство тяжелых танков в среднесрочной перспективе серьезно не рассматривались^{mm}.

При этом на 1933 г. военное министерство все еще не было уверено в необходимости создания экспедиционных сил, особенно включавших дорогую бронетехнику. Выступая в парламенте, Дафф Купер заявил, что армия, как и прежде, в первую очередь нацелена на поддержание порядка в империи. Что касается перевооружения кавалерии, то министр отметил, что ввиду невозможности предсказать будущее войн, он полагает ее актуальной и считает нужной ее сохранить, заменив лошадей легкой бронетехникой⁹¹. Что касается закупки новых танков, то начальник управления по вооружению Ч. Рональд одобрил закупку у Vickers-Armstrong 18 легких танков по цене не превышающей 1 500 £ за штуку⁹².

В 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты во главе с А. Гитлером, начавшие масштабную программу перевооружения. В Лондон стали поступать доклады о небывалой военной и промышленной активности немцев. Военные атташе и дипломаты: Ф. Хотблек, Э. Торн, Э. Филипс и другие — в 1933—1935 гг. писали, что Германия ведет перевооружение экспансионистского характера, подготовку кадров, и агитацию молодежи, внушая ей идеи сбора «исконно германских земель», помощи немцам за рубежами Рейха и отмщения за «обиды», понесенные по итогам войны⁹³.

Естественно, это привело к росту опасений конфликта с Германией, усилившихся после того, как в октябре 1933 г. немецкая делегация покинула конференцию по разоружению. В том же месяце при КОИ был создан Подкомитет по оборонному планированию, в который вошли начальники штабов КВВС, КВМС и армии: Э. Эллингтон, Э. Чатфилд и А. Монтгомери-Массингберд, заместитель канцлера казначейства У. Фишер, секретарь КОИ М. Хэнки и заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт. На первом же заседании было

^{mm} Для сравнения, в 1920-х гг. в СССР также не считали нужным массово производить тяжелые танки [РГВА Ф. 31811 Оп. 1 Д. 34 Л. 50], но уже в 1931 г. создание и выпуск этих машин были признаны Реввоенсоветом СССР важнейшими задачами [РГВА Ф. 4 Оп. 14 Д. 414 Л. 21].

предложено считать Третий Рейх основным врагом, что не поддержали Хэнки и Чатфилд, указывавшие на Японию, как главную угрозу⁹⁴. Поддерживали эту точку зрения многие члены правительства и военные, воспринимавшие Германию как слабую угрозу на суше и полагавшие, что с Гитлером можно договориться. Примером является меморандум министерства иностранных дел, посвященный немецкому перевооружению, снабженный примечаниями военного министерства, министерства авиации и адмиралтейства. В нем говорится: «Правительство Его Величества давно не склонно пытаться обеспечить буквальное исполнение V части [Версальского] Договора». Предлагается вести торг с Гитлером о признании перевооружения Германии и снятия ограничений на вооружение, исходя из того, что «если Гитлер получит легализацию, которую требует, есть большая надежда, что он будет соблюдать все остальное, что подпишет» и что «часть V для практических целей мертва и станет гниющим трупом, который, оставшись непогребенным, отравит политическую атмосферу всей Европы. Более того, если проводить похороны, лучше организовать их, пока Гитлер еще настроен платить гробовщикам за их услуги». В примечании же делается вывод о ничтожной угрозе британскому флоту, неготовности Германии воевать на суше даже с Польшей в течение еще 10 лет, не в последнюю очередь из-за полного отсутствия танков, и о высокой угрозе для Великобритании со стороны немецких ВВС⁹⁵. Подобный подход к перевооружению Германии был характерен и для британского парламента вплоть до 1938 г.⁹⁶.

Несмотря на относительное спокойствие в Европе, к началу 1934 г. британские военные были озабочены возможным конфликтом на континенте, на вероятность которого обращал внимание комитет по рассмотрению уроков Великой войны. В феврале эти опасения были озвучены в первом докладе Подкомитета по оборонному планированию, который предложил правительству потратить 40 675 000 £ на перевооружение армии в течение пяти лет. Значительная часть этой суммы предназначалась для экспедиционных сил⁹⁷. Монтгомери-Массингберд хотел включить в них создаваемую танковую бригаду и традиционную кавалерийскую дивизию, с механизированной логистикой и

разведкой, ударная сила которой по-прежнему зависела от лошади⁹⁸. К 1937 г. танковую бригаду планировалось вооружить новыми средними танками, проходящими испытания. На это предлагалось выделить 5 840 000 £. Но по настоянию Н. Чемберлена, мотивировавшего это экономией, средства на повышение обороноспособности были урезаны вдвое за счет армии. Более того, если «доля пирога» КВМФ осталась прежней, то средства, выделяемые КВВС, выросли по сравнению с рекомендациями Подкомитета по оборонному планированию⁹⁹. Решение правительства соответствовало политике финансирования обороны межвоенного периода, предусматривавшей удовлетворение запросов армии после авиации и флота. Кроме того, Чемберлен не был уверен в политической оправданности создания крупных экспедиционных сил, полагая угрозу со стороны Германии незначительной на фоне других проблем Великобритании, для решения которых можно было оперативно использовать авиацию и флот в отличие от армии, вооруженной бронетехникой¹⁰⁰. Что касается гусеничной техники, включая танки, то в 1934 г. произошел рост ассигнований на нее с 348 500 £ в 1933 г. до 501 500 £, а доля общих расходов на механизацию выросла на 0.3 % от бюджета армии¹⁰¹.

Весной 1934 г. начала формироваться бригада для учений на равнине Солсбери. Первыми в нее влились 2-й, 3-й и 5-й батальоны КТК, вооруженные средними и легкими танками. 8—12 мая в Кембридже прошли теоретические занятия для их личного состава по отработке операций в тылу противника. Легенда занятий соответствовала ситуации во время Марнского сражения осенью 1914 г. «После остановки вражеского наступления, захватившего крупные территории, предвидится большое контрнаступление, включающее 100-мильный марш танковой бригады, охватывающей фланг противника, целью которой являются вражеские тылы в 40 милях за линией фронта»¹⁰².

В июле 1934 г. началась полноценная подготовка бригады к учениям. Хобарт, пребывая в приподнятом настроении, писал Лиддел Гарту, которого пригласил наблюдать за маневрами: «Нам действительно повезло, что на данный момент есть начальник штаба, дающий нам шанс опробовать новое и замечательно нас

понимающий»¹⁰³. Сформированная бригада состояла из четырех батальонов, трех смешанных из средних танков и танкеток и одного вооруженного легкими танками. Три смешанных батальона состояли из штабной секции, вооруженной четырьмя танками Medium Mk. II, трех смешанных рот и командирского танка, секции из семи танкеток Carden-Loyd Mk. VI или танков Light Tank Mk. II, секции из пяти танков Medium Mk. II и секции из двух артиллерийских танков. Легкотанковый батальон состоял из легких танков и танкеток, организованных в три роты. Артиллерийские танки отсутствовали по техническим причинам. Их роль играли обычные Medium Mk. II¹⁰⁴. Таким образом, состав бригады полностью повторял 1932 г., демонстрируя сформировавшееся у верховного командования представление о составе подобного соединения. В центре внимания первого тренировочного сезона утвержденной на постоянной основе бригады было изучение возможности ее независимых действий в тылу противника. Лиддел Гарт сообщил, что упражнения «должны доказать возможность эффективных действий бронированных сил и возможность их движения более 100 миль за 24 часа»¹⁰⁵.

В ходе подготовительной части учений Хобарт с подчиненными отрабатывал маневрирование бригады, обычно используя формирование шириной 10 миль на 10 миль в глубину. Днем бригада передвигалась на скорости 8 миль в час, покрывая около 60 миль. Ночью скорость передвижения падала. Что касается отработки боя, то против пехоты бригада оказалась настолько эффективна, что некоторые из судей учений заявляли, что пехота исполняет роль «мальчиков для битья» на этих маневрах¹⁰⁶.

В сентябре 1934 г. танковая бригада была объединена с 7-й пехотной бригадой, бригадой моторизованной полевой артиллерии и вспомогательными подразделениями, такими как Королевские инженеры, чтобы сформировать подобие механизированной дивизии, названной Мобильной дивизией (МД). Командиром был назначен Линдсей. Ее противником были традиционные для британской армии войска, состоящие из немеханизированной пехотной дивизии, конной бригады и двух бронеавтомобильных рот под командованием генерал-майора Дж. К. Кеннеди. Для финальных учений МД было приказано провести

глубокий рейд в тыл «противника», уничтожив штабы, склады и резерв, в ходе чего МД предстояло совершить 60-мильный марш по вражеским тылам, атаковав цели на площади более 140 кв. миль. На выполнение задачи было дано время с 19 по 22 сентября. МД предстояло переправиться через р. Эйвон и атаковать множество целей, расположенных недалеко от города Эймсбери в тылу «врага», совершив долгий поход с места сбора к западу от р. Северн, затем пересечь защищенное препятствие – р. Кент и Эйвон. Время начала упражнения было установлено командующим учениями Бернеттом-Стюартом в 2.00 утра, за 4 часа до рассвета¹⁰⁷. Это означало, что большую часть пути МД проведет днем, что повышало шансы на ее обнаружение.

7-я пехотная бригада, выдвинувшаяся первой, легко захватила мосты и броды, но, ожидая подхода танковой бригады, подверглась воздушной атаке. Элемент внезапности был утерян, и «противник» оказал МД сопротивление на всем пути марша. В итоге танковая бригада и приданные силы были частично «уничтожены», а частично блокированы и рассеяны. Во второй половине дня 20 сентября необходимость отступления МД была отмечена командованием учений. Но и его не удалось выполнить успешно. «Противник», используя минимальную механизацию, смог оперативно организовать заслоны на пути отступающих, используя мины и противотанковые орудия. В результате учения окончились на сутки раньше разгромом МД¹⁰⁸. Лиддел Гарт крайне болезненно воспринял это поражение, изобразив его как катастрофу, сильно отбросившую развитие танковых войск в британской армии¹⁰⁹.

Г. Уинтон считал, что причина неудачи МД крылась в мнении командующего учениями генерал-майора Бернетт-Стюарта, чувствовавшего, что моральный дух традиционных войск нуждается в усилении, а механизированные силы в последнее время слишком сильно продвинулись. На его взгляд, они уделяли недостаточное внимание логистике и должны были выполнять более сложные задачи. В результате он разработал план учений, сделавший работу МД и ее командования исключительно трудной¹¹⁰. Но военный историк К. Макси полагал, что одной из причин поражения МД явилось моральное состояние ее командира, вызванное

психическим расстройством жены, в результате чего Линдсей не мог сосредоточиться на службе¹¹¹. В действительности, поражение МД повлекло сочетание причин, таких как сложно выполняемая задача, искусственно созданные трудные условия, устаревание бронированной и автомобильной техники, слишком линейные действия командования МД и умелое противодействие их условного противника.

Поражение МД, являвшейся воплощением идей Фуллера, Лиддел Гарта и их последователей, привело к укреплению позиций сторонников интеграции бронетехники в традиционные рода войск, результатом чего стало продолжение курса на механизацию кавалерии путем вооружения ее легкой бронетехникой, взятого в конце 1920-х гг. Предпосылки к этому обозначились 15 октября 1934 г., когда Монтгомери-Массингберд объявил АС о необходимости включения в возможные экспедиционные силы не традиционной кавалерии, как раньше, а полностью механизированной кавалерийской дивизии вместе с долей разведывательных войск¹¹². При этом АС отводил механизированной кавалерии и КТК разные роли. Кавалерия должна была заниматься разведкой, защитой и маневренными действиями в глубине обороны противника, с которыми не справилась МД на учениях 1934 г., а танковый батальон будет наступательным подразделением, призванным поддерживать пехоту при прорыве вражеской обороны¹¹³. На перевооружение бронетехникой кавалерии повлияло и то, что в связи с внедрением техники в жизнь к середине 1930-х гг. в Великобритании стало банально не хватать лошадей, особенно на фоне того, что кавалерийская лошадь являлась не только более дорогой, но и требовала длительной и тщательной дрессировки, дающей возможность осуществлять слаженные групповые маневры в условиях боя¹¹⁴.

Решение о механизации кавалерийских полков было обнародовано 14 ноября 1934 г. в рамках плана модернизации армии. В дополнение к формированию МД на случай войны за пределами метрополии, было объявлено о планах механизации всех пехотных дивизий танкетками и бронированным транспортом, а также о механизации легких артиллерийских бригад и расширении КТК для формирования

танковых батальонов для каждой пехотной дивизии в дополнение к смешанным и легкотанковому батальону танковой бригады¹¹⁵. Реагируя на это, ИГШ в декабре 1934 г. предложил придать экспедиционным силам два кавалерийских полка, вооруженных бронеавтомобилями в дополнение к моторизованной кавалерийской бригаде, тем самым отражая тенденцию к усилению роли традиционных родов войск путем их перевооружения. При этом ИГШ не включил авиацию в проект экспедиционных сил, что отражало отсутствие полноценного взаимодействия между КВВС и армией¹¹⁶. То, что между ВВС и танковыми войсками отсутствует взаимодействие, вызванное работой КВВС только со «своей» бронетехникой и постоянной конкуренцией с армией и КТК, в результате чего они «играют каждый сам по себе», отмечалось в парламенте¹¹⁷ и было одним из длительных негативных эффектов Воздушного контроля, отмеченным еще Уортингтоном-Эвансом 10 лет назад. Пренебрежение плотным взаимодействием ВВС и КТК, вопреки выводам, сделанным несколько лет назад, выглядели тревожно на фоне докладов Директората военной разведки о работах по координации действий Люфтваффе и бронированных сил в Германии¹¹⁸. Лиддел Гарт осудил решение механизировать кавалерию как победу менее прогрессивных сил в армии. Военное ведомство, оказавшееся загнанным в угол сокращением поставок лошадей, утверждал он, было вынуждено принять механизацию кавалерии¹¹⁹. «Официальный ум свернулся, как еж, не реагируя на любые предположения о том, что Танковой корпус, уже освоивший механизацию и мобильность, является средой, через которую должна проводиться механизация. Эта оборонительная позиция была вызвана не только заботой о старых устоявшихся интересах, но и опасением того, что, если Танковому корпусу будет позволено возглавить механизацию, темпы прогресса могут стать слишком быстрыми, чтобы быть контролируемыми»¹²⁰, — писал Лиддел Гарт.

Кроме поражения МД, негативное воздействие на восприятие военным министерством бронированных войск, особенно в регионах Воздушного контроля, оказало подавление волнений на Ближнем Востоке, в ходе которых британская пехота оперативно перебрасывалась авиацией с Крита. Говоря о сделанных выводах, Дафф Купер утверждал, что в подмандатных территориях хорошо

подготовленная и вооруженная пехота ценнее бронетехники. «Мы не могли перебросить танк или бронеавтомобиль на самолетах в Ирак, – говорил он. — Но даже если бы могли, они не были необходимы. Когда у вас есть враг на поле боя и определенная военная цель, пулеметы и танки нужны, но, когда вы имеете дело с недовольным населением, это оружие не подходит. Нужно действовать тоньше, что может только пехота»¹²¹. Говоря же о роли бронетехники в армии, финансовый секретарь военного министерства заявил парламентариям: «Ваши военные эксперты предложат обменять последнюю лошадь на мотоцикл и запихнуть последнего пехотинца в танк. Они забыли, что есть 66 батальонов пехоты, защищающих британские интересы в мире, и эта сила [бронетехника] должна лишь обеспечить им подкрепление»¹²².

Что касается развития технической части КТК в период между 1930 и 1934 гг., то здесь можно отметить принятие на вооружение новых легких танков, сменивших танкетки. Этими машинами, ставшими основой созданной танковой бригады, стали Light Tank, версий Mk. II, Mk. III и Mk IV. и их модификации, различия которых часто были обусловлены местом производства и не сказывались на характеристиках¹²³. Модели Mk II. и III. имели скорость 30 миль в час, толщину брони верхней лобовой детали и башни 10 мм. и 4 мм. остальных частей. При этом в Mk. III использовалась новая марка броневой стали, более стойкая к пробитию. Вес и дальность автономного движения равнялись 4.25 т. и 125 милям у Mk II. и 4.5 т. и 150 милям у Mk. III. В модели Mk. IV толщина брони верхней лобовой детали была увеличена до 12 мм. и заменен двигатель, что снизило массу до 4.3 т., увеличив скорость до 36 миль в час, но уменьшило автономность до 125 миль. Вооружение всех моделей состояло из пулемета Vickers 303 с 4 000 патронов¹²⁴. Как отмечалось выше, британские и советские военные высоко оценили танк. В июне 1934 г. военное министерство заказало 28 машин модификации Mk. IV, поровну поделив заказ между заводом Vickers-Armstrong и Королевским арсеналом в Вулвиче¹²⁵.

Подводя итоги развитию британских танковых войск в период 1930—1934 гг., предшествующий началу перевооружения, можно вспомнить слова Р. Ларсона,

написавшего: «К 1934 году британская армия имела самое крупное, наиболее тактически передовое и хорошо подготовленное танковое вооружение в мире»¹²⁶. Вряд ли это утверждение следует признать полностью верным. Советские танковые войска уже могли побороться за этот титул, о чем свидетельствуют высказывания ряда военных и политиков в парламенте¹²⁷, в отличие от французских, хоть и обладавших большим количеством устаревших танков, не имевших независимых танковых войск. Однако нельзя не признать, что КТК конца 1934 г. хоть и потерпел неудачу в ходе учений, оставался одним из самых боеготовых соединений этого типа в мире.

Фактически начало организации МД экспедиционных сил явилось символом осознания британским руководством того, что воевать за рубежами империи, возможно, придется, а решение включить в экспедиционные силы танковую бригаду говорит о том, что танки однозначно воспринимались, как важное оружие, а их ТВД начинал пересматриваться с окраин империи, где им противостояли плохо вооруженные и организованные иррегулярные формирования, на европейский, где британскую армию ожидал равный по силе, если не превосходящий ее противник, имеющий мощную промышленность, экономику и военную школу. Эти процессы знаменовали собой окончание эры спокойствия в британских вооруженных силах и стали предвестником начала перевооружения и ускоренной модернизации войск. Тем не менее, растущая вероятность войны на континенте не изменила ни стратегических доктрин, ни роли танковых войск в них. Программа 1934 г. с ее акцентом на механизацию пехоты и артиллерии была явно предназначена для модернизации армии путем внедрения техники в войска традиционного типа, а не для радикального изменения вооруженных сил. Одной из причин этого явилось поражение МД на финальных учениях 1934 г, понесенное как раз от традиционной армии, что позволило продолжить курс на перевооружение бронетехникой пехоты и кавалерии, взятый еще в конце 1920-х гг. Все это окажет свое влияние на темп и качество модернизации армии в целом и КТК, как ее части, перед Второй мировой войной.

3.2 Перевооружение и подготовка британских танковых войск к новой мировой войне

В 1935 г. население Великобритании вошло с чувством нарастающей тревоги за мирное существование. В широких слоях общества сохранялось неприятие войны и всего, с нею связанного, что продемонстрировал «Плебисцит мира», проведенный пацифистом, идеологом Лиги Наций и будущим лауреатом Нобелевской премии мира Р. Сесилом. В ходе голосования, целью которого было определить уровень поддержки британцами начинаний Лиги Наций, направленных на поддержание мира и разоружения, а также идеи запрета на производство, разработку и продажу вооружения и всего с ним связанного частными компаниями, 85% участников высказались за сокращение национальных вооруженных сил и 90% за дальнейшее разоружение¹²⁸. Но провал Женевской конференции по разоружению 1934 г. и выход Японии и Германии из Лиги Наций стали сигналом к повороту мира на военные рельсы. Это все больше овладевало умами британских политиков. В проекте Белой книги от 14 февраля 1935 г. наряду с упоминанием приверженности делу мира и разоружения выражалась острая озабоченность перевооружением Германии, и следовало заявление: «В этих обстоятельствах правительство Его Величества считает, что не будет выполнять свои обязанности, если, продолжая в полной мере усилия по достижению мира путем ограничения вооружений, станет откладывать начало шагов по подготовке собственных вооружений для защиты от возможных опасностей»¹²⁹. При этом приоритет в защите империи по-прежнему отдавался флоту, состояние которого оценивалось как удовлетворительное. Основой обороны метрополии все также были КВВС, состояние которых, по мнению военных и политиков, требовало немедленных капиталовложений¹³⁰. Наряду с этим признавалась недостаточной и устаревшей защита Суэцкого канала и заморских баз флота. На армию в этом документе, в первую очередь, возлагались обязанности по защите побережья и обеспечению

ПВО крупных британских городов. Именно на эти цели предлагалось выделять деньги. Что касается танковых войск, то рекомендации ограничивались завершением создания МД и пополнением запасов боеприпасов, признанных недостаточными даже для мирного времени¹³¹. Меньше чем через месяц, 10 марта Германия заявила о создании ВВС, что побудило лидера крупнейшей фракции в парламенте, уже фактического главу правительства С. Болдуина выступить с речью о крайней слабости британской обороны¹³². Ряд современных историков считает ее началом официального перевооружения Великобритании¹³³. Впрочем, выступление Болдуина еще не до конца выражало настрой политической элиты. На нее будущего премьер-министра вдохновила позиция начальников штабов, считавших, что Великобритания может остаться беззащитной в ближайшем будущем¹³⁴. Заявление Болдуина подверглось критике со стороны лидеров оппозиции Г. Сэмюэля и К. Эттли, обвинивших его в предательстве дела мира¹³⁵. Сам Болдуин, оправдываясь, старался не использовать термин «перевооружение», говоря о необходимости лишь «...поднять боеготовность существующих сил для исполнения обязательств по подписанным нами договорам и пактам»¹³⁶, не увеличивая численности вооруженных сил.

Последовавший за этим 16 марта декрет немецкого правительства о введении всеобщей воинской повинности не вызвал в британском руководстве ажиотажа, несмотря на фактическую денонсацию 5-ой части Версальского договора, этим шагом, о чем сообщил народу Германии Гитлер¹³⁷. Англичан по-прежнему больше волновали немецкие ВВС. 22 мая на заседании парламента по вопросам обороны Ллойд Джордж заявил о пугающих даже его темпах их роста, но постарался оправдать Германию, вопрошая собравшихся, кого боится Германия и против кого она вооружается, в ответ слыша крики: «Россия!»¹³⁸. При этом британское правительство пыталось вернуть Германию в русло диалога, веря в возможность договора. В феврале 1935 г. была опубликована так называемая Лондонская декларация, направленная на достижение компромисса с Германией. Одним из основных ее пунктов являлось заключение воздушной конвенции между Великобританией, Францией, Бельгией, Италией и Германией, узаконившей

немецкие ВВС и являвшейся очередным шагом навстречу Германии. Выступая по этому поводу в парламенте, премьер-министр Р. Макдональд заявил: «Результатом конференций в Риме, Париже и Лондоне стала Лондонская декларация... одна из целей переговоров, состояла в том, чтобы свободно вести диалог с Германией и другими державами о военном соглашении, которое займет место военных положений 5-ой части Версальского договора. Если диалог пройдет успешно, большая доля европейских угроз исчезнет. Очевидно, что Лондонская декларация указала, что мы уходим от Версальского режима и вступаем на путь европейских отношений на основе свободных переговоров о безопасности и вооружениях»¹³⁹. Ряд парламентариев, среди которых были Черчилль¹⁴⁰ и О. Чемберлен¹⁴¹, подвергли эти рассуждения критике, вновь указав на огромную опасность, таящуюся именно в воздушном перевооружении Германии.

На этом фоне танковые войска все же получили большие ассигнования, чем в предыдущие годы. В 1935 г. на гусеничные боевые машины было выделено 772 000 £¹⁴², что хоть и на 54 % превышало расходы 1934 г., оставалось скромной суммой. Но даже при незначительном финансировании бронированных войск Монтгоммери-Массингберд в продолжение своей линии по созданию экспедиционных войск, насыщенных бронетехникой и способных помочь Франции, предложил увеличить количество бронетехники в МД¹⁴³. В свете ее неудач, повлекших возвращение к идее оснащения бронетехникой традиционных родов войск, предложение начальника ИГШ подняло вопрос, кто будет контролировать расширяющиеся бронированные силы. Многие кавалерийские офицеры не противостояли бронетехнике, а напротив, желали, чтобы их подразделения перевооружались легкими танками и бронеавтомобилями, обеспечив будущее своему роду войск и контроль над бронетехникой в составе армии. К началу 1935 г. они смогли заручиться поддержкой такого курса. Их сторонники, среди которых были члены АС, привычно апеллировали к кавалерийскому духу и традициям стремительного наступления, позволяющим уланам и драгунам эффективно проводить стремительные рейды с использованием бронетехники¹⁴⁴. Но между кавалерией и КТК, как и в 1934 г., сохранился

нейтралитет. В ИГШ по-прежнему полагали неуместным поглощение одного рода войск другим, отводя перевооруженной кавалерии роль маневренных бронированных формирований, а КТК — тяжелых сил, способных поддержать другие войска и осуществлять самостоятельные действия, включая прорыв обороны противника¹⁴⁵.

Продолжались учения с использованием бронетехники. В планах было проведение маневров с конца августа до середины сентября, а также проведение испытаний для определения организации механизированных кавалерийских полков¹⁴⁶. Гусары 3-го Его Величества кавалерийского полка согласились пройти временную механизацию для испытаний при условии возвращения к лошади, если эксперимент будет неудачным¹⁴⁷. Во время подготовки к маневрам число вспомогательных машин 1-ой танковой бригады сократилось с 217 до 99. Как отмечал Лиддел Гарт, это позволяло мобильным войскам в полной мере реализовать свой потенциал и показать, что механизация не обязательно приводит к созданию невероятно большого технического парка¹⁴⁸. Маневры начались 22 августа с серии коротких учений танковой бригады, первое из которых было воссозданием битвы при Марне. На бригаду была возложена задача проникнуть между наступающими подразделениями «противника» и атаковать их тыловые районы. Танки с легкостью преодолели 50 миль, успешно завершив миссию¹⁴⁹. 26 августа было проведено очередное упражнение по той же схеме. Танки успешно проникли в тыл противника, атаковав артиллерию, после чего совершили удар по основным войскам «противника»¹⁵⁰. Хотя в учениях участвовала танковая бригада, оба упражнения были основаны на кавалерийском опыте.

Заключительное упражнение 1935 г. было наименее интересным, несмотря на то, что было самым большим за десятилетие. Одним из основных изменений по сравнению с предыдущим годом стало появление современного оборудования. Подразделения инженеров, связи, снабжения и большая часть артиллерии были механизированы. Участвующие силы были разделены на две равные группы, состоящие из двух пехотных дивизий, кавалерийской бригады, двух танковых батальонов и вспомогательных войск. Само упражнение не выявило ничего нового.

Два объединения столкнулись лоб в лоб, после чего С. Деверелл, командующий «восточными силами», блокировал один из флангов «противника», атаковав другой. В этих действиях танки лишь поддерживали пехоту¹⁵¹. Упражнения, направленные на исследование механизации кавалерии 1935 г., также нельзя считать интересными. В их ходе, ввиду нехватки бронетехники, личный состав использовал грузовые автомобили. В таком виде гусары должны были выполнять команды и держать строй в движении по пересеченной местности¹⁵². Говоря о причинах эксперимента, финансовый секретарь военного министерства Д. Хакинг заявил: «В настоящее время мы обладаем кавалерийской дивизией и независимой танковой бригадой. Традиционная кавалерийская дивизия непригодна из-за отсутствия скорости и дальности передвижения для сотрудничества с танковой бригадой. Анализируется целесообразность создания мобильного соединения, объединяющего бригаду кавалерии, танковую бригаду и механизированные вспомогательные службы. Такая сила была бы способна к широкому кругу действий»¹⁵³. Депутатами поднимался вопрос малой ценности такого перевооружения. 3-й Гусарский предлагалось вооружить бронеавтомобилями, но учения прошли в намеченной форме¹⁵⁴. Такой подход превращал кавалерию в механизированную пехоту, которую спешиться перед вступлением в бой. В этой роли она проигрывала традиционным пехотным подразделениям. Но командование полка решило, что в новой форме кавалерия получает серьезные преимущества в виде большей скорости и меньшей утомляемости личного состава, а эксперимент предлагалось признать успешным¹⁵⁵.

В сентябре 1935 г. Монтгомери-Массингберд подготовил документ «Будущая организация британской армии», целью которого было «...на широкой основе пересмотреть организацию британской армии с особым вниманием к модернизации полевых сил»¹⁵⁶. Общая концепция документа заключалась в том, что возможный конфликт с Германией будет следовать тем же стратегическим постулатам, что и Великая война. Он начнется немецким вторжением во Францию через Бельгию и Голландию, что увеличит шансы на обход обороны союзников. Монтгомери-Массингберд подчеркнул, что в этих условиях первой линией

обороны должны быть Нижние землиⁿⁿ, могущие служить как базами для атак немецких ВВС против Британских островов, так и для налетов КВВС на Германию. Война должна была пройти в три этапа: очень подвижный начальный этап; более продолжительная статичная война; прорыв и наступление одной из сторон. Мобильность и огневая мощь танковых войск была бы ключевой на первом этапе и в отрывке, напоминающем нарратив Фуллера и Лиддел Гарта, начальник ИГШ писал: «Небольшие силы, которые лучше подготовлены, организованы, оснащены и более мобильны, чем армии континентальных держав, вероятно, будут иметь большее моральное и материальное влияние, чем гораздо более крупные, но менее эффективные соединения»¹⁵⁷. Эти небольшие, мобильные и хорошо вооруженные экспедиционные силы должны были включать: два танковых полка, одну или две механизированные кавалерийские бригады, возможно одну танковую бригаду, две механизированные артиллерийские бригады и вспомогательные войска. МД должна была проводить рекогносцировку и осуществлять беспокоящие удары по вражеским войскам до формирования основных сил, после чего ей отводилась защита флангов, захват важных позиций и сотрудничество с остальными войсками путем проведения обманного маневра или участия в наступлении. Кроме бронетехники, входившей в МД, Монтгомери-Массингберд планировал иметь четыре армейских танковых батальона: по одному на пехотную дивизию в войсках «первой волны». Эти батальоны, вооруженные хорошо бронированными, медленными пехотными танками, предназначались для поддержки пехоты. При этом, как и в предыдущих документах ИГШ, выпущенных после учений 1934 г., кавалерии, и вооруженной бронетехникой, и традиционной, отводилась роль разведки, стремительных фланговых атак, тыловых операций и развития успеха после прорыва обороны противника механизированной пехотой при поддержке механизированной артиллерии и КТК¹⁵⁸. Предполагая, что мобильная фаза не будет решающей, Монтгомери-Массингберд прогнозировал статическую фазу,

ⁿⁿ Нижние земли — прибрежный район на северо-западе Европы, состоящий прежде всего из Нидерландов и Бельгии, а также низин находящаяся в дельте рек Рейн, Маас, Шельда и Эмс, где большая часть суши находится на уровне моря или ниже уровня моря. [Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Low-Countries> (дата обращения: 01.02.2017).]

аналогичную окопной войне после 1914 г. В течение этого периода, длящегося 8 — 12 месяцев, пока численность и мощь британской армии будут значительно увеличены за счет территориальных сил и производства новейших танков, войска будут оставаться в обороне, участвуя в тактических наступлениях¹⁵⁹, после чего армия должна перейти в стратегическое наступление, где роль тысяч орудий Великой войны отводилась танкам и ВВС¹⁶⁰. Начальник ИГШ признавал бесперспективность наступательных методов Великой войны и ценность танков при поддержке пехоты и в самостоятельных операциях. В целом, его взгляды представляли сочетание прогрессивных и традиционных идей.

По мнению Р. Ларсена, проект начальника ИГШ явился свидетельством его прогрессивных взглядов¹⁶¹. Но ключевым в нем был традиционный для британских военных посыл — не спешить с оснащением армии бронетехникой. Монтгомери-Массингберд полагал, что в случае войны будет достаточно времени для оснащения войск новыми образцами танков, а поспешная механизация есть синоним пустой траты денег, грозящей оставить армию с устаревшей техникой, и резюмировал этот постулат словами: «Я совершенно убежден, что мы должны производить [танки] в ограниченном объеме <...> одновременно продолжая эксперименты.... Если же война замаячит на горизонте, мы сможем сразу приступить к производству новейших моделей»¹⁶². Тем самым начальник ИГШ повторял высказывания Черчилля и иных военных и политиков, сделанные за последние 15 лет, упуская из виду особенности экономики, производства и разработки техники.

15 октября Монтгомери-Массингберд представил АС предложение по составу МД. В отличие от прошлого года, он предложил реорганизовать механизированную кавалерийскую бригаду в две меньшие бригады, что должно было сделать ее более гибкой и позволить сохранить баланс войск в стране и за рубежом согласно системе Кардвелла¹⁶³. 18 декабря АС объявил о решении как можно скорее сформировать МД, механизировав восемь кавалерийских полков, необходимых дивизии, по трем типам: танковые полки, моторизованные кавалерийские полки и легкотанковые полки¹⁶⁴. Vickers-Armstrong Ltd. закончил

поставки 14 заказанных ему в прошлом году легких танков¹⁶⁵, что позволяло надеяться на хотя бы частичное вооружение создаваемых и реорганизуемых подразделений бронетехникой. Для дальнейшего снабжения этих формирований бронетехникой военное министерство заказало Vickers-Armstrong 51 новейший легкий танк Mk. VI. Этот концерн был выбран в силу более быстрого выполнения заказов, чем Королевский арсенал в Вулвиче¹⁶⁶.

Новый статус, приданный этим решением танковым войскам, был подтвержден пересмотром полевого устава в последней предвоенной редакции 1935 г. Описание действий танков хоть и не отличалось радикально от предыдущего издания, изображало их в более сильных терминах. В характеристике танковых бригад говорилось: «Широкий спектр действий и мобильность танковых бригад часто дают им возможность для неожиданных маневров и ударов не только по флангам противника, но и по его штабам и тылам. Даже сама угроза их нападения может парализовать или затруднить передвижение противника, вынудив его использовать чрезмерную долю войск для защиты флангов и тыла»¹⁶⁷. Про армейские танковые батальоны говорилось: «Они необходимы для разрушения проволочных заграждений и уничтожения или нейтрализации пулеметов. Они являются ценным подспорьем для получения преимуществ и первоначального успеха в атаке»¹⁶⁸. Бронетехнике в целом отводилась большая роль, чем в прежние годы. Но эти перемены не означали изменения основных стратегических доктрин армии. Решительный маневр на поле боя описывался в менее резких выражениях, чем прежде. Теперь он обозначался, как «обычно решающий акт в сухопутной войне». Также признавалось, что «иногда может случиться так, что успешный маневр позволяет достичь цели без серьезных боевых действий»¹⁶⁹.

В 1936 г. международная обстановка продолжила накаляться. Гитлер объявил Локарнские договоренности нарушенными после ратификации французской Палатой депутатов 27 февраля советско-французского пакта о взаимопомощи, а 7 марта министр иностранных дел Третьего Рейха К. Нейрат передал послам Великобритании, Франции, Бельгии и Италии меморандум, гласивший: «В

интересах естественного права народа защищать свои границы и сохранять свои средства обороны, германское правительство восстановило с сегодняшнего дня полную и неограниченную суверенность империи в демилитаризованной Рейнской области»¹⁷⁰. В правящих кругах Великобритании крепко опасение за безопасность страны. Новый военный министр А. Дафф Купер боялся нехватки личного состава в действующей армии в случае обострения международной обстановки¹⁷¹. Эти опасения поддержал опыт подавления волнений в Палестине в 1936 г., когда 2 265 из 3 000 человек резерва были переброшены для усиления войск, участвовавших в умирении местных жителей. Практически полностью задействованный резерв сделал невозможным быстрое наращивание сил в регионе¹⁷². В случае обострения обстановки в другой части Ближнего Востока британские войска остались бы без поддержки на достаточно долгое время. В этих условиях бронетехника делалась еще более значимой, но большая часть из 55 881 000 £, выделенных армии¹⁷³, была потрачена на механизацию традиционных родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии. КТК, основному танку которого – Medium Mk. I/II исполнилось 12 лет, досталось лишь 842 000 £¹⁷⁴. Лиддел Гарт критиковал эту ситуацию, говоря: «Прогресс, достигнутый в последнее время армией, в основном направлен на повышение мобильности других вооружений. Это контрастирует с последней зарубежной тенденцией, где предпринимаются усилия по созданию “механизированных” дивизий в полном смысле этого слова, в основном состоящих из боевых бронированных машин. У нас же имеется лишь одна танковая бригада, не полностью оснащенная современными легкими танками и не имеющая средних танков»¹⁷⁵.

В начале 1936 г. Ж. Мартель был назначен помощником директора по механизации армии¹⁷⁶. Как писал Дж. Харис: «Мартель был склонен к использованию большого числа небольших и простых боевых машин. Он считал, что противнику будет сложнее справиться с ними, чем с небольшим количеством дорогих средних танков»¹⁷⁷. Он был сторонником разделения танка на пехотный и кавалерийский, полагая, что армии всегда состояли из двух родов войск. «Были легкие и подвижные войска, – писал Мартель, – в обязанности которых входил

контакт с противником, а затем обход его флангов и тыла. Это роль кавалерии. Но было нужно и медленно двигаться, сильнее бить по войскам, атакуя оборону противника. Это роль пехоты. Мы поняли, что танки будут необходимы в обеих ролях: быстрые танки в качестве легкой кавалерии и тяжелые для более медленной роли... помощи пехоте»¹⁷⁸.

В мае 1936 г., протестуя против дискриминации армии в ходе перевооружения, начальник ИГШ Монтгомери-Массингберд ушел в отставку¹⁷⁹. Его сменил фельдмаршал С. Деверелл, бывший начальник ИГШ Индийской армии¹⁸⁰ Лиддел Гарт, будучи скептически настроен по отношению к нему¹⁸¹, сохранил такое отношение и в будущем. Из-за общей политики перевооружения армии Лиддел Гарт не видел различий между Монтгомери-Массингбердом и Девереллом. В 1959 г. он писал: «Отвечавшие в конце 1930-х годов за британскую армию не имели такого четкого видения будущей войны, как их предшественники в 1927 году, и упустили возможность разработки новых войск в стремлении сохранить и обновить старые»¹⁸². Еще одно организационное изменение было объявлено в июле, когда Дафф Купер назначил вице-адмирала Г. Брауна новым Генеральным директором производства боеприпасов (Director-General of Munitions Production) для координации и ускорения производства армейского оборудования, в том числе бронетехники¹⁸³. Выбор военно-морского, а не армейского офицера был обусловлен опытом работы Брауна с промышленностью¹⁸⁴. Также в мае Королевский арсенал в Вулвиче наконец передал военному министерству 12 из 14 легких танков Mk. IV, заказанных ему 2 года назад. Отставание от Vickers-Armstrong объяснялось приоритетом заказов ВВС и флота¹⁸⁵.

Тренировочный сезон 1936 г. не отличался продуктивностью для КТК. Обучение проходило на уровне подразделений отчасти потому, что войска ожидали новое вооружение. Лиддел Гарт сообщал, что 1-я танковая бригада была настолько ослаблена выходом из строя старой техники, что могла проводить только ротные учения¹⁸⁶. Продолжилось изучение возможностей механизации кавалерии. Новый командир 3-го Его Величества гусарского кавалерийского полка бригадный генерал У. Хейдеман пришел к выводам, противоречащим прошлогодним,

утверждая: «В случае подобной моторизации кавалерии она лишь уступает мобильной пехоте, но, если кавалерия механизирована легкими танками, она может продолжать играть старую роль, поддерживая войска в атаке»¹⁸⁷. Этот доклад поддерживал доводы депутатов в пользу вооружения кавалерии бронетехникой, звучавшие в прошлые годы. В результате АС решил преобразовать все механизированные кавалерийские соединения в легкотанковые, а механизированные кавалерийские бригады МД в два легкотанковых полка и один механизированный стрелковый батальон, проверка которых была запланирована в ходе учений 1937 г¹⁸⁸.

Активно интересующийся танками других стран Мартель и генерал-майор П. А. Уэйвелл в сентябре 1936 г. посетили СССР, побывав на больших маневрах в Белорусском военном округе. Наибольшее впечатление на них произвел танк БТ, основанный на модели американского инженера Кристи. Мартель попытался получить такой танк¹⁸⁹. Покупка советской машины оказалась невозможна, поэтому он договорился с Кристи, выкупив последний его прототип за 8 000 \$ и вывезя его контрабандой из США. Поскольку вследствие загруженности ни одна из фирм не бралась за разработку крейсерских танков, Мартель и директор по механизации генерал-майор А. Э. Дэвидсон вступили в контакт с концерном Р. Морриса, и лорд Наффилд согласился создать компанию Nuffield Mechanization для этой цели¹⁹⁰.

В конце 1936 г. военный министр представил меморандум о готовности армии к возможной войне, в котором предлагал отказаться от системы Кардвелла, апеллируя к изменившейся военно-политической и экономической ситуации, в которой она мешала модернизации войск. В ходе реорганизации армии министр предлагал сократить британские войска в Индии, насчитывавшие без малого 100 000 человек¹⁹¹, создать за их счет силы для метрополии и Ближнего Востока, а также пересмотреть полковой принцип организации войск. Реформа должна была пройти поэтапно. К середине 1937 г. предлагалось оснастить две дивизии экспедиционных сил. Дафф Купер говорил о необходимости ускорить механизацию кавалерийских частей, соглашаясь с решением АС о перевооружении

их легкой бронетехникой. Согласно его плану восемь кавалерийских полков преобразовывались в четыре полка легких танков, необходимых для двух механизированных кавалерийских бригад и четырех отдельных механизированных кавалерийских полков. Кавалерийские бригады должны были состоять из двух легкотанковых полков и одного механизированного пехотного батальона. При модернизации КТК танковая бригада перевооружалась новыми танками, и формировались три армейских танковых батальона. В 1938 г. планировалось сформировать еще одну дивизию полевой армии, в силу дефицита ресурсов изначально планируемую недоукомплектованной. Полностью модернизировать армию планировалось к середине 1939 г. Части ПВО и артиллерии могли окончить перевооружение к 1942 г., когда вооруженные силы будут готовы к войне¹⁹². План встретил сопротивление Н. Чемберлена, назвавшего экспедиционные силы тратой денег и поддерживавшего Тренчарда в обеспечении безопасности метрополии КВВС¹⁹³. Против резкого повышения расходов на армию выступил и С. Болдуин, повторивший в парламенте свою мысль 13-летней давности, что общество не простит правительству значимый рост оборонных расходов¹⁹⁴. В результате кабинет предложил отложить решение о модернизации армии, отправив его на изучение в Комитет начальников штабов¹⁹⁵.

На этом фоне осенью 1936 г. армия разработала самую амбициозную программу танкостроения со времен Великой войны. Написанная Девереллом и подписанная Дафф Купером, она была представлена Подкомитет по оборонному планированию 19 октября. В ней говорилось о том, что на вооружении Великобритании стоит всего 209 легких и 166 средних танков, большинство из которых являются устаревшими, а, кроме Light Tank Mk. VI A, новых моделей танков нет и не предвидится в ближайший год. Ситуация осложнилась недавним созданием двух новых классов танков: пехотных и крейсерских. Был произведен только один пехотный танк, проходивший испытания, а крейсерский даже не сошел с чертежной доски. Не хватало не только техники в войсках. Не было новых моделей танков, готовых к производству. Деверелл возложил вину на недостаток

финансирования, политику правительства и смерть конструкторов^{oo}, упомянув, что на разработку новых танков в 1930-е гг. выделялось от 22 500 до 93 750 £ в год в то время, как выпуск одного экземпляра в среднем обходился в 29 000 £. Нехватка средств привела к передаче разработок двум организациям: Vickers-Armstrong и Королевскому арсеналу в Вулвиче, которые могли позволить себе содержать лишь малый штат конструкторов. Ежегодно выделяемых средств едва хватало для этих подрядчиков, а заинтересовать другие фирмы, не дав гарантии заказов, было невозможно¹⁹⁶. В этой ситуации создатель всемирно известных образцов британской бронетехники, технический директор Vickers-Armstrong Ltd. Дж Карден даже предлагал совсем отказаться о разработки новых танков, что позволило бы концерну сэкономить «огромную» сумму в 13 000 £ в год¹⁹⁷.

При этом начальник ИГШ не упомянул о позиции многих военных, включая своего предшественника, считавших, что в случае необходимости количество танков удастся резко увеличить после 10 лет «анабиоза». Для исправления ситуации Деверелл предложил произвести 2 030 танков, необходимых для армии, включая резерв. Из них 600 были пехотными, 680 легкими танками, а остальные крейсерскими. Это позволило бы Великобритании обогнать по числу танков Францию и Германию, отставая лишь от СССР¹⁹⁸. Несмотря на впечатляющие цифры, число пехотных и легких танков, составлявших большую часть будущих машин, свидетельствовало о продолжавшейся приверженности командования интеграции бронетехники в традиционные рода войск путем «подгонки» ее характеристик под эти войска. Деверелл отметил, что 70 имеющихся легких танков являются лучшими подобными машинами в мире, и выразил уверенность в лидерстве Великобритании если не по количеству и качеству танков, то по уровню подготовки и духу личного состава¹⁹⁹. После подачи 19 октября военным министром этого документа на рассмотрение в межведомственный комитет казначейства, он был одобрен частично. Санкционирован был заказ 100 легких

^{oo} Конструктор Дж. Карден бывший «отцом» образцов бронетехники, принятых на вооружение во многих странах мира, погиб в авиакатастрофе возле г. Татсфилд, графство Суррей 10 декабря 1935 г.

танков Mk. VI A, для размещения которого вновь были выбраны мощности Vickers-Armstrong, как более расторопного производителя²⁰⁰. Словно подтверждая это, в конце октября Королевский арсенал выпустил два последних легких танка модификации Mk. IV из четырнадцати, заказанных весной 1934 г²⁰¹. В докладе военного министерства это было прокомментировано следующим образом: «Невозможно заинтересовать другие фирмы (кроме Виккерс), без гарантии последующих крупных заказов»²⁰². Впрочем, в конце года военным удалось договориться с производителем паровозов Vulcan Ltd. о изготовлении 107 легких танков Mk. VI A²⁰³. Взяв это заказ завод Vulcan Ltd. надеялся выйти на набирающий обороты оружейный рынок и доказать свою состоятельность в производстве военной техники.

На фоне сложностей с размещением заказов для сухопутных войск и особенно для КТК, межведомственный комитет казначейства крайне скептически относился к запросам военных. Особенно неохотно казначейство одобряло заказы танков для создания резерва. Финансовые чиновники обещали их разрешить не раньше 1939 г., когда ситуация с производством должна была наладиться. Казначейство прямо обвиняло военных в завышении возможного уровня потерь для получения дополнительного финансирования²⁰⁴.

9 февраля 1937 г. КОИ составил отчет: «Сравнение сил Великобритании с некоторыми другими странами по состоянию на май 1937 года». В нем указывалось, что к маю, когда линия Мажино будет закончена, Германия, если она не произведет тайную постройку массы тяжелых танков, не будет иметь сил для ее прорыва, из чего делался вывод, что немецкий Генштаб, понимая бессмысленность, не развяжет войну на западе²⁰⁵. При оценке британских танковых войск КОИ указывал, что при создании экспедиционных сил армия сможет предоставить лишь две дивизии со 100% дефицитом легких танков в них и подразделение ПВО²⁰⁶. Что касается остальных соединений, то 1-ая дивизия КТК имела на вооружении устаревшие Medium различных модификаций и новые легкие танки, первый из трех запланированных армейских танковых батальонов только начинает формироваться и не имеет танков²⁰⁷.

Планы по перевооружению на 1937 г. отражали эти проблемы. Армии было выделено 63 000 000 £²⁰⁸, но как и в прошлом году большая их часть шла на перевооружение традиционных родов войск. На механизацию отводилась рекордная сумма в 6 300 000 £, но почти вся она предназначалась артиллерии и пехоте²⁰⁹. Хотя сторонники танков критиковали это решение²¹⁰, у армии фактически не было выбора, поскольку за исключением легкого танка Mk. VI A у нее не было модели для производства. После закрытия в 1932 г. разработки среднего 16-тонного танка была начата разработка более дешевых танков A7, A9 и A10. Они существовали в качестве опытных образцов и считались неудовлетворительными: имелось множество ошибок проектирования, а малая мощность серийных гражданских двигателей обеспечивала низкую скорость либо слабое бронирование. Военные считали, что ни одна из этих моделей не будет готова к производству до 1938 г. Опытная модель двухместного танка, известная как A 11 или пехотный танк Mk. I, существовала, но требовала множества доработок²¹¹. Дафф Купер понимал, что имеющееся количество танков совершенно недостаточно. В своем меморандуме от 23 апреля он отмечал недостаток боеприпасов для обучения танкистов территориальных войск, что в случае войны танков не хватит даже для вооружения одного танкового батальона территориальной армии, а для отправки на континент двух танковых дивизий придется оставить все войска без учебной техники. С учетом того, что в британской армии на роль учебной техники традиционно определялись старые и изношенные образцы, отправка их на фронт была бы скорее жестом отчаянья. Для решения хотя бы части этих проблем Дафф Купер предложил ускорить перевооружение регулярной армии, потратив на него 204 609 000 £, выделив на территориальную армию 9 284 000 £, впрочем значительная часть средств предназначалась ПВО. Закончить модернизацию планировалось к апрелю 1940 г, после чего требовалось еще 43 381 000 £ для вооружения и подготовки территориальных войск²¹². Предложение встретило противодействие Чемберлена, обвинившего министра в непомерных запросах²¹³. Что касается среднего танка, то Дафф Купер признавал неудачу, постигшую британцев при его разработке, однако заявил, что другие

страны находятся в том же положении, что несколько «подслащивает горькую пилюлю»²¹⁴.

В мае 1937 г. Чемберлен сменил Болдуина на посту премьер-министра, что вызвало перестановки в правительстве. Дафф Купер стал первым лордом адмиралтейства²¹⁵. Сам он считал это расплатой за непримиримый курс на модернизацию и механизацию армии, вызвавшей недовольство казначейства²¹⁶. Кресло военного министра занял Л. Хор-Белиша, энергичный политик, преуспевший в роли главы министерства транспорта. Уходя, Дафф Купер предупредил преемника, что его национальность может стать проблемой²¹⁷. Но по свидетельству современников больше недоброжелателей ему приносили невнимание к чувствам окружающих²¹⁸, эгоизм и тщеславие²¹⁹. Многие недолюбливали нового министра. Политики считали его выскочкой, а военные отлично помнили выступления за сокращение военного бюджета, сделанные им в роли финансового секретаря военного министерства²²⁰. Впрочем некоторые, как генерал Э. Айронсайд воспринимали назначение Хор-Белиша с энтузиазмом, называя его «спасителем»²²¹. Как и многие военные министры до него, Хор-Белиша слабо разбирался в военных делах, особенно вооружении и несении службы²²². В этих вопросах он полагался на мнение советников²²³. Именно на этой почве сблизились новый министр и Лиддел Гарт²²⁴. Они встретились 18 августа, и в течение следующих 10 месяцев общались друг с другом почти ежедневно, а в периоды кризиса-несколько раз в день²²⁵. Однако Лиддел Гарт сетовал, что не мог оказать должного влияния на Хор-Белиша, в чем винил армейских консерваторов²²⁶.

Первые учения с использованием танков при новом министре не поражали новизной. Их темой была «проблема наступательного боя» с акцентом на пехотные атаки при поддержке танков, ночные маневры и стрельбы. Учения проводились на уровне бригад и дивизий, не имея большого значения для старших командиров, а танки осуществляли поддержку пехоты, подчиняясь ей. По плану войска в составе четырех пехотных дивизий и МД действовали против «противника» по фронту шириной в 40 миль. Командующий генерал Э. Айронсайд планировал выдвинуться

вперед широким фронтом, опрокинув «вражеские» войска, а затем отправить МД нанести удар по их тылам. Но условный противник отошел до начала атаки, и Айронсайд просто последовал за ним в походном порядке, после чего развернул МД и предпринял фланговый маневр с помощью пехотной дивизии. Айронсайд и командир МД подверглись серьезной критике за подобное управление войсками²²⁷.

По окончании учений в Лондоне состоялось собрание командного состава под председательством Деверелла, в ходе которого с речью о механизации и танковых войсках выступил Мартель. Это выступление интересно тем, что в нем высокопоставленный офицер, традиционно характеризуемый как наиболее прогрессивный представителя своей среды и последовательный сторонника танка, озвучил актуальные тенденции механизации британской армии. В своей речи помощник директора по механизации отметил сохранившуюся необходимость в поддержке танковых войск моторизированной кавалерией и пехотой. При этом он сообщил собравшимся, что в данный момент армия видит танки разделенными на скоростные легкие кавалерийские и медленные, тяжело бронированные пехотные, отметив: «В настоящее время они представлены главным образом на бумаге»²²⁸. Он добавил, что, несмотря на мнение ряда офицеров, хотел бы видеть в армии тяжелый танк прорыва, необходимость в котором назрела и совпала с возможностью разработать и произвести его²²⁹. Помощник директора отменил обвинения в медленном перевооружении КТК, заметив: «Поскольку мы живем и обучаемся в стране, которая исключительно закрыта и огорожена, то эти тенденции естественны»²³⁰. Что касается имевшихся танков, то Мартель заявил, что англичане, как и прежде, имеют лучший в мире легкий танк, который скоро будет закуплен в необходимых количествах²³¹. По поводу среднего танка оратором был признан полный провал, в котором он обвинил финансовую строгость, указав, что «вероятно лучший экспериментальный средний танк в мире» был скопирован СССР^{PP}. Что касается бронеавтомобилей, то Мартель признал, что в 1937 г. их роль

^{PP} Мартель имел ввиду советский танк Т-28, на создание которого, в некоторой степени, советских конструкторов вдохновил британский экспериментальный «16-тонный». Но Т-28 не являлся копией британского, подобно Т-26, а был полностью самостоятельной разработкой, объединенной с британским «коллегой» лишь концепцией среднего танка с одной оружейной

на континенте ограничена сопровождением колонн обеспечения и разведкой, но в колониях эта техника востребована, как дешевая и надежная замена танку²³².

К осени у военного министра и начальника ИГШ сложились сложные отношения, основанные на противодействии последнего созданию полноценных механизированных экспедиционных сил. Деверелл полагал, что, решившись на захват Франции, Гитлер сконцентрирует против линии Мажино все ВВС и танковые войска, что позволит ему стремительно разгромить французскую армию, не дав англичанам времени на переправку экспедиционных сил²³³. 1 октября министр поднял вопрос о замене Деверелла и нескольких членов АС, среди которых был генерал-адъютант Г. Нокс и начальник управления по вооружению, чьи полномочия передавались гражданскому лицу. 23 ноября Хор-Белиша проинформировал Чемберлена о своих планах, получив одобрение, а 30 ноября, заручившись поддержкой короля, он направил Девереллу и Ноксу письма с предложением об отставке. Несмотря на то, что отправленные в отставку полагали, что причиной стала их недостаточная приверженность механизации, проповедуемой Лиддел Гартом, реальной причиной стало желание Хор-Белиша избавиться от неудобных людей. Но для общественности это было представлено как омоложение верхушки армии²³⁴. В качестве нового начальника ИГШ военный министр выбрал своего военного секретаря Горта, которого характеризовал, как «наиболее активного человека из всех известных ему военных»²³⁵. Лиддел Гарт говорил о других причинах этого назначения. «Горт, – писал он в мемуарах, – человек, способный к действиям без вопросов, верны ли они»²³⁶. В результате

башней и двумя пулеметными. К концу 1930-х гг. она была признана ошибочной, а советско-финляндская война продемонстрировала недостаточность противопульного бронирования, вызвав модернизацию танков до версии Т-28 Э, путем установки экранов на уязвимых местах танка [Иринчеев Б. Танки в Зимней войне. М.: Тактикал Пресс, 2013. С. 179]. К концу 1930-х гг. производство Т-28 сворачивалось, а на смену им приходили новые танки. Что касается знаний британцев о Т-28, то в 1937 г. они были весьма поверхностны. Подробную информацию о устройстве советского танка они смогли получить только в 1939 г., после исследования захваченных финнами танков в ходе советско-финской войны 1939—1940 гг. и допроса британскими военными специалистами командира 90-го танкового батальона РККА капитана Н. В. Янова, попавшего в плен к финнами и согласившегося на полное сотрудничество в целях улучшения условий проживания [Edwards R. The Winter War: Russia's Invasion of Finland, 1939—1940. N. Y.: Pegasus Books, 2009. P. 193].

средний возраст АС сократился на 11 лет, что соответствовало идеям Фуллера и Лиддел Гарта об омоложении командного состава. После снижения предельного возраста генералитета до 60 лет, повлекшего уход на пенсию сразу 13 высших офицеров²³⁷, Лиддел Гарт заявил, что армия наконец перешла в руки молодых офицеров, не отягощенных последствиями Великой войны²³⁸. Начальник оперативного управления ИГШ Г. Пауналл записал в своем дневнике: «Хор-Белиша начал формировать новую армейскую политику»²³⁹.

Изменения, вызванные чисткой 1937 г., были необходимы, но не способствовали привлечению танковых экспертов на ключевые позиции в военном ведомстве. Горт, пехотинец, считавшийся не чуждым инновациям, не имел опыта командования бронетехникой. Назначенный им осенью новый командир МД А. Брук, хотя и заведовал боевой подготовкой в военном министерстве, по образованию был артиллеристом. Частично это компенсировалось тем, что Мартель, как помощник директора по механизации, и Хобарт, командовавший бронированным соединением в Египте, занимали важные места в армейской структуре. Но Лиддел Гарт полагал иначе. Не считаясь с реальностью, он призывал наполнить военную верхушку своими единомышленниками, расценивая иное как козни противников танка²⁴⁰. К началу 1938 г. сотрудничество Хор-Белиша и Лиддел Гарта сошло на нет, несмотря на попытки последнего возобновить общение. Вероятно, сыграло роль постоянное вмешательство Лиддел Гарта в процесс назначения и отбора кандидатов на высшие посты в армии²⁴¹.

Механизация армии продолжалась, и в октябре военный министр выпустил меморандум, в котором объявил, что переоснащение кавалерии легкими танками должно завершиться к 1 апреля 1939 г. Но кардинальных изменений в структуре армии не произошло²⁴². 12 ноября комитет начальников штабов подготовил рапорт о состоянии британских вооруженных сил. В нем говорилось, что в случае войны Великобритания сможет отправить на континент две дивизии, в составе которых будут полк броневедомств и легкотанковый батальон, к которым через три месяца сможет присоединиться кавалерийский полк, вооруженный легкими танками. Что касается остальных танковых подразделений, то 1-я бригада КТК

будет оснащена устаревшими средними танками, не пригодными для войны, два армейских танковых батальона в метрополии не будут вооружены танками, 3-й будет в процессе формирования в Египте, а 4-й будет создан в мае 1938 г., но вооружение для них не будет произведено до 1939 г.²⁴³. ИГШ попытался подчеркнуть важность производства бронетехники в глазах правительства, описав угрозу для Египта со стороны итальянских сил в Ливии, но У. Фишер, заместитель канцлера казначейства, отклонил идею войны в пустыне как «просто глупую»²⁴⁴.

В 1937 г. расходы на армию выросли на 47 % до 82 174 000 £, а доля, выделенная на гусеничную технику, включая танки, увеличилась на 330 %, составив 3 625 000 £²⁴⁵, результатом чего стала самая массовая со времен Первой мировой войны закупка танков. Военное министерство заказало 416 новых легких танков VI В, 50 пехотных танков Mk. I и 60 крейсерских А9 Mk. I, выпуск которых был начат ввиду неготовности танка с подвеской Кристи, разработку которого инициировал Мартель. Сами военные считали, что им необходимо 435 крейсерских танков и 548 пехотных²⁴⁶. Для ускорения производства были задействованы новые производственные мощности: North British Locomotive and agricultural vehicle engineers, Ruston & Hornsby, Vulcan Foundry и John Fowler, но недостаток на этих предприятиях специалистов и опыта по выпуску танков не позволяли рассчитывать на быстрый эффект²⁴⁷.

На этом фоне неизменными оставались основные задачи британских вооруженных сил. На первом месте стояла защита морских коммуникаций и баз флота и лишь потом шла защита воздушных и сухопутных рубежей Великобритании. К иным целям относились поддержание порядка в империи, выполнение обязательств на континенте и защита интересов короны в Китае, Египте и иных странах²⁴⁸. При этом британское руководство продолжало придерживаться стратегии невмешательства в возможный европейский конфликт. 22 декабря 1937 г. на заседании кабинета Хор-Белиша заявил, что Франции не стоит смотреть на Англию как на поставщика живой силы и рассчитывать на масштабную помощь в случае войны²⁴⁹.

В феврале 1938 г. министр по координации обороны Т. Инскип предложил пятилетнюю программу оборонных расходов, требовавшую 1 650 000 000 £. Понимая, что сумма⁹⁹, превышающая 1 500 000 000 £, обозначенные казначейством как максимум пятилетних расходов, который сможет выдержать страна²⁵⁰, вызовет протест членов правительства и премьер-министра, Инскип изложил методы снижения расходов. Одним из них была экономия на танковых войсках, достигаемая уменьшением числа закупаемых танков, и закупка легких, более дешевых танков, что позволяло сократить расходы более чем на 7 000 000 £. Кроме того, Инскип предлагал значительно сократить и без того небольшие запасы танковых снарядов, уменьшив их закупки, что давало еще более 4 000 000 £ экономии²⁵¹.

Весна 1938 г. усилила напряженность. В марте состоялся аншлюс Германией Австрии и первый чехословацкий кризис. Несмотря на то, что, выступая в парламенте, Чемберлен фактически отказал Австрии и другим «малым и слабым государствам» в помощи Великобритании и Лиги Наций²⁵², аншлюс и события в Чехословакии продемонстрировали, что война может разразиться в любой миг. СССР и Франция заявили о готовности оказать поддержку Чехословакии, в соответствии с советско-французским договором от 2 мая 1935 г.²⁵³ и советско-чехословацким договором от 16 мая 1935 г.²⁵⁴. В этой обстановке Хор-Белиша выпустил меморандум, призвав ускорить перевооружение армии. Но основной упор в этом документе делался на ПВО, а бронетехника шла далеко не первым пунктом после казарм и обмундирования²⁵⁵. 20 марта КОИ подготовил доклад, согласно которому по сравнению с прошлым годом Вермахт значительно нарастил силы, увеличив число танковых дивизий до четырех, а число танков в них с 400 до 600, также создав до 32 танковых батальонов, объединенных с пехотными дивизиями, имевших на вооружении до 200 танков. При этом делался вывод о том, что такое число войск близко к максимуму, который способна выдержать немецкая экономика в мирное время без социальных протестов²⁵⁶.

⁹⁹ ВВП Великобритании за 1938 г., составил 5 502 000 000 £. [United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2017).]

События в Европе позволили военным потребовать от казначейства пересмотра отклоненных ранее программ. В результате армия получила разрешение на механизацию еще двух кавалерийских полков²⁵⁷ и пересмотр структуры механизированных кавалерийских полков и танковых батальонов. 2 мая 1938 г. военное ведомство направило в межведомственный комитет казначейства план закупки техники, представлявший собой проект перевооружения двенадцати кавалерийских полков легкими танками, замены легких и средних танков в танковой бригаде на легкие и крейсерские, создания батальона крейсерских танков в Египте, на оснащение которого планировалось потратить 50 000 £, расширения одного армейского танкового батальона в составе экспедиционного корпуса до трех, оснащенных пехотными танками, и расширение КТК до восьми батальонов, способных к самостоятельным операциям и поддержке войск. Общее количество танков, включая резервы, должно было составить 2 256, из которых 1 331 легкие танки, 551 крейсерские танки, включая новые А 13, на базе подвески Кристи, и 340 пехотные танки Mk. I и Mk. II²⁵⁸. Часть легких танков, замененных на крейсерские должны были передать Королевской артиллерии в качестве мобильных наблюдательных пунктов. При этом новые крейсерские танки планировались к закупке до полного окончания испытаний, в связи с чем было предложено заказать 165 этих машин, отложив дальнейшие поставки до получения отзывов от военных. Что касается пехотного танка Mk. I, то на его доработку за прошедшие годы было потрачено почти 5 000 000 £ и военное министерство было готово закупать эти машины в необходимом количестве²⁵⁹. В ходе обсуждения изначальная сумма, необходимая для оснащения войск техникой, включая танки и запасные части, была снижена с 25 110 050 £ до 19 772 800 £. Сделано это было за счет сокращения планируемого резерва техники до 100 %, вместо 150—160% запрошенных военным министерством²⁶⁰. В рекордные сроки, 4 мая, межведомственный комитет казначейства одобрил эту программу²⁶¹. Но одобрение казначейства не означало исполнение плана. К началу 1938 г. британская промышленность совершенно не справлялась с военными заказами, отдавая предпочтение нуждам КВВС и флота²⁶², а в дополнении к танкам казначейство одобрило заказ 1 141 единицы легкого

бронированного транспортера Universal Carrier, предназначенного для разведки, снабжения, эвакуации раненых и установки на них противотанковых ружей²⁶³. Эта техника, производившаяся на тех же заводах, что и танки, имела более высокий приоритет в силу универсальности, что еще больше загружало производство.

Второй чехословацкий кризис, завершившийся тем, что в советской историографии справедливо называлось мюнхенским сговором, в ходе которого сторонники умиротворения уговаривали Чехословакию «совершить самоубийство, чтобы избежать убийства»²⁶⁴, продемонстрировал как нежелание Чемберлена, признававшего, в официальной переписке с Гитлером, его права на чехословацкие земли²⁶⁵, начитав войну, так и ее неизбежность. Хор-Белиша предложил увеличить военные расходы, но его поддержал лишь Дафф Купер, предложивший мобилизовать флот в знак готовности если не выполнить международные обязательства, то хотя бы защищаться. Остальные члены правительства, включая премьер-министра, предложили исходить из финансовых реалий, ставя экономику выше вооруженных сил²⁶⁶. Двумя днями позже комитет начальников штабов доложил правительству свое видение обстановки в Европе. Высказывая озабоченность балансом сил в случае войны на континенте, когда против Великобритании, Франции и, возможно, СССР выступят Третий Рейх, Италия и Япония, военные предлагали выделить средства для усиления армии, направив экспедиционные силы во Францию и на Ближний Восток, отметив, что почти все планы по увеличению сухопутных войск последних лет остались на бумаге, а в реальности они могут предоставить для этого лишь две дивизии, как в прошлом году²⁶⁷. Между тем, французское правительство считало, что отправка двух британских дивизий на континент в случае войны будет скорее обозначением поддержки, чем реальной помощью, и настаивало на большем количестве войск, вооруженных бронетехникой²⁶⁸. В этой ситуации даже Чемберлен осторожно заговорил о том, что темпы перевооружения армии нельзя снижать²⁶⁹, что, впрочем, не мешало ему надеяться на мир с Гитлером, который «не обманет тех, с кем договаривается» и «сдержит данное слово»²⁷⁰. После чехословацкого кризиса Дафф Купер подал в отставку, призвав готовиться к неминуемой войне, формируя

экспедиционные войска, и заявил: «Господин премьер-министр считает, что с Гитлером можно общаться на языке обходительности и разума. Я же считаю, что он яснее понимает бронированный кулак»²⁷¹. 6 октября военным было поручено разработать список потребностей вооруженных сил, исходя из новых реалий. Но противодействие премьер-министра и ряда членов правительства все еще было достаточно сильно, в результате чего 17 октября Хор-Белиша «положил под сукно» эти запросы²⁷².

24 ноября британская делегация, возглавляемая Чемберленом, посетила Париж. Французский премьер-министр Э. Даладьё в очередной раз заявил, что две британские дивизии являются слабой помощью при нападении Германии и попросил предусмотреть отправку большего количества войск, вооруженных бронетехникой, на что Чемберлен заявил, что Великобритания сама находится в тяжелом положении, а ее города и имперские коммуникации крайне уязвимы к атакам с воздуха, в связи с чем правительство отдает приоритет ПВО. Что касается танков, то, по словам Чемберлена, британская армия испытывала острую нехватку этих машин, вызванную задержками в проектировании и производстве, и французам не стоит ждать больших танковых сил в помощь²⁷³.

21 октября Инскип подготовил меморандум, в котором оценил перспективы модернизации армии до 1 августа 1939 г. Он предложил сосредоточиться на создании экспедиционных сил. Состояние МД, несмотря на решение о перевооружении, было удручающим. В нее входили: две механизированные кавалерийские бригады, одна танковая бригада и вспомогательные войска, в том числе два механизированных пехотных батальона и два артиллерийских полка. В связи с отправкой бронетехники в Египет вооружение этих войск потребовало бы изъятия всех танков, включая учебные, из оставшихся подразделений КТК, но выражалась надежда на насыщение частей бронетехникой за счет работы промышленности²⁷⁴. На фоне нехватки танков полевые силы, на бумаге включавшие в себя четыре механизированных кавалерийских полка и три армейских танковых батальона, к 1 августа 1939 г. ожидали технику только для одного танкового батальона, а нехватка техники в кавалерийских полках делала все

их не боеготовыми²⁷⁵. По прогнозу министра по координации обороны, в случае войны в Европе, на 1 августа 1939 г. были боеспособны и на 100% обеспечены резервами только одна кавалерийская бригада и один армейский танковый батальон, имевшие на вооружении 434 единицы бронетехники²⁷⁶, в связи с чем рекомендовалось ускорить производство техники, размещая заказы на частных предприятиях²⁷⁷.

2 декабря начальник ИГШ Горт, в докладе, освещавшим боеготовность армии, высказал озабоченность выросшим после захвата Чехословакии промышленным потенциалом Германии^т, отметив, что Великобритания должна быть готова к прорыву линии Мажино и оказанию поддержки Франции, для чего экспедиционным силам нужно не меньше двух полнокровных, полностью вооруженных танковых дивизий, которые невозможно получить, когда на армию выделяется всего лишь 10% оборонного бюджета²⁷⁸. Реакция военного министра последовала 13 декабря. Он призвал увеличить финансирование армии на 81 000 000 £, часть из которых должна пойти на перевооружение бронетехникой МД дивизии и армейских формирований²⁷⁹. Пауналл вспоминал, что под давлением оппозиции и событий в мире, правительство наконец начало осуществлять реальные действия по перевооружению армии, отложенные ранее²⁸⁰, а советский посол в Лондоне М. И. Майский описывал этот период, как время «прозрения и отрезвления» британского политического Олимпа по отношению к Германии²⁸¹, указывая на сохранившийся перевес в пользу ВВС и флота при распределении финансов²⁸².

В начале 1939 г. МД была переименована в 1-ю бронетанковую дивизию. Армия признала недостатки, присущие организации 1938 г, когда дивизия была

^т Советская разведка оценивала возможности 27 предприятий Чехословацкой военной промышленности на начало 1939 г. в 200 танков, 30 000 винтовок, 10 000 пулеметов, 200 самолетов, 800 орудий всех систем, 175 млн. патронов различных калибров, 1 млн. снарядов различных калибров, в месяц. [Военная разведка информирует: документы Разведуправления Красной Армии январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. С. 40.] Сами британцы полагали, что Германия, при захвате Чехословакии получила 3000 орудий, 2000 танков и 1500 современных самолетов [Hansard 20 March 1939 Vol. 345 Col. 887].

слишком большой и содержала много легких танков. Было принято решение о ее реорганизации путем разделения на две меньшие дивизии, но проблемы с жильем помешали изменениям. После реорганизации дивизия состояла из легкотанковой бригады, включавшей три механизированных кавалерийских полка, старой танковой бригады, переименованной в тяжелую танковую бригаду^{ss}, состоящую из трех смешанных батальонов, батальона крейсерских танков, механизированного пехотного батальона, артиллерийского и инженерного обеспечения. По окончании перевооружения в ней должно было находиться 213 крейсерских и 108 легких танков²⁸³. Но эти изменения мало сделали для боеспособности дивизии, испытывающей нехватку техники. Новые легкие и крейсерские танки лишь начали поступать в войска. В январе 1939 г. завод Mech. & Aero смог поставить буквально пару крейсерских танков А 13, заказанных в прошлом году²⁸⁴. В результате тяжелая бригада не имела современного вооружения. Командир дивизии Брук был заменен генерал-майором Р. Эвансом, кавалеристом, штабным офицером, не имевшим опыта работы с механизированными войсками²⁸⁵.

20 февраля правительство утвердило комплексный план по оснащению регулярных и территориальных сил в масштабах, подразумевавших участие в войне на континенте, являвшийся переработкой списка потребностей, представленного военными в октябре прошлого года²⁸⁶. В рамках этой программы провозглашалось создание экспедиционных сил в составе двух бронетанковых и двух пехотных дивизий, способных к немедленному развертыванию за рубежом, и еще двух дивизий для развертывания через два месяца, и двух территориальных дивизий, способных вступить в бой через шесть месяцев, а девять территориальных дивизий должны были получить полный комплект вооружения²⁸⁷. Это увеличило бы численность армии до девятнадцати дивизий, из которых три были бронированными. 8 марта, выступая в парламенте, Хор-Белиша объявил об этом, добавив, что решено создать на Ближнем Востоке самодостаточную группировку,

^{ss} При этом формирование, все также вооруженное легкими и устаревшими средними танками, готовилось принять новые крейсерские танки. Вооружение бригады тяжелыми танками или даже их разработка не планировались.

способную обеспечить безопасность региона, сохранив Суэцкий канал. Министр подчеркнул важность бронетехники, сообщив, что армия почти завершила механизацию и вооружена новейшими танками²⁸⁸. Но, несмотря на обнадеживающие речи Хор-Белиша, большая часть перевооружения армии бронетехникой все еще оставалась на бумаге.

Но Гитлер совершил очередной ход раньше, чем эти планы начали претворяться в жизнь. 15 марта 1939 г. Третий Рейх оккупировал всю Чехословакию. Несмотря на то, что Чемберлен и ряд членов правительства, таких как глава казначейства Дж. Саймон, нашли множество отговорок для невмешательства, назвав случившееся внутренним делом Праги²⁸⁹, 29 марта Хор-Белиша предложил довести территориальную армию до военной численности в тринадцать дивизий, затем удвоив каждую дивизию, предоставив армии шесть регулярных и двадцать шесть территориальных дивизий. Из этого числа четыре были бы бронированными дивизиями, из которых три входило в состав экспедиционных сил, а одна располагалась в Египте. Общая стоимость этих мероприятий должна была составить 100 000 000 £²⁹⁰. В тот же день Чемберлен выступил в парламенте, сообщив о введении этих мер и начале обязательного военного обучения для мужчин в возрасте 20—21 года²⁹¹. 4 апреля военное ведомство объявило о создании Королевского Бронетанкового корпуса (КБК), в состав которого войдут восемнадцать полков механизированной кавалерии и восемь батальонов КТК, отныне именуемых Королевским Танковым полком (КТП). Тем самым кавалерия была окончательно подчинена бронированным войскам. Названия и организационная структура кавалерийских полков сохранялись²⁹². Три недели спустя британское правительство объявило первый в истории призыв в мирное время²⁹³. Но по свидетельству Пауналла, в первую очередь это делалось для пополнения войск ПВО²⁹⁴. Лиддел Гарт выступил против этого шага на пути к массовой армии в ущерб малой механизированной армии²⁹⁵. Призыв на военную службу усилил нагрузку на экономику, отодвинув утвержденные танковые программы на последнее место. Как отмечалось в официальной британской истории Второй мировой войны: «Одежда и другое

личное снаряжение, в отличие от орудий и танков, должны были быть доступны в самом начале мобилизации, поскольку солдаты должны были быть одеты, накормлены и размещены до обучения применению оружия»²⁹⁶.

27 марта заместитель начальника ИГШ Р. Адам написал докладную записку, отметив пугающее положение дел с танками и их выпуском. По его словам, большинство британских танков, включая разрабатываемые, были крайне уязвимы для противотанковой артиллерии, а выпуск танков не отвечал даже минимальным ожиданиям. Танк А9, заказанный в 1937 г. как промежуточный вариант, только начал поступать в войска, а большинство танков, заказанных двадцать и более месяцев назад, еще не вышли из заводских ворот²⁹⁷. Исключение составляли легкие такни Mk. VI. К марту 1939 г. предприятия готовились к передаче 107 этих машин в войска²⁹⁸. Все крупные заводы отдавали предпочтение заказам авиации и флота. По воспоминаниям Мартеля, «Королевский арсенал в Вулвиче полностью работал лишь с флотом и ВВС, имеющими приоритет над требованиями армии»²⁹⁹. Не последнюю роль в этом играла экономическая целесообразность в понимании владельцев частных предприятий. Б. Кумбс отмечал, что даже «когда количество заказов в военном ведомстве увеличилось в 1938 году, многие из них по-прежнему были недостаточны, чтобы сделать контракт экономически выполнимым»³⁰⁰. Представители военного министерства также отмечали в докладах, что не могут договориться с производителями об изготовлении танков, так как последние считают объемы заказов недостаточными³⁰¹. Тема размещения заказов на частных заводах и проблем, с этим связанных, проходит через весь межвоенный период. Например, еще в 1924 г. в парламенте поднимался вопрос о завышенных ценах на танки, производимые частными предприятиями³⁰². Кроме того, при производстве танков, свою роль сыграл и такой фактор, как коррупция. В июне 1939 г. парламентарии поднимали вопрос о том, что субподрядчиков Военного министерства принуждали к повышению конечной цены продукции на 50%, «прозрачно» намекая на необходимость поделится частью этих денег. По словам депутата от лейбористов Р. Стоукса, бывшего управляющим директором крупнейшей в Соединенном Королевстве фирмы по производству и

конструированию железнодорожного транспорта Ransomes & Rapier и яростным критиком принципа выпуска и разработки британских танков, субподрядчиков отказавшихся от подобных предложений лишали заказов, несмотря более низкие цены на их продукцию³⁰³.

Советская разведка в мае 1939 г. характеризовала британские танковые войска так: «При полном насыщении частей английской армии бронетанковыми средствами в английской армии к настоящему моменту должно было бы иметься 2 100 танков и бронемашин. По данным прессы, фактическое наличие не превышает 1/3, т.е. в армии имеется около 700 танков и бронемашин. Отдельные легальные источники дают различные цифры наличия автобронетанковых средств: Немецкая газета “Фелькишер Беобахтер” от февраля 1939 г. — 600 танков; Немецкий журнал “Дейче Вер” от февраля 1939 г. — 600 танков; Английский справочник “Дейли Мейль ир Бук 1938 г.” — 300-350 танков; Польская газета “Польска Збройна” от февраля 1939 г. — 1 100 боевых машин»³⁰⁴. Несмотря на это, к лету 1939 г. планы ИГШ по развитию танковых войск были оптимистичны. Они включали три бронетанковые дивизии, пять армейских танковых бригад и одиннадцать танковых кавалерийских дивизий³⁰⁵. К началу лета 1939 г. военное министерство запросило у казначейства 1 397 легких танков, 2 234 крейсерских и 1 642 пехотных. Из них были одобрены 1 350 легких, 910 крейсерских и 1 110 пехотных танков³⁰⁶. Впрочем, правительство отдавало себе отчет, каковы реальные темпы перевооружения и формирования танковых частей, свидетельством чего является то, что во время англо-французских переговоров, прошедших в Лондоне 21–22 марта, Чемберлен, в случае нападения Германии на Францию, обещал отправить на континент две пехотные дивизии, к которым через одиннадцать месяцев присоединятся две аналогичных дивизии, и только по прошествии восемнадцати месяцев французы могли рассчитывать на две танковые дивизии³⁰⁷. К этому времени британцы надеялись произвести необходимое количество танков и подготовить личный состав. Неделей позже эти цифры были скорректированы. Великобритания, вдобавок к названным войскам, была готова отправить во Францию двенадцать территориальных пехотных дивизий. Но к танковым войскам

после настойчивых просьб французов англичане смогли добавить лишь одну территориальную танковую дивизию после ее комплектования, вооружения и подготовки³⁰⁸. Так как территориальные войска не видели даже устаревших танков³⁰⁹, это обещание было практически несбыточным. Через несколько дней военный министр предложил создать еще одну регулярную танковую дивизию. Но ввиду нехватки техники она должна была получиться путем сокращения числа бригад в действующих соединениях³¹⁰. Выступая в парламенте, Хор Белиша объяснял это тем, что новые крейсерские танки лучше старых легких, следовательно, вооруженные ими войска могут сохранить ударную мощь при сокращении числа машин³¹¹. При этом министр не забыл сообщить, что британские легкие танки по-прежнему лучшие в мире.

На этом фоне показателен отчет советского военного атташе в Великобритании, комбрига И. И. Черния, посетившего за два месяца до начала войны 3-й тяжелый танковый батальон из состава 1-ой танковой дивизии, расквартированный в г. Ворминстре. Согласно отчету, на вооружении батальона стояло 49 танков. Батальон состоял из трех рот, каждая из которых состояла из пяти секций. В каждой роте было по 16 танков. Один командирский танк предназначался для командира батальона. Несмотря на название, батальон имел на вооружении четыре типа танков и был смешанным. Смешанными были и роты, вооруженные новым крейсерским танком А 13, новым легким танком VIB, а также устаревшим Medium Mk. II и легким танком IV. В конструкции А 13 атташе отметил мортирки для метания дымовых гранат^{tt312}. Новые танки только поступали в батальон и осваивались экипажами. В расположении находился учебный центр для территориальной армии с очень хорошими условиями проживания, но почти полным отсутствием учебного оборудования. Несмотря на явно обозначенный угрожаемый период, оптические приборы были демонтированы с новых танков и отправлены на склад. Как пояснил командир батальона подполковник Гросс –

^{tt} Дымовые мортирки, предназначенные для постановки дымовой завес, путем отстрела дымовых гранат без покидания бронетехники, на данный момент являются штатным оборудованием всех танков и БМП, однако в конце 1930-х, начале 1940-х гг. это оборудование не устанавливалось на немецких танках, а на советских его не размещали до конца войны.

нежное и дорогое оборудование хранилось на складе во избежание порчи и должно было выдаваться в случае войны. В целях сохранения моторесурса танков и экономии горючего обучение часто проходило на старых танкетках. Командир батальона проявил вопиющее незнание материальной части и расположения войск¹³³. Аналогичное незнание техники проявили и офицеры-танкисты. Получив вопрос технического порядка, они путались, зовя подчиненных для получения ответа. При этом у офицеров было много свободного времени, каковое они занимали азартными играми и употреблением алкоголя, начинавшимися с обеда. «Пьют даже больше, чем офицерский состав ВВС»³¹³, – с удивлением отметил Черний. Занятия с офицерским составом проводились редко и только по тактике с использованием карты, не выходя из класса. На вопрос, почему тяжелый батальон вооружен легкими танками, Гросс ответить затруднился³¹⁴. В отличие от начала 1930-х гг. военным атташе делается вывод, что перенимать у англичан нечего, хотя в расположении чисто.

Из отчета советского военного атташе видно, что, несмотря на приближающуюся войну, в КБК наблюдалась нехватка новой техники, недостаточный уровень подготовки и дисциплины офицерского состава, соседствующий с неуместной экономией. Отчет подтверждает, что одним из основных танков даже «тяжелого» танкового батальона являлись легкие танки. Это выглядело естественно на фоне рассказов британских военных и политиков о «лучшем в мире легком танке». Результатом стал выпуск предприятиями 1322 легких танков моделей Mk. VIA и VIB в период с 1936 по 1940 гг.³¹⁵. Кроме того, разработке легких танков, бронеавтомобилей и танкеток способствовала ситуация в гражданском автомобилестроении. Несмотря на то, что ряд зарубежных исследователей, таких как М. Постан, полагают, что британская автомобильная промышленность не влияла на разработку и производство танков в силу

¹³³ По словам Черний британский подполковник, говоря о двигателях бронемашин ошибочно называл их воздушноохлаждаемыми. Однако, после того, как сам Гросс предлагал взглянуть на систему охлаждения, выяснилось, что она водяная. Также командир батальона часто путался в расположении части, приводя гостя не к тем дверям и подолгу стуча в них, после чего выяснял у подчиненных, что двери ведут не туда или давно закрыты и не используются.

неприменения в них гражданских комплектующих³¹⁶, нельзя отрицать, что разработки в секторе гражданского автомобилестроения определяли инженерный и производственный подход к проектированию и изготовлению компонентов военной техники, а также оказывали влияние на смежные области, такие как металлургическая и химическая промышленности, особенно при огромной разнице в количестве произведенных боевых и гражданских машин. В таких условиях для выживания компаний и отдельных инженеров требовалось сконцентрироваться на гражданском секторе, отодвинув военный на второй план. На этом фоне британское законодательство, облагающее высоким налогом большие грузовые автомобили, способствовало созданию и производству маленьких и недостаточно мощных двигателей и иных компонентов техники, что отражалось в докладах военного министерства, посвященных механизации³¹⁷. По сути на легкие танки, составлявшие подавляющее большинство в КБК, ушли почти все деньги, выделенные на закупку новой бронетехники. При этом даже самые последние модели этих машин к марту 1939 г. признавались ИГШ устаревшими и непригодными для боев. Помощник начальника ИГШ видел их лишь в роли разведывательных машин³¹⁸. Еще одним показателем недостатка материальной части в КБК за месяц до начала войны стало отсутствие такой важной вещи, как танковые шлемы³¹⁹. При этом военный министр, выступая на последнем предвоенном заседании парламента по военным закупкам живо рассказывал о достоинствах и красоте новой формы для таксистов³²⁰.

Несмотря на надвигавшуюся войну, ситуация с танками в британских войсках была удручающая. Со времени весенней записки Адама положение не улучшилось. Промышленные мощности для производства бронетехники не могли быть быстро увеличены, чтобы удовлетворить требования по производству танков, одобренных в последние годы. В марте 1939 г. заказы на 211 санкционированных крейсерских танков не были размещены, потому что ни одна фирма не приняла их. Заводы были загружены более ранними и приоритетными заказами авиации и флота. Из 1 277 легких танков Mk. VI, одобренных казначейством, почти 1 000 поступила в войска к августу. Но ИГШ больше не рассматривал легкий танк как подходящий для

войны на континенте ввиду слабой брони и вооружения. Из 1 062 крейсерских танков, утвержденных к июню 1939 г, к концу сентября ожидалось 125 единиц. Похожая ситуация наблюдалась с пехотными танками. Из 369, заказанных к концу сентября, ожидалась поставка 115³²¹. Но даже эти поставки были под угрозой. Выступая в парламенте 9 июня, министр без портфеля Э. Бургин раскритиковал политику военного министра, казначейства и премьер-министра, заявив о невыполнении даже приоритетной программы модернизации ПВО, в результате чего приходится заимствовать орудия в Имперском военном музее, а производство танков назвав полностью сорванным вследствие финансовой политики и неспособности промышленности поставить заказанные машины³²². На этом фоне депутат от лейбористов Б. Кирби заявил о провале перевооружения КБК, потребовав объяснений от правительства, которые не были даны со ссылкой на секретность³²³.

Между тем Данцигский кризис между Германией и Польшей перешел в завершающую стадию. Несмотря на накалившуюся ситуацию, Чемберлен по-прежнему призывал разрешить спор миром³²⁴ и уверял Гитлера в своем страстном желании дружбы³²⁵. В переписке с Гитлером британский премьер-министр отчаянно старался избежать войны, сообщая о возможности переговоров и компромиссов³²⁶. При этом, в ответных письмах Гитлер придерживался сухого и строгого стиля общения, не оставляющего иллюзий³²⁷. Желая продемонстрировать миролюбие, британское правительство 26 августа, после заверения Польши в ее полной поддержке, не стало проводить полную мобилизацию³²⁸. Даже концентрация немецких войск на границе с Польшей, по словам министра иностранных дел Галифакса, не являлась поводом для прекращения диалога с Германией³²⁹. Однако агрессивные действия привыкшей к безнаказанности германской верхушки, начавшей боевые действия, все же вынудили Великобританию объявить войну Третьему Рейху. К этому времени в британской армии насчитывалось 1 002 легких танка Mk. VI, многие из которых были переданы войскам за несколько недель до начала войны, 79 крейсерских танков Mk. I и Mk. II и 67 пехотных танков Mk. I³³⁰. Остальные танки либо находились в стадии

производства, либо даже условно не могли признаваться боееспособными. При этом военное министерство оценивало свои потребности в танках следующим образом: легких танков — 1 277 штук; крейсерских танков — 1 062 штуки; пехотных танков — 1 110 штук³³¹. По иронии судьбы, множественные призывы военных нарастить производство танков привели к тому, что скудный британский парк этих боевых машин пополнился сотнями легких танков, заказанных в предыдущие годы именно в тот момент, когда сами военные отказались от них, как от основы танковых войск, сделав ставку на крейсерские и особенно пехотные танки, призванные поддержать войска союзников при скором, как казалось английским генералам, прорыве линии Зигфрида^{vv332}.

Таким образом, британские танковые войска 1935—1939 гг. хотя и готовились к войне вместе со всеми вооруженными силами, на деле были практически обойдены вниманием вплоть до двух предвоенных лет, которых не хватило для перевооружения. Очевидно, что эта ситуация стала возможна благодаря комбинации неверных военных, политических, финансовых, управленческих и технических решений. Более того, британские военные и политики никогда полностью не прорабатывали идею отправки танковых подразделений на континент, что могло быть единственной причиной для их развития. Косвенно в пользу этого свидетельствует тот факт, что после начала войны и переброски британских войск через пролив, внезапно выяснилось, что в портах и на судах практически отсутствует техника для погрузки–разгрузки танков и их транспортировки³³³. При этом неверный план развития британских танковых подразделений, предусматривавший возможность наполнения войск новейшей техникой, обучение личного состава и обслуживающего персонала в угрожаемый период или даже после начала боевых действий, был частично сформирован под воздействием ошибочной оценки своих войск и их возможностей французским руководством. Следует учитывать, что, когда Германия начала перевооружение,

^{vv} Линия Зигфрида (нем. Siegfriedstellung) – система немецких долговременных укреплений, протяженностью около 630 км., возведенных в 1936—1940 гг. на западе Германии, от Клеве до Базеля.

британские военные и политики при планировании развития армии и танковых войск как ее части исходили из того, что французские вооруженные силы имеют большое количество бронетехники, способной если не полностью отразить удар Вермахта, то сковать его серьезными боями на длительное время, в течение которого англичане смогут создать большие боеспособные танковые войска, ядром которых станут существующие силы. При этом свежие и укомплектованные новейшей техникой британские формирования должны были столкнуться с измотанными и потерявшими технику в боях с французами немцами. Надо заметить, что эти надежды и планы были не беспочвенны. Даже 13 августа 1939 г., за две недели до начала войны, сами французы уверенно заявляли, что имеют около 4 000 новых танков^{ww}, которые планируют использовать на знакомой им местности, опираясь на могучие линии обороны и нанося немцам тяжелые удары, после которых к ним смогут присоединиться британские войска³³⁴. Также французы заверяли англичан в том, что отдают предпочтение именно тяжелым танкам, так как события последних лет в Испании показали, что советские и немецкие легкие и средние танки достаточно уязвимы для противотанковых орудий³³⁵.

Британские танковые войска, несмотря на ряд трудностей, вступили во второе десятилетие межвоенного периода в хорошем состоянии и с большим потенциалом для дальнейшего развития. Однако спокойный, с военной точки зрения, период 1930—1934 гг. принес КТК новые испытания в виде усилившегося в результате экономического кризиса финансового гнета, вылившегося в тиранию казначейства, в результате чего были закрыты программы по разработке нового среднего танка, а закупки бронетехники практически остановились. Все программы по перевооружению сухопутных войск, не связанные с ПВО, и особенно подразумевавшие крупную закупку танков, отвергались. Это привело к

^{ww} Советская разведка приводила следующие данные: «Общее наличие танков, по иностранным источникам, определяется в 4500 единиц, из которых 1700 танков в армии. Сведений о разделении их на типы не имеется (ориентировочное количество тяжелых и средних танков составляет около 10 %).» [Военная разведка информирует. С. 87.]

стагнации производства и разработки бронетехники, выживавшего только на зарубежных заказах, и массовому переходу предприятий на выпуск гражданской продукции.

Однако даже на этом фоне британские танковые войска продолжили развитие. Был проведен ряд крупных маневров с участием танков и создана сначала временно, а позже на постоянной основе, 1-я бригада КТК. Наконец, был системно проанализирован опыт применения танков в Великой войне, а на вооружение были приняты новые модели легких танков. Впрочем, все эти достижения имели и обратную сторону. Учения 1934 г. продемонстрировали, по мнению командования, отсутствие преимущества у танковых войск, поддерживаемых механизированной пехотой, артиллерией и ВВС, перед традиционными войсками, насыщенными противотанковой артиллерией и небольшим количеством бронетехники и авиации, что привело к продолжению курса, взятого в конце 1920-х гг., на внедрение танка в пехоту и перевооружение кавалерии легкими танками. Комиссия, изучившая опыт Первой мировой войны, признала крайнюю важность танка, но, поддержав распространенное в военных и политических кругах мнение, настоятельно рекомендовала не начинать крупных закупок бронетехники до начала угрожаемого периода. В результате низких темпов закупки новых моделей танков созданная 1-я танковая бригада была почти полностью вооружена устаревшими машинами, а для вооружения других соединений не хватало даже старой техники.

Начавшееся после осознания многими военными и политиками немецкой угрозы в 1935 г. перевооружение британских вооруженных сил в первую очередь позволило получить финансирование ВВС и флоту. В сухопутных войсках основная масса ассигнований выделялась на ПВО и механизацию традиционных родов войск. Суммы, выделяемые на развитие танковых войск, хоть и существенно росли в процентном соотношении, в реальных деньгах были незначительны. Все крупные программы по перевооружению и оснащению танками подразделений КТК вплоть до 1938 г. отвергались казначейством и встречали противодействие политиков и ряда военных, по-прежнему считавших, что войны можно избежать, а

создать хорошо вооруженные и подготовленные танковые войска удастся в кратчайшие сроки, как только это будет признано необходимым. На этом фоне британские военные и инженеры признали провал попытки создания нового среднего танка и срывах всех сроков разработки пехотного и крейсерского танка ввиду нехватки финансирования. Однако те же люди продолжали утверждать, что британские войска вооружены лучшим легким танком в мире и обладают лучшей подготовкой. Результатом стала массовая закупка легких танков, как «лучших в мире» и единственно доступных, после начала одобрения в 1938 г. казначейством программ по перевооружению КТК. Но деградация промышленности и ее тотальная загрузка заказами ВВС и флота привели к тому, что одобренные танки было просто некому производить. Предприятия брались исключительно за отработанное производство легких танков, ставя их «в конец очереди». Для производства новых крейсерских и пехотных танков пришлось создавать новые предприятия, не способные к скорому выпуску продукции. В результате проблем с производством британские войска практически не получили этих танков до начала войны. Единственными крупными поставками стали сотни ранее заказанных легких танков, полученных армией незадолго до войны и вскоре после признания ИГШ их непригодными для боев в Европе. Что касается «лучшей в мире теории и выучки личного состава», то в 1935—1939 гг. крупные таковые учения становились все менее инновационными, часто воспроизводившими ситуации Великой войны, а общая подготовка британских танкистов падала из-за резкого насыщения частей КБК новыми, необученными солдатами и офицерами.

Заключение

Британские танковые войска 1920—1939 гг. прошли долгий и сложный путь развития между двумя мировыми войнами, который можно условно разделить на две части: спокойный период, характеризующийся относительной безопасностью в Европе и мире, и период перевооружения и подготовки к войне, начавшийся после осознания частью британского военного и политического руководства нарастающей угрозы со стороны Германии и завершившийся Второй мировой войной. При этом развитие танковых войск было обусловлено военной политикой и ролью, отводившейся армии, частью которой они являлись, однако имело и свои нюансы.

Резкое изменение вектора военной политики Великобритании, после окончания Великой войны и подписания Версальских соглашений, не могло не сказаться на танковых войсках. Неблагоприятные экономические, политические и социальные факторы, в совокупности с принятым Десятилетним правилом, ставшим одним из основных постулатов, которым руководствовалось британское руководство при разработке и воплощении в жизнь военной политики, поставили под вопрос само существование танковых войск, равно как и их независимость от других родов войск. Однако, в течение 1920-х гг. после периода сокращения, вызванного окончанием Первой мировой войны, британские танковые войска прочно заняли свое место в рядах вооруженных сил, отстояв независимость и получив на вооружение новую технику. Движимые идеями видных британских теоретиков бронированной войны, они, проведя ряд инновационных военных экспериментов, по праву заняли лидирующие позиции в мире, если не по численности, то по уровню подготовки и технической базы. Но дальнейшему развитию танковых войск мешала совокупность ряда факторов. Направленность армии, на полицейские функции и решение внутриимперских проблем, продиктованная послевоенным возвратом британского политического руководства

к политике «баланса сил» на континенте, способствовали развитию преимущественно легкой и часто колесной бронетехники. Финансовая строгость подталкивала военных и политиков либо к заморозке развития танковых войск, либо к их удешевлению, что также смещало чашу весов в пользу легких танков. Принятое британским руководством на этом фоне решение о создании небольших бронированных формирований, оснащенных малым количеством техники, способных в угрожаемый период стать ядром крупной и боеспособной армии, оказалось ошибочным. В расчет не были приняты экономические, технические и иные факторы, почти полностью остановившие проектирование новых моделей техники, сделавшие практически неосуществимой задачей разработку средних танков, а также своевременное начало массового производства бронетехники. Все это усугублялось принятием в начале 1920-х гг. концепции Воздушного контроля, также вызванной экономическими причинами. В результате ее реализации произошло создание независимых от армии и КТК бронированных подразделений со своим управленческо-логистическим аппаратом, конкурировавшим за и без того скудные ресурсы с танковыми войсками, а также поддерживающие развитие легкой бронетехники, отвечавшей их требованиям. Наряду с этим Воздушный контроль привел к практически полной потере взаимодействия между армией и ВВС, вылившейся в отсутствии «авиации поля боя», которая, работая в связке с танковыми подразделениями, смогла бы обеспечить сухопутные войска той ударной силой, о которой писали военные теоретики. Кроме того, результатом ряда учений 1920—1930-х гг. стала убежденность значительной части британских военных в необходимости интеграции танков в существующую армейскую структуру, что привело к появлению крейсерских и пехотных танков, отвечавших тактике пехоты и кавалерии, а также перевооружению кавалерийских частей бронетехникой и организации армейских танковых формирований, предназначенных для поддержки пехоты.

На начавшееся во второй половине 1930-х гг. перевооружение танковых войск, кроме обозначенных факторов, повлияла расстановка приоритетов внутри сухопутных войск в пользу ПВО и береговой обороны, а также в вооруженных

силах в целом в пользу авиации и флота. Кроме того, на темпы перевооружения танковых войск, как части армии, влияла перманентная неопределенность с созданием экспедиционных сил, вызванная внутривосточными процессами, выразившимися в борьбе двух военно-политических концепций. Континентальной, гласившей, что необходимо приступить к стремительному перевооружению сухопутных войск, и особенно их танковой составляющей с целью оказания, в случае необходимости, помощи Франции, Нидерландам и Бельгии. Ее апологетом являлся военный министр Дафф Купер. И ограниченной, выразившейся в постоянном нежелании ряда членов британской верхушки, среди которых были Н. Чемберлен, С. Болдуин и другие, принимать саму возможность выполнения англичанами своих обязательств в Европе. Согласно этой концепции, британская политическая элита до последних дней придерживалась позиции умиротворения по отношению к Германии.

Кроме того, в 1930-х гг. британские танковые войска начали готовиться к прошедшей войне, в отличие от 1920-х гг., отрабатывая не инновационные тактику и организационную структуры, а воспроизводя сражения Великой войны. Также не способствовало развитию танковых войск в 1930-х гг. неверная оценка рядом военных и политиков источника основной опасности для государства, сопряженная с переоценкой французской армии и ее оборонительных укреплений. Часть ответственности за это лежит на самих французах, которые также переоценивали свои возможности. На этом фоне казначейство, фактически решавшее судьбу оборонных программ, ограничило финансирование танковых войск до минимума вплоть до 1936 г. При этом в британских военных и политических кругах почти до весны 1939 г. существовала уверенность в обладании лучшими в мире легкими танками, пригодными для решения большинства задач. В результате всех перечисленных факторов 1 сентября 1939 г. танковые войска Великобритании все еще существовали в основном на бумаге. В армии имелось семь механизированных кавалерийских полков, оснащенных легкими танками, фактически непригодными для боев. Танковые батальоны тяжелой бронетанковой бригады 1-ой бронетанковой дивизии, несмотря на название, имели только шесть крейсерских

танков каждый и в основном также были вооружены легкими машинами. Армейский танковый батальон, отправленный во Францию, был оснащен медленными и ненадежными пехотными танками Mk. I. Эта ситуация усугублялась недостаточной, в отличие от 1920-х гг., подготовкой и экипировкой личного состава, отчетливо выразившейся к концу межвоенного периода, итогом чего стало тяжелое поражение британских войск на начальном этапе войны, когда части КБК уверенно смогли противостоять только итальянским танкистам.

Примечания

Введение. Глава 1

- ¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с нем. Д. А. Лихачева. Смоленск: Русич, 1999. С. 23
- ² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Пер. с англ. М. Л. Коробочкин. М.: Весь Мир, 2000. С. 168.
- ³ Ранке Л. фон. Об эпохах новой истории // Историки и история: Жизнь. Судьба. Творчество. М., 1998. Т. II. С. 275—321
- ⁴ Репина Л. П. После «Постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 2 декабря 2011. М.: МГУ, 2012. С. 139—160.
- ⁵ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: социально-философское исследование: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 270-302.
- ⁶ The National Archives. The official archive and publisher for the UK Government, and for England and Wales. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> дата обращения: 01.07.2017).
- ⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. — фонд секретариата народного комиссара обороны СССР; РГВА Ф. 31811 — фонд Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ) Красой Армии (бывш. Управления по механизации и моторизации РККА)
- ⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 38 — фонд ГАБТУ Красой Армии
- ⁹ 100(0) ключевых документов по российской и советской истории (1917-1991) / Институт Всеобщей истории Российской академии наук. URL:

https://www.1000dokumente.de/index.html?c=1000_dokumente_ru&viewmode=0&l=r и (дата обращения: 21.05.2018); Проект Российского военно-исторического общества: «100 главных документов российской истории». URL: <http://doc.histrf.ru/> (дата обращения: 09.01.2018); Documentary Background of World War II. 1931 to 1941 / ed. J. W. Gantenbein. N. Y.: Columbia University Press, 1948. 1122 p.; Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Third Series, Vol. III. L.: HMSO, 1954. 820 p.

¹⁰ Военная разведка информирует: документы Разведуправления Красной Армии январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. 832 с.; Год кризиса 1938 — 1939. Документы и материалы в 2-х томах. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1990. 980 с.

¹¹ Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports. 5 Series. Vol. 125—352. L. His Majesty Stationery Office, 1920—1939.

¹² Field Service Regulations. 1920. L.: The War Office, 1920. Vol. 2. 326 p.; Field Service Regulations. 1924. L.: The War Office, 1924. Vol. 2. 346 p.; Field Service Regulations. 1929. L.: The War Office, 1929. Vol. 2. 361 p.; Field Service Regulations. 1936. L. The War Office, 1935. Vol. 3. 265 P.

¹³ ТАУ. Указ. соч. С. 182.

¹⁴ Infantry Training War. L.: The War Office, 1921. Vol. 2.. 216 p.

¹⁵ Handbook for Mk I, IA and IA* Medium Tanks. 1931. Land Service. L.: HM Government, 1931. 156 p.; Handbook for Mk II, II* and IIA Medium Tanks. 1930. Land Service. L.: HM Government, 1930. 169 p.; Handbook for Tanks Light Mk II, IIA, IIB, III, IV, V and VI. 1937. Land Service. L.: HM Government, 1937. 179 p.

¹⁶ The Times . URL: <https://www.thetimes.co.uk/archive> (дата обращения: 10.5.2018).

¹⁷ The Telegraph Historical Archive, 1855—2000. <https://www.gale.com/uk/c/the-telegraph-historical-archive> (дата обращения: 15.9.2017).

¹⁸ CID, Extract from the Minutes of the 239th Meeting, held on December 13, 1928. // National Archives of Great Britain, Public Record Office (при дальнейшем упоминании NAGB PRO). CAB 24/199

¹⁹ British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 10.4.2018).

²⁰ Taylor and Francis Group is part of the Academic Publishing Division of Informa PLC. <https://www.tandfonline.com/loi/rusi20> (дата обращения: 10.4.2018).

²¹ Fuller J. F. C. *Tanks In The Great War 1914—1918*. N. Y.: E. P. Dutton and Company, 1920. 405 p.; Fuller J. F. C. *The Reformation of War*. L.: Hutchinson & co. Paternoster row, 1923. 318 p.; Fuller J. F. C. *The Foundations of the Science of War*. L. Hutchinson & Co., 1926. 352 p.; Fuller J. F. C. *Lectures On F.S.R. III. Operations Between Mechanized Forces*. L.: Sifton Praed & Company Ltd., 1932. 163 p.; Fuller J. F. C. *The Army in My Time*. L.: Rich and Cowan, 1935. 246 p.; Fuller J. F. C. *The dragon's teeth: a study of war and peace*. L.: Constable, 1932. 337 p.; Fuller J. F. C. *War and Western Civilization, 1832—1932. A Study of War as a Political Instrument and the Expression of Mass Democracy*. L.: Books for Libraries Press, 1932. 287 p.; Fuller J. F. C. *Generalship: Its Diseases and Their Cure. A Study of The Personal Factor in Command*. L.: Military Service Publishing Co. Harrisburg, Pa., 1936. 106 p.; Fuller J.F.C. *On Future Warfare* L. Sifton, Praed & Company, 1928. 390 p.

²² Liddell Hart B. *Paris; Or the Future of War*. N. Y.: Garland Publishing, 1972. 103 p.; Liddell Hart B. *The Ghost of Napoleon*. L.: Greenwood Press, 1933. 197 p.; Liddell Hart B. *The Remaking of Modern Armies*. L.: John Murray, 1927. 315 p.; Liddell Hart B. H. *The British Way in Warfare*. L. Faber & Faber limited, 1932. 311 p.

²³ ТАУ. *Моторизация и механизация армий и война*. М.: Госвоениздат, 1933. С. 107.

²⁴ Duff Cooper A. *The Duff Cooper Diaries: 1915—1951*. L.: Phoenix, 2006. 528 P.

²⁵ Ironsid E. *The Ironside diaries, 1937—1940*. L. Constable, 434 p.

²⁶ Pownall H. *Chief of staff: the diaries of Lieutenant General Sir Henry Pownall*. L.: Leo Cooper Ltd, 1973. Vol. 1: 1933—1940. 432 p.

²⁷ *The Private Papers of Hore-Belisha* / ed. R. J. Minney. L.: Collins, 1960. 320 p.

²⁸ Liddell Hart B. *Memoirs*. Vol. 1. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1965. 433 p

²⁹ Fuller J.F.C. *Memoirs of an Unconventional Soldier*. L.: I. Nicholson and Watson limited, 1936. 494 p.

³⁰ Martel G. *An Outspoken Soldier: His Views and Memoirs*. L.: Sifton Praed, 1949. 387 p.

- ³¹ Монтгомери Б. Мемуары фельдмаршала. / Пер. с англ. Е. Д. Богатырено, В. А. Вебер, Д. В. Вознякевич. М.: Вагриус, 2006. 384 с.
- ³² Duff Cooper A. *Old Man Forget*. L.: Faber and Faber, 2011. 400 p.
- ³³ Cole D. H. *Imperial Military Geography «General Characteristics of the Empire in Relation to Defense»*. L.: S. Praed & Co. Ltd, 1937. 428 p.
- ³⁴ Вооружения капиталистических стран. М.: Воениздат, 1936. 172 с.
- ³⁵ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1925-26: 1925/26: C.373.M.121.1925.9. Geneva. League of Nations, 1925. 176 p.; League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1929/30: C.341.M.120.1929.9. Geneva. League of Nations, 1929. 147 p.; League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1930: 1930.9.2 — 1931. Geneva. League of Nations, 1931. 149 p.; League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1935: 1935.9.3. Geneva. League of Nations, 1935. 141 p.
- ³⁶ Butler D. E. *British political facts, 1900—1960*. L.: Macmillan, 1963. 256 p.
- ³⁷ Mitchell F. *Tank Warfare. The Story of the Tanks in the Great War*. L.: Thomas Nelson and Sons Ltd., 1930. 312 p.
- ³⁸ Митчел Ф. Танки на войне. История развития танков в мировой войне 1914—1918 гг. / Сокр. пер. с англ. С. Бравермана. Под ред. К. Степного. М.: Госвоениздат, 1935. 100 с.
- ³⁹ Sueter M. F. *The Evolution of the Tank: a Record of the Royal Naval Air Service Caterpillar Experiments*. L.: Hutchinson, 1937. 452 p.
- ⁴⁰ Heigl F. *Heigl's Taschenbuch der Tanks — Wesen, Erkennung, Bekämpfung*. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1926. 340 p.
- ⁴¹ Hacker O. H., Icks R. J., Merker O., Zezschwitz G. P. *Heigl's Taschenbuch der Tanks*. Wien. J.F. Lehmanns Verlag, 1935. 364 p.
- ⁴² Fuller J. F. C. *The Second World War 1939—1945. A Strategic and Tactical History*. Cambridge: Da Capo Press, 1993. 432 p.
- ⁴³ Монтгомери Б. Указ. соч. С. 75

- ⁴⁴ Liddell Hart B. The Tanks. The history of the Royal Tank Regiment 1914—1945. L.: Cassell, 1959. Vol. 1. 1017 p.
- ⁴⁵ Ogorkiewicz R. Armoured Forces: History of Armoured Forces and Their Vehicles. L.: Arms & Armour Press, 1960. 476 p.
- ⁴⁶ Taylor A. J. P. The origins of the Second World War. L.: H. Hamilton, 1961. 296 p.
- ⁴⁷ Тейлор А. Дж. Вторая мировая война: два взгляда. Пер. с англ. З. П. Вольской. М.: Мысль, 1995. С. 390.
- ⁴⁸ Watt D. C. Appeasement. The Rise of a Revisionist School // The Political Quarterly, 1965. №2. PP. 114-129
- ⁴⁹ Barnett C. The Collapse of British power. L.: Faber & Faber, 2011. 672 p.
- ⁵⁰ Barnett C. Britain and her Army, 1509—1970. A military, political and social survey. L.: Faber, 1970. P. 411.
- ⁵¹ Crow D. Armoured Fighting Vehicles of the World: British A.F.V.'s, 1919—40. L.: Profile, 1971. 184 p.
- ⁵² Crow D. British and Commonwealth Armored Formations (1919—46). L.: Profile, 1972. 104 p.
- ⁵³ Crow D., Icks R. J. Encyclopedia of Armoured Cars and Half-Tracks. L.: Book Sales Inc., 1976. 169 p.
- ⁵⁴ Chamberlain P., Ellis C. Tanks of The World 1915—45. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1972. P. 64
- ⁵⁵ White B. T. British Tank 1915—45. L.: Ian Allan, Ltd., 1963. 72 p.
- ⁵⁶ White B. T. Armoured cars 1915—45. L.: Ian Allan, Ltd., 1972. 72 p.
- ⁵⁷ Icks. R. J Tanks and Armoured Vehicles 1900—1945. L.: WE Inc., 1970. 216 p.
- ⁵⁸ White B. T. British Tank Mkings and Names: The Unit Mkings, Individual Names and Paint Colours of British Armoured Fighting Vehicles, 1914—1945. L.: Arms and Armour Press, 1979. 88 p.
- ⁵⁹ Gibbs N. H. Grand Strategy: Rearmament Policy. Vol. 1. L.: Stationery Office Books, 1976. 884 p.
- ⁶⁰ Larson R. H. The British Army and the Theory of Armored Warfare, 1918—1940. Newark: University of Delaware Press, 1984. 265 p.

- ⁶¹ Winton H. R. *To Change an Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927—1938*. Lawrence: University Press of Kansas, 1988. 284 p.
- ⁶² Keegan J. *The Second World War*. N. Y.: Viking, 1990. 608 p.
- ⁶³ Fletcher D. *Mechanised Force: British Tanks Between the Wars*. L.: H.M. Stationery Office, 1991. 138 p.
- ⁶⁴ Chant C. *World Encyclopaedia of the Tank: An International History of the Armoured Fighting Machine*. L.: Patrick Stephens, 1994. 392 p.
- ⁶⁵ Harris J. P. *Men, ideas and tanks: British military thought and armoured forces, 1903—1939*. Manchester: Manchester University Press, 1995. 352 p.
- ⁶⁶ Stone J. *The Tank Debate: Armour and the Anglo-American Military Tradition*. L.: Routledge, 2000. 210 p.
- ⁶⁷ Jorgensen C. *Tank Warfare: The Illustrated History of the Tank at War 1914—2000 (Strategy & Tactics)*. L.: Spellmount, 2001. P. 21
- ⁶⁸ Duncan A. J. *Technology, Doctrine and Debate: The Evolution of British Army Doctrine Between the World Wars // The Canadian Army Journal*. 2004. Vol. 7, № 1. PP. 23-34.
- ⁶⁹ Mets D. R. Winton H. R. *The Challenge of Change: Military Institutions and New Realities, 1918—1941*. Nebraska: University of Nebraska Press, 2003. 246 p.
- ⁷⁰ Edgerton D. *Warfare State: Britain, 1920—1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 45
- ⁷¹ Fletcher D. *The Rolls-Royce Armoured Car*. Oxford: Osprey Publishing, 2012. 48 p.
- ⁷² Fletcher D. *British Light Tanks 1927—45: Mks I—VI*. L.: Bloomsbury Publishing, 2014. 48 p.
- ⁷³ Fletcher D. *British Battle Tanks World War I to 1939*. Oxford: Osprey Publishing, 2016. 236 p.
- ⁷⁴ Ogorkiewicz R. *Tanks: 100 years of evolution*. N. Y.: Osprey Publishing, 2015. 378 p.
- ⁷⁵ Coombs B. *British Tank Production and the War Economy, 1934—1945*. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2013. 208 p.
- ⁷⁶ Searle A. *Genesis, Employment, Aftermath: First World War Tanks and the New Warfare, 1900—1945*. Manchester: Helion and Company, 2015. 244 p.

- ⁷⁷ Searle A. Armoured Warfare: A Military, Political and Global History. L.: Continuum Publishing Corporation, 2017. 288 p.
- ⁷⁸ Вишнеv С. Танковые войска иностранных государств М.: Госвоениздат, 1926. С. 60
- ⁷⁹ ТАУ. Указ. соч. С. 242
- ⁸⁰ Калиновский К. Б. Проблема механизации и моторизации современных армий // Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. М.: Соцэкгиз, 1931. Т. 3: «Записки». С. 27—64.
- ⁸¹ Фавицкий В. В. Роль механизированных войск в современной операции // Механизация и моторизация РККА. М.: Госвоениздат, 1933. №2. С. 60—71
- ⁸² История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1974. Т. II: Накануне войны / под ред. Г. А. Деборина. С. 392
- ⁸³ Шмелев И. П. История танка. 1916—1996. М: Издательский дом «Техника молодежи», 1996. 156 с.
- ⁸⁴ Барятинский М. Б. Бронетанковая техника Великобритании (1939—1945). М.: Моделист-Конструктор, 1996. С. 2
- ⁸⁵ Холявский Г. Л. Полная энциклопедия танков мира. 1915—2000. Мн.: Харвест, 2006. С. 70
- ⁸⁶ Быстров А.А. Танки. 1916—1945: Иллюстрированная энциклопедия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. 224 С.
- ⁸⁷ Там же. С. 15-17
- ⁸⁸ Royal Tank Regiment. <http://www.royaltankregiment.com/en-GB/betweenthewars.aspx> (дата обращения: 09.12.2017).
- ⁸⁹ История западноевропейских армий / В. Н. Богданов, С. В. Ермаченков, Б. Г. Путилин, А. П. Рогалев. М.: Евролинц; Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
- ⁹⁰ Лиско В. Танки (военная техника). Минск: Харвест, 2010. 256 с.
- ⁹¹ Больных А. Г. XX век танков. М.: Эксмо, 2010. С. 45
- ⁹² Калиниченко К.В. Проблемы перевооружения Англии накануне Второй мировой войны исследование: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003. С. 146.

- ⁹³ Магадеев И. Э. Лошади или танки? Дискуссии в британской армии 1920-х гг. // Исторические записки. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. Т. 15. С. 44.
- ⁹⁴ Ражев А. В. Сухопутная армия Великобритании в 1935—1939 гг.: модернизация стратегии и политика умиротворения: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 253 с.
- ⁹⁵ Белаш Е. Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с.
- ⁹⁶ Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. / Сокр. пер. с англ. под ред. А. С. Орлова. М.: Воениздат, 1991. Т. I: Надвигающаяся буря. С. 12
- ⁹⁷ Цит. по: Guiral P. Clemenceau en son temps. Paris, 1994. P. 298.
- ⁹⁸ Draft Minutes of a Meeting held at 10, Downing Street. War Cabinet 606 A 05, August 1919. // NAGB PRO. CAB 23/15 P. 164
- ⁹⁹ Conclusions of a Meeting held at 10, Downing Street. War Cabinet 616 A. 15 August 1919. // NAGB PRO. CAB 23/15 P. 270
- ¹⁰⁰ Strohn M. The German Army and the Defence of the Reich: Military Doctrine and the Conduct of Defensive Battle, 1918—1939. Cambridge, 2011. P. 97.
- ¹⁰¹ Maisel E. The Foreign Office and Foreign Policy, 1919—1926. Brighton, 1994. P. 92.
- ¹⁰² The Times. 2 November 1948
- ¹⁰³ War Office: General (Code 1(A)): Origin of the phrase "No war for ten years" Explanation by Sir M Hankey, 14 Dec. 1923. // NAGB PRO. WO 32/9314. PP. 1-4
- ¹⁰⁴ War Office: General (Code 1(A)): Origin of the phrase "No war for ten years" Explanation by Sir M Hankey, 14 Dec. 1923. // NAGB PRO. WO 32/9314. P. 3
- ¹⁰⁵ United Kingdom Public Spending. <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).
- ¹⁰⁶ Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века: учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. С. 108
- ¹⁰⁷ United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).
- ¹⁰⁸ Howard M. The Continental Commitment: Dilemma of British Defence Policy in the Era of the Two World Wars. L.: Maurice Temple Smith Ltd., 1972. P. 70
- ¹⁰⁹ Ibid. PP. 76-77

- ¹¹⁰ Лихарев Д. В. Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб.: Корабли и сражения, 1997. С. 75
- ¹¹¹ CID 900-B, Imperial Defence Policy. June 25 1928. С. P. 308(28) // NAGB PRO. CAB 24/198. P. 252
- ¹¹² Эмери Л. Моя политическая жизнь. / Сокр. пер. с англ. А. О. Зелениной, С. О. Митиной, А. Л. Миранского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 52
- ¹¹³ The Strategical Importance of the Neutrality of Tangier. 08 July 1925. С. P. 334 (25) // NAGB PRO. CAB 24/174. P. 372
- ¹¹⁴ Roskill S. Naval Policy Between the Wars: The Period of Anglo-American Antagonism 1919—1929. Annapolis: Naval Institute Press, 2016. P. 291
- ¹¹⁵ Butler D. E. British political facts, 1900—1960. L.: Macmillan, 1963. P. 159
- ¹¹⁶ Archibald E. H. H. The fighting ships of the Royal Navy, 897—1984. N. Y.: Blandford Press, 1987. P. 179
- ¹¹⁷ Bishop C. The Encyclopedia of Weapons of World War II. N. Y.: Barnes & Noble, 1998. P. 479
- ¹¹⁸ Preston A. Jane's Fighting Ships of World War II. N. Y.: Crescent Books, 1993. P. 24
- ¹¹⁹ Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918—1923. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 181.
- ¹²⁰ Там же С. 140.
- ¹²¹ Цит. по: Britain, France and the Entente Cordiale Since 1904 / ed. A. Capet. Luxembourg. Springer, 2006. P. 51
- ¹²² Цит. по: Ferris J. The Theory of a «French Air Menace»: Anglo-French Relations and the British Home Defence Air Force Programmes, 1921—1925 // Journal of Strategic Studies. 1987. Vol. 20. № 1. P. 65.
- ¹²³ Conclusions of a Meeting of the Cabinet held at 10, Downing Street. 15 March 1922. С.С. 18 (22) // NAGB PRO. CAB 23/29. P. 282
- ¹²⁴ Цит. по: Ferris J. The Evolution of British Strategic Policy, 1919—1926. L.: Macmillan, 1989. P. 127

- ¹²⁵ Biddle T. D. *Rhetoric and Reality in Air Warfare: The Evolution of British and American Ideas about Strategic Bombing, 1914—1945*. New Jersey: Princeton University Press, 2002. P. 82
- ¹²⁶ Ferris J. The theory of a 'French air menace', Anglo-French relations and the British home defence air force programmes of 1921–25 // *RUSI Journal*. 1987. Vol 10. Issue 1. P. 70
- ¹²⁷ Ministerial Conference 138, 18 September. 1922 // NAGB PRO. CAB 23/39 P. 254
- ¹²⁸ Цит. по: Spaight J. M. *The Sky's the Limit*. L.: Hodder and Stoughton, 1940. P. 18.
- ¹²⁹ Biddle T. D. *Op. cit.* P. 72
- ¹³⁰ Brooke-Popham H.R.M. *The Air Force* // *RUSI Journal*. 1920. Vol 65. Issue 457. P. 55
- ¹³¹ Hansard. *Parliamentary Debates. House of Commons* (при дальнейшем упоминании Hansard) Feb. 1920 Vol. 125 Cc. 1353-1354.
- ¹³² Howard M. *Op. cit.* P. 82
- ¹³³ *Ibid.* P. 83
- ¹³⁴ *Field Service Regulations*. 1920. Vol. 3. P. 12
- ¹³⁵ *Our military strength in relation to our military commitments. Memorandum by the general staff*. 17 April 1923. C.P. 200(23) // NAGB PRO. CAB 24/195. P. 726
- ¹³⁶ *Army Organization: General (Code 14(A)): Distribution and strength of the British Army in relation to its duties* 12 March 1921. // NAGB PRO. WO 32/2823
- ¹³⁷ *Future size of our regular army. Memorandum by the secretary of state for war*. 17 April 1923. C.P. 200(23) // NAGB PRO. CAB 24/195. P. 720
- ¹³⁸ Clarke F. *Infantry Firepower & Bayonet*. // *The Army Quarterly*. 1926. Vol. 13 № 2. P. 122.
- ¹³⁹ Tucker S. *Encyclopedia of World War I*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. P. 504
- ¹⁴⁰ Clericus. *The Army after the War* // *RUSI Journal*. Vol. 63. 1918. Issue 451. Pp. 493—499; *Army Reorganization* // *RUSI Journal*. Vol. 63. 1918. Issue 450. Pp. 286—300
- ¹⁴¹ Hansard. Deb 23 February 1920 Vol. 125 Cc. 1339—1455
- ¹⁴² *Summary of Army Estimates, 1920—21*. C.P. 5(85). 7 Feb. 1920 // NAGB PRO. CAB 24/97 P. 603

- ¹⁴³ Chandler D. *The Oxford History Of The British Army*. N. Y.: Oxford University Press, 2003. PP. 46-47
- ¹⁴⁴ Dennis. P. *The Territorial Army, 1906—1940*. L.: Royal Historical Society, 1987. P. 41
- ¹⁴⁵ *Ibid.* p. 43
- ¹⁴⁶ *Hansard*. 3 March 1919 Vol. 113 col. 104
- ¹⁴⁷ *The Times*, 3 April 1919; 3 May 1919; 9 February 1920
- ¹⁴⁸ *The Times*, 31 January, 1920
- ¹⁴⁹ *The Times*, 15 July, 1921
- ¹⁵⁰ *Hansard*. 15 March 1921 Vol. 193 Col. 1286.
- ¹⁵¹ *Hansard*. 15 March 1922 Vol. 151, Cc. 2240-2241
- ¹⁵² 'Report of a Committee appointed to examine Part I (Defence Departments) of the Report of the Geddes Committee on National Expenditure', 4 February 1922, CP 3692, CAB 24/132.
- ¹⁵³ Dennis Op. cit. P. 51
- ¹⁵⁴ *Ibid.* P. 78
- ¹⁵⁵ *The Times*, 1 May 1922
- ¹⁵⁶ *The Interim Report of The Committee On National Expenditure*. 20 January 1922 C. P. 36(19). // NAGB PRO. CAB 24/132 P. 87
- ¹⁵⁷ *Hansard*. 13 March 1924 Vol. 170 Col. 2617.
- ¹⁵⁸ Ashmore E. B. // *RUSI Journal*. Issue 485. Vol. 72. 1927. P. 3
- ¹⁵⁹ Barnett C. *The Collapse of British power*. L. Faber & Faber, 2011. P. 437
- ¹⁶⁰ *Hansard*. 15 March 1923 Vol. 161 Col. 1897.
- ¹⁶¹ *Future size of our Regular Army*. 17 April 1923. C.P. 200(23) // NAGB PRO. CAB 24/159 P. 726
- ¹⁶² Fletcher D. *British Battle Tanks World War I to 1939*. P. 95
- ¹⁶³ Громыченко А. *Очерки развития танков*. М.: Воениздат, 1934. С. 25
- ¹⁶⁴ Цит. по: Sheppard E. *Tanks in the Next War*. L.: Geoffrey Bles, 1938. P. 59
- ¹⁶⁵ Jackson. L. C. *Possibilities of the Next War* // *RUSI Journal*. 1920. Vol. 65. № 2. P. 75.

- ¹⁶⁶ Hansard. 27 June 1923 Vol. 54 Col. 626
- ¹⁶⁷ The Interim Report of The Committee On National Expenditure. 20 January 1922 C. P. 36(19). // NAGB PRO. CAB 24/132 P. 91
- ¹⁶⁸ The Interim Report of The Committee On National Expenditure. 20 January 1922 C. P. 36(19). // NAGB PRO. CAB 24/132 P. 92
- ¹⁶⁹ Ferris J. Treasury Control, the Ten Year Rule and British Service Policies, 1919—1924. // The Historical Journal. December 1987. Vol. 30. № 4. P. 861.
- ¹⁷⁰ Postan M. M. British War Production in History of the Second World War. L.: HMSO, 1952. P. 2
- ¹⁷¹ Watt. D. C. How war came. L.: Mandarin, 1990. P. 20
- ¹⁷² Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. / Пер. с англ. под ред. И. С. Звавича. М.: Госполитиздат, 1945. С. 198-199
- ¹⁷³ Committee of imperial defence. Chiefs of staff sub-committee. Defence of the port of Haifa. March 1927. // NAGB PRO. CAB 53/14 PP. 232-237
- ¹⁷⁴ Clausewitz. C. Kleine Schriften: Geist und Tat — Das Vermächtnis des Soldaten und Denkers. Hamburg: Tredition, 2011. P. 75
- ¹⁷⁵ Miller S. E. Technology and War // Bulletin of the Atomic Scientists. 1985. Vol. 41, № 11. P. 46.
- ¹⁷⁶ Петунин К. Б. Межвоенная дискуссия о роли танков в британской армии // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград: БФУ им. И Канта, 2017. № 10. С. 22-34
- ¹⁷⁷ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. PP. 71-128
- ¹⁷⁸ Director General, Tank Corps: Conference on tank policy. June 26, 1918. // NAGB PRO. WO 158/830 P. 22
- ¹⁷⁹ Croft W. D. Second Military Prize Essay for 1919. The Application of Recent Developments in Mechanics and Other Scientific Knowledge to Preparation and Training for Future War on Land // RUSI Journal. Vol. 65. 1920. Issue 459. PP. 443-476
- ¹⁸⁰ Barker A. J. The First Iraq War, 1914—18. Britain's Mesopotamian Campaign. N.Y.: Enigma Books, 2009. P. 233
- ¹⁸¹ Hansard. 20 April 1921 Vol. 140 Col. 1989

- ¹⁸² Fuller J. F. C. The Revival and Training of Light Infantry in the British Army, 1757–1806 // RUSI Journal. Vol. 57. 1913. Issue 427. PP. 1187-1214
- ¹⁸³ Ibid. PP. 378-389
- ¹⁸⁴ Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-33290> (дата обращения: 01.12.2017)
- ¹⁸⁵ Hansard. 07 March 1927 Vol. 203 Col. 886
- ¹⁸⁶ Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-33290> (дата обращения: 01.12.2017).
- ¹⁸⁷ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 102
- ¹⁸⁸ Larson R. Op. ci. PP. 75-76
- ¹⁸⁹ Thurlow R. C. Fascism in Britain: A History, 1918—1985. L.: Blackwell, 1987. P. 80
- ¹⁹⁰ Fuller J. F. C. Memoirs of an Unconventional Soldier. P. 469
- ¹⁹¹ Ibid. PP. 471-472
- ¹⁹² Boot M. War Made New: Weapons, Warriors, and the Making of the Modern World. N. Y.: Penguin, 2006. P. 224
- ¹⁹³ Черчилль У. Мои великие современники. Пер. с англ. С. Струков. М.: АСТ, 2013. С. 187-196
- ¹⁹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 101
- ¹⁹⁵ Полякова А. А. Прошлое без будущего. История короля Эдуарда VIII. М.: Маска, 2013. С. 138
- ¹⁹⁶ The Times, 8 October. 1937
- ¹⁹⁷ Donaldson F. Edward VIII. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1974. P. 332.
- ¹⁹⁸ Петунин К.Б. Британский парламент и тема перевооружения нацистской германии в 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики // Грамота. 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 106.
- ¹⁹⁹ Middlebrook M. The First Day on the Somme. N. Y.: Penguin, 2016. P. 226
- ²⁰⁰ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 23

- ²⁰¹ Sheffield G. The Somme. L.: Cassell, 2003.. P. 78
- ²⁰² Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 24
- ²⁰³ Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-33737> (дата обращения: 01.12.2017).
- ²⁰⁴ Larson R. Op. cit. P. 82
- ²⁰⁵ Liddell Hart B. Paris; Or the Future of War. P. 3
- ²⁰⁶ Ibid. PP. 18-20
- ²⁰⁷ Fuller J. F. C. The Reformation of War. P. 64
- ²⁰⁸ Fuller J.F.C. Memoirs of an Unconventional Soldier. P. 472
- ²⁰⁹ Fuller J.F.C. Lectures On F.S.R. III. P. 37
- ²¹⁰ Fuller J. F. C. War and Western Civilization. P. 240
- ²¹¹ Fuller J. F. C. The dragon's teeth: a study of war and peace. PP. 167-172.
- ²¹² Fuller J. F. C. The Reformation of War. PP. 14-19
- ²¹³ Ibid. P. 148
- ²¹⁴ Fuller J. F. C. The dragon's teeth: a study of war and peace. PP. 293-297
- ²¹⁵ Ibid. PP. 160-200
- ²¹⁶ Fuller J.F.C. On Future Warfare. L.: Sifton, Praed & Company, 1928. P. 168-169
- ²¹⁷ Fuller J. F. C. The Reformation of War. PP. 107-108
- ²¹⁸ Hansard. 23 Feb 1920. Vol. 125. Col. 1394
- ²¹⁹ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. P. 98
- ²²⁰ Ibid. P. 98
- ²²¹ Ibid. P. 99
- ²²² Liddell Hart B. H. Paris Or, The Future of War. PP. 24-25
- ²²³ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. PP. 110-115
- ²²⁴ Лидделл Гарт Б. Стратегия непрямых действий. / Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 515 с.
- ²²⁵ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. P. 36
- ²²⁶ Liddell Hart B. H. Paris Or, The Future of War. PP. 37-46
- ²²⁷ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. P. 137

- ²²⁸ Liddell Hart B. H. Paris Or, The Future of War. PP. 47-49
- ²²⁹ Fuller J.F.C. Gold Medal (Military) Prize Essay for 1919. The Application of Recent Developments in Mechanics and Other Scientific Knowledge to Preparation and Training for Future War on Land. // RUSI Journal. Vol. 65. 1920. Issue 458. P. 240
- ²³⁰ Fuller J.F.C. Lectures On F.S.R. III. PP. 1-2
- ²³¹ Fuller J. F. C. Tanks In The Great War 1914—1918. P. 312.
- ²³² Fuller J.F.C. Gold Medal (Military) Prize Essay for 1919. P. 261
- ²³³ Martel G. Our Armoured Forces. L.: Faber & Faber, 1945. PP. 396-403
- ²³⁴ Fuller J. F. C. The Reformation of War. P. 163
- ²³⁵ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. PP. 90-91
- ²³⁶ Winton H. R. Op. cit. P. 21
- ²³⁷ Barnett C. Britain and Her Army. P. 415
- ²³⁸ Ogorkiewicz R. Armoured Forces. P. 20
- ²³⁹ Fuller J. F. C. The Reformation of War. PP. 160-162
- ²⁴⁰ Магадеев И. Э. Указ. соч. С. 41.
- ²⁴¹ Fuller J.F.C. On Future Warfare. Pp. 169-70
- ²⁴² Fuller J.F.C. Lectures On F.S.R. III. 1932. P. 14
- ²⁴³ Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. С. 487
- ²⁴⁴ Liddell Hart B. The Ghost of Napoleon. P. 22
- ²⁴⁵ Ibid. P. 53
- ²⁴⁶ Ibid. P. 111
- ²⁴⁷ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. Pp. 100-115
- ²⁴⁸ The Times. 10 September, 1937
- ²⁴⁹ Ibid.
- ²⁵⁰ Liddell Hart B. H. Paris Or, The Future of War. P. 89
- ²⁵¹ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. PP. 302-304
- ²⁵² Ibid. PP. 131-132
- ²⁵³ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 2. P. 62.

- ²⁵⁴ Золотарев В. А., Аюпова Р. С., Виниченко М.В., Даниленко И.С. Первая мировая война 1914—1918 годов: в 6 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 2: Начало и развертывание войны (1914—1915 годы). С. 725-726
- ²⁵⁵ Edmonds, J. E. *Military Operations France and Belgium, 1918*. L.: Battery Press, 1995. Vol. 1: *The German March Offensive and its Preliminaries. History of the Great War Based on Official Documents, by Direction of the Historical Section of the Committee of Imperial Defence*. P. 157
- ²⁵⁶ Fuller J.F.C. *Memoirs of an Unconventional Soldier*. PP. 318-341
- ²⁵⁷ Ibid. P. 327.
- ²⁵⁸ Liddell Hart B. The “Man-in-the-Dark” Theory of Infantry Tactics and the “Expanding Torrent” System of Attack // *RUSI Journal*. Vol. 66. 1921. Issue 461. PP. 1-22
- ²⁵⁹ Liddell Hart B. The “Ten Commandments” of the Combat Unit Suggestions on its Theory and Training // *RUSI Journal*. Vol. 63. 1919. Issue 454. PP. 288-293
- ²⁶⁰ Liddell Hart B. The Soldier's Pillar of Fire by Night: The Need for a Framework of Tactics // *RUSI Journal*. Vol. 66. 1921. Issue 464. P. 622
- ²⁶¹ Liddell Hart B. Suggestions on the Future Development of the Combat Unit The Tank as a Weapon of Infantry // *RUSI Journal*. Vol. 64. 1919. Issue 456. PP. 666-667
- ²⁶² Liddell Hart B. The Development of the New Model Army: Suggestions on a Progressive but Gradual Mechanicalisation // *The Army Quarterly*. 1924. Vol. 9 № 2. PP. 37-50
- ²⁶³ Ibid. P. 50
- ²⁶⁴ Fuller J.F.C. Gold Medal Prize Essay 1919. P. 261
- ²⁶⁵ Ibid. P. 262
- ²⁶⁶ Fuller J. F. C. *The Reformation of War*. P. 240
- ²⁶⁷ Fuller J.F.C. *On Future*. PP. 370-390
- ²⁶⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 222 Л. 1.
- ²⁶⁹ Fuller J.F.C. Gold Medal Prize Essay. P. 254
- ²⁷⁰ Liddell Hart B. Suggestions on the Future Development of the Combat Unit

The Tank as a Weapon of Infantry. P. 667

²⁷¹ Liddell Hart B. The Development of the New Model Army. P. 44

²⁷² Ibid. PP. 49-50

²⁷³ Liddell Hart B. H. The British Way in Warfare. P. 131-132

²⁷⁴ Liddell Hart B. H. Paris Or, The Future of War. PP. 50, 76

²⁷⁵ Fuller J. F. C. The Reformation of War. PP. 109-111

²⁷⁶ Fuller J.F.C. Memoirs of an Unconventional Soldier. P. 144.

²⁷⁷ Ibid. P. 365.

²⁷⁸ Ibid. P. 28

²⁷⁹ Fuller J.F.C. Generalship: Its Diseases and Their Cure. P. 28

²⁸⁰ Fuller J.F.C. Memoirs of an Unconventional Soldier. P. 151

²⁸¹ Fuller J.F.C. Gold Medal Prize Essay 1919. P. 240

²⁸² Ibid. PP. 259-260

²⁸³ Fuller J.F.C. Generalship: Its Diseases and Their Cure. PP. 31-33

²⁸⁴ Ibid. P. 33

²⁸⁵ Ibid. PP. 97-106

²⁸⁶ Fuller J.F.C. Gold Medal Prize Essay. PP. 260

²⁸⁷ Liddell Hart B. H. Paris Or, The Future of War. P. 52

²⁸⁸ Liddell Hart B. The Ghost of Napoleon. P. 109

²⁸⁹ Ibid. PP. 104-105

²⁹⁰ Ibid. P. 120

²⁹¹ Ibid. P. 122

²⁹² Ibid. P. 129

²⁹³ Ibid. PP. 192-196.

²⁹⁴ Ibid. P. 145

²⁹⁵ Liddell Hart B. The Development of the New Model Army. P. 47

²⁹⁶ Ibid. P. 45

²⁹⁷ Liddell Hart B. The Remaking of Modern Armies. P. 191

²⁹⁸ Howard M. Military Science in an Age of Peace // RUSI Journal. Vol. 119. 1974. Issue 1. P. 3

- ²⁹⁹ Meetings 1—12, Memoranda 1—21. 28 February 1934 // // NAGB PRO. CAB 16/109 P. 173
- ³⁰⁰ Быстров А. А. Указ. соч. С. 23
- ³⁰¹ Ogorkiewicz R. Armoured Forces. PP. 16-17
- ³⁰² Barnett C. Britain and Her Army. PP. 414-415
- ³⁰³ The Private Papers of Hore-Belisha P. 40
- ³⁰⁴ Cooper D. Old Men Forget. P. 205.
- ³⁰⁵ Cooper D. The Duff Cooper Diaries: 1915—1951. P. 226.
- ³⁰⁶ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 2. P.77
- ³⁰⁷ Ogorkiewicz R. Armoured Forces: History of Armoured Forces and Their Vehicles. 1960. P. 17
- ³⁰⁸ The Half-Yearly Army List For The Half-Year Ending 31st December 1922. Part 2: War Services Of Officers Of The Army, Etc. L.: The War Office, 1995. PP. 5-170.
- ³⁰⁹ The Army Quarterly. 1933. Vol. 26. № 1. P. 159.
- ³¹⁰ Barnett C. Britain and Her Army. P.420
- ³¹¹ Razzell P. E. Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army: 1758—1962 // The British Journal of Sociology. 1963. Vol. 14, №. 3. p. 254
- ³¹² Strength and Organisation of the Cavalry of the Line, 4 June 1928. C.P. 178(28) // NAGB PRO. CAB 24/195 P. 177
- ³¹³ Ibid.
- ³¹⁴ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1929/30: C.341.M.120.1929.9. Geneva. League of Nations, 1929. P. 90.
- ³¹⁵ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1935: 1935.9.3. Geneva. League of Nations, 1935. P. 123
- ³¹⁶ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1929/30. P. 88
- ³¹⁷ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. Geneva, 1935. P. 122
- ³¹⁸ Hansard. 15 March 1926 Vol. 193 Col. 90
- ³¹⁹ Bate T. R. F. // RUSI Journal. Vol. 67. 1922. Issue 465. Pp. 16-25

- ³²⁰ Mowat C. L. Britain between the Wars 1918—1940. L.: Methuen & Co., 1968. P. 231
- ³²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 222 Л. 8.
- ³²² Hansard. 27 June 1923 Vol. 54 Col. 626
- ³²³ Hansard. 15 March 1926 Vol. 193 Col. 174
- ³²⁴ Deedes C. P. The Influence of Ground on Modern Military Operations // RUSI Journal. 1929. Vol. 74. P. 38.
- ³²⁵ Ibid. PP. 38-48.
- ³²⁶ Redway G. W. The Elimination of Infantry // RUSI Journal. 1929. Vol. 74 №1 P. 147.
- ³²⁷ Larson R. H. Op. ci. P. 112
- ³²⁸ Hansard. 20 April 1921 Vol. 140 Сс. 1979-1988.
- ³²⁹ Hansard. 08 March 1932 Vol. 262 Сс. 1769-1771.
- ³³⁰ Hansard. 15 March 1926 Vol. 193 Col. 118.
- ³³¹ Army Organisation: Cavalry (Code 14(D)): Cavalry Committee: Interim report 1926 // NAGB PRO. WO 32/2841 PP. 4-5, 10-11.
- ³³² Strength and Organisation of the Cavalry of the Line, 4 Jun, 1928 C.P. 178(28) // NAGB PRO. CAB 24/195 P. 173
- ³³³ Hambro P. // RUSI Journal. Vol. 72. 1927. Issue 485. P. 100
- ³³⁴ Daily Telegraph, 6 September 1928. P. 5
- ³³⁵ Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. С. 510

Глава 2

¹ Цит. по Larson R. H. Op. ci. P. 133

² Wilson D. Treat 'Em Rough!: The Birth of American Armor, 1917—20. N. Y.: Presidio Press, 1989. P. 291

- ³ Nicot J. Inventaire des archives de la guerre. Serie N. 1920—1940. P., 1995. T. I. Pp. XXXIV-XXXV.
- ⁴ The Proposed Reorganization of the French Army. C.P. 12(57). 12 May 1920. // NAGB PRO. CAB 24/105 P. 232
- ⁵ Hansard. 06 Jul 1925 Vol. 186 CC. 39-40
- ⁶ Hansard. 23 February 1920 Vol. 125 CC.1413-1415; Hansard. 25 June 1926 Vol. 197 CC. 747-749
- ⁷ Army Organisation: Tanks (Code 14(G)): Proposals concerning formation of tank expeditionary force and use of tanks in Russia. 25 March 1919. // NAGB PRO. WO 32/5685 PP. 3-4
- ⁸ Hansard. 27 April 1920 Vol. 128 Col. 1056W
- ⁹ Hansard. 18 November 1920 Vol. 134 Col. 2057
- ¹⁰ Ireland (Code 0(AD)): Mechanical Transport, armoured cars and other forms of protection for troops in Ireland 1920 // NAGB PRO. WO 32/9541
- ¹¹ Hansard. 20 February 1922 Vol. 150 CC. 1613-1615
- ¹² Hansard. 22 June 1920 Vol. 130 CC. 2123-2125
- ¹³ Conclusions of a Meeting of the Cabinet, held at 10, Downing Str. 1 Dec. 1920. // NAGB PRO. CAB 24/97 P. 155
- ¹⁴ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 202
- ¹⁵ Jackson. L. C. Possibilities of the Next War // RUSI Journal. 1920. Vol. 65. № 2. P. 75.
- ¹⁶ Hansard. 15 March 1923 Vol. 161 Col. 1834
- ¹⁷ Hansard. 05 May 1920 Vol. 40. Col. 168
- ¹⁸ Hansard. 23 February 1920 Vol. 125. Col. 1356
- ¹⁹ Hansard. 08 March 1928 vol 214 Col. 1318
- ²⁰ Hansard. 23 February 1920 Vol. 125. Col. 1356
- ²¹ Hansard. 09 March 1920 Vol. 126 Col. 1081
- ²² Minutes and Precs. 12 Dec. 1922 // NAGB PRO. WO 163/28. PP. 26-27
- ²³ Hansard. 20 March 1928 Vol. 215 Col. 250; Hansard. 23 February 1920 Vol. 125. Col. 1356
- ²⁴ Infantry Training. Vol. 2. 1921. PP. 130-133

- ²⁵ РГВА Ф. 31811. Оп. 1. Д. 140. Л. 257-259; Hansard. 09 March 1933 Vol. 275 Col. 1402; Hansard. 12 March 1936 Vol. 309 Col. 2359
- ²⁶ Fuller J. F. C. *The Army in My Time*. P. 177
- ²⁷ Summary of Army Estimates, 1920—21. Feb. 1920 C.P. 58(57) // NAGB PRO. CAB 24/97 P. 603
- ²⁸ Minutes and Precises, 1920 January 29—Dec 21. 20 October 1920 // WO 163/25. PP. 125-126
- ²⁹ Hansard. 15 March 1923 Vol. 161 Col. 1834
- ³⁰ United Kingdom Public Spending. <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).
- ³¹ Hansard. 13 February 1922 Vol. 150 Col. 639W
- ³² Hansard. 27 April 1920 Vol. 128 CC. 1055-1056W
- ³³ Hansard. 15 March 1923. Vol. 161. Col. 1835.
- ³⁴ Royal Tank Regiment. URL: <http://www.royaltankregiment.com/en-GB/betweenthewars.aspx> (дата обращения: 09.12.2017).
- ³⁵ Hansard. 12 Jul 1923 Vol. 166 Col. 1603W
- ³⁶ Liddell Hart B. *The Tanks*. Vol. 1. P. 224
- ³⁷ *Infantry Training*. Vol. 2. War. 1921. PP.129-137
- ³⁸ *Field Service Regulations*. 1920. Vol. 3. PP. 21- 23
- ³⁹ *Ibid.* P. 15
- ⁴⁰ Ellis C. *AFV Weapons Profile No. 7: Medium Tanks Mk A-D*. L.: Profile Publications, 1969. P. 20
- ⁴¹ Fletcher D. *Mechanised Force: British Tanks Between the Wars*. PP. 2-9
- ⁴² *Handbook for Mk I, IA and IA* Medium Tanks*. 1931. Land Service. L.: HM Government, 1931. P. 9
- ⁴³ *Ibid.* P. 31
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 11
- ⁴⁵ Hansard. 14 March 1939 Vol. 345 Col. 307
- ⁴⁶ Hansard. 06 Jul 1925 Vol. 186 Col. 39

- ⁴⁷ Handbook for Mks II, II* and IIA Medium Tanks. 1930. Land Service. L.: HM Government, 1930. P. 35
- ⁴⁸ Ibid. 1930. P. 10
- ⁴⁹ Hansard. 07 Jul 1927 Vol. 208 Col. 1427
- ⁵⁰ РГВА Ф. 31811 Оп. 3 Д. 22 Л. 213-214
- ⁵¹ Hansard. 13 March 1924 Vol. 170 CC. 2617-2619
- ⁵² Proposed training school for army mechanics, 20th June 1921. C. P. 30(59) // NAGB PRO. CAB 24/125
- ⁵³ Hansard. 01 Dec 1926 Vol. 65 CC. 1055-1056
- ⁵⁴ Hansard. 22 June 1926 Vol 197 CC. 256W
- ⁵⁵ Hansard. 02 July 1925 Vol. 185 Col. 2831W
- ⁵⁶ Hansard. 16 June 1925 Vol. 185 Col. 303W
- ⁵⁷ Hansard. 06 Jul 1925 Vol. 186 Col. 39
- ⁵⁸ Hansard. 16 March 1925 Vol. 181 Col. 1926
- ⁵⁹ Hansard. 07 March 1927 Vol. 203 CC. 939-943
- ⁶⁰ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1925—26: 1925/26: C.373.M.121.1925.9. Geneva. League of Nations, 1925. P. 117
- ⁶¹ Hansard. 30 March 1926 Vol. 193 Col. 1822
- ⁶² League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1925—26. P. 92
- ⁶³ Memorandum. Re-allocation of Duties between the Quarter-Master-General and the Master-General of the Ordnance, 07 October 1927. C.P. 237 (27) // NAGB PRO. CAB 24/188 P. 239
- ⁶⁴ Conclusions of a Meeting of the Cabinet, 12 October 1927. C.C. 50 (27) // NAGB PRO. CAB 23/55 P. 297
- ⁶⁵ Hansard. 28 February 1928 Vol. 70 CC. 247-284; Hansard. 20 March 1928 Vol. 215 CC. 278-279
- ⁶⁶ Memorandum. Re-allocation of Duties between the Quarter-Master-General and the Master-General of the Ordnance, 07 October 1927. C. P. 237 (27) // NAGB PRO. CAB 24/188 P. 238

- ⁶⁷ Hansard. 28 Feb 1928 Vol. 70 Col. 254
- ⁶⁸ Hansard. 28 Feb 1929 Vol. 225 Col. 2214
- ⁶⁹ Hansard. 28 Feb 1929 Vol. 225 CC. 2304-2310
- ⁷⁰ Hansard. 05 March 1929 Vol. 226 CC. 221-222W
- ⁷¹ Hansard. 20 March 1928 Vol. 215 Col. 249
- ⁷² Military appreciation of the situation in Europe, March, 1931, 31 March, 1931. C.P. 96(31) // NAGB PRO. CAB 24/200. P. 457.
- ⁷³ Army Organization: General (Code 14(A)): Distribution and strength of the British Army in relation to its duties 12 March 1921. // NAGB PRO. WO 32/2823
- ⁷⁴ Our Military Strength in Relation to Our Military Commitments. Memorandum by The General Staff. C.P. 200 (23) April 1923. // NAGB PRO. CAB 24/159. P. 10
- ⁷⁵ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 213
- ⁷⁶ The interim report of the committee on national expenditure. C. P. 36(19). 20th January 1922. // NAGB PRO. CAB 24/132. P. 92
- ⁷⁷ Fuller J.F.C. Memoirs of an Unconventional Soldier. P. 317; Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 208
- ⁷⁸ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 208
- ⁷⁹ Fletcher D. Mechanised Force: British Tanks Between the Wars. P. 99
- ⁸⁰ Цит. по: Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 208
- ⁸¹ Цит. по: Liddell Hart B. Lawrence of Arabia. L.: Jonathan Cape LTD, 1934. 307
- ⁸² Biddle T. D. Op. cit. P. 82
- ⁸³ Ibid. P. 83
- ⁸⁴ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. 1781—1997. / Пер. с англ. М. В. Жуковской. М.: АСТ, 2011. С. 419
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Hansard. 01 March 1921 Vol. 138 Col. 1655
- ⁸⁷ Карвер М. Битва под Эль-Аламейном. Поражение танковой армии Роммеля в Северной Африке. / Пер. с англ. А. Н. Анваера. М.: Центрполиграф, 2003. С. 9
- ⁸⁸ Interim report of the Committee on national expenditure. C.P. 36(82). 4 February 1922. // CAB 24/132 P. 443

- ⁸⁹ The interim report of the committee on national expenditure. C. P. 36(19). 20 January 1922. // NAGB PRO. CAB 24/132. PP. 89-93
- ⁹⁰ Hansard. 21 March 1922. Vol. 152. CC. 342-394
- ⁹¹ British Troops in Mosul. C.P. 37(17). 09 February 1922. // NAGB PRO. CAB 24/133
- ⁹² The interim report of the committee on national expenditure. C. P. 36(19). 20 January 1922. // NAGB PRO. CAB 24/132. P. 90
- ⁹³ Ibid. P. 90
- ⁹⁴ Iraq. C.P. 37(81). 22 February 1922. // NAGB PRO. CAB 24/133
- ⁹⁵ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 210
- ⁹⁶ Hansard. 11 March 1924 Vol. 170 Col. 2179; 27 March 1928 Vol 215. CC. 961-962
- ⁹⁷ Hansard. 10 March 1927 Vol. 203. Col. 1396
- ⁹⁸ Our Military Strength in Relation to Our Military Commitments. Memorandum by The General Staff. April 1923. // NAGB PRO. CAB 24/159 PP. 6-7
- ⁹⁹ Hansard. 27 February 1929 Vol. 225. Col. 2013w
- ¹⁰⁰ Hansard. 22 March 1923 Vol. 161. CC. 2178-2179
- ¹⁰¹ Hansard. 25 March 1925 Vol. 182. Col. 432
- ¹⁰² Hansard. 07 March 1927 Vol. 203 Col. 879
- ¹⁰³ Hansard. 27 February 1929 Vol. 225. CC. 2012-2014W
- ¹⁰⁴ Fletcher D. Mechanised Force: British Tanks Between the Wars. P. 100
- ¹⁰⁵ Dundee Courier. 1929. 28 August.
- ¹⁰⁶ King's College London Archives, including the Liddell Hart Centre for Military Archives. URL: <http://www.kingscollections.org/catalogues/lhcma/collection/1/li40-001> (дата обращения: 09.01.2018).
- ¹⁰⁷ Цит. по: Брендон П. Указ. соч. С. 425
- ¹⁰⁸ Our Military Strength in Relation to Our Military Commitments. Memorandum by The General Staff. April 1923. // NAGB PRO. CAB 24/159 PP. 9-10
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 12
- ¹¹⁰ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1924: A.37.1924.IX. Geneva, 1924. P. 80.
- ¹¹¹ Hansard. 23 March 1925 Vol. 182. Col. 38

- ¹¹² League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1929/30. P. 95
- ¹¹³ The Preparation of the Army for War. Memorandum by the Secretary of State for War. 19 Jul. 1927. C.P. 207(27) // NAGB PRO. CAB 24/188
- ¹¹⁴ Army Notes // RUSI Journal. 1927. Vol. 72. Issue 488. PP. 903-911.
- ¹¹⁵ Hansard. 08 March 1927 Vol. 202 Col. 1093.
- ¹¹⁶ Hansard. 07 March 1927 Vol. 203 CC. 936-939.
- ¹¹⁷ League of Nations, Treaty Series. Imprimeries Reunies S. A. Lausanne. 1929. Vol. 94, №. 2137 P. 57
- ¹¹⁸ Memorandum. The Foreign Policy of His Majesty's Government. (In Continuation of and Supplementary to the Memorandum of April 1927) 5 April 1928 // NAGB PRO. CAB 53/14 PP. 242-243
- ¹¹⁹ Тухачевский М.Н., Брзэнн Я.К., Никонов А.Н. 5 Управление Штаба РККА 1928 г. Будущая война. // Антология отечественной военной мысли. Книга. 11 М., 1996. С. 56.
- ¹²⁰ РГВА. Ф. 22987. Оп. 3. Д. 347. Л. 2.
- ¹²¹ Deist W. The Road to Ideological War, Germany 1918—1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 365
- ¹²² Millett A., Murray W. Military effectiveness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 2: The interwar period. P. 228
- ¹²³ Hansard 08 March 1928 Vol. 214. Col. 1268
- ¹²⁴ Hansard 08 March 1928 Vol. 214. Col. 1268
- ¹²⁵ The Yorkshire post. 1928. 14 March
- ¹²⁶ Hansard. 20 March 1928 Vol. 215. Col. 278
- ¹²⁷ Hansard. 20 March 1928 Vol. 215. Col. 277
- ¹²⁸ Hansard 27 March 1928 Vol 215. CC. 961-962
- ¹²⁹ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 2. PP. 256-257
- ¹³⁰ Ibid. P. 286
- ¹³¹ Fletcher D. The Rolls-Royce Armoured Car. P. 29
- ¹³² Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 284

- ¹³³ Winton H. R. Op. ci. P. 143
- ¹³⁴ League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1930: 1930.9.2 — 1931. Geneva. League of Nations, 1931. P. 95.
- ¹³⁵ Hansard. 29 Jul. 1930 Vol. 242 CC. 301-302W.
- ¹³⁶ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. PP. 44-79
- ¹³⁷ Hansard. 15 March 1923. Vol. 161. Col. 1835
- ¹³⁸ Hansard. 24 May. 1927. Vol. 206 CC.1807-8
- ¹³⁹ Hansard. 21 November 1927 Vol. 210 Col. 1442W
- ¹⁴⁰ Hansard. 28 Feb. 1927 Vol. 203 CC. 50-51W
- ¹⁴¹ Hansard. 02 Jul. 1928 Vol. 219 Col. 1127
- ¹⁴² Fletcher D. Mechanised Force: British Tanks Between the Wars. P. 62
- ¹⁴³ Ibid. P. 61
- ¹⁴⁴ Fuller J. F. C. Progress in the Mechanicalisation of Modern Armies // RUSI Journal. 1925. Vol. 70. № 1, P. 75
- ¹⁴⁵ Ibid. P. 87
- ¹⁴⁶ Liddell Hart B. The Development of the New Model Army. P. 48
- ¹⁴⁷ Proposed purchase of land at Salisbury plain. 17th August, 1925 // NAGB PRO. CAB 24/174/93
- ¹⁴⁸ The Gerald. 1925. 26 September.
- ¹⁴⁹ Hansard. 16 March 1925 Vol. Col. 1892
- ¹⁵⁰ Liddell Hart B. H. // RUSI Journal. Vol. 70. 1925. Issue 480. PP. 647-655
- ¹⁵¹ Field Service Regulations. 1924. Vol. 2. 123
- ¹⁵² Daily Telegraph, 25 September 1925.
- ¹⁵³ The Army Quarterly. 1926. Vol. 11. № 1 P. 231
- ¹⁵⁴ Hansard. 15 March 1926 Vol. 193 CC. 78-79
- ¹⁵⁵ Army Organization: General (Code 14(A)): Initiation of Experimental Mechanical Force 10. October 1926. // NAGB PRO. WO. 32/2820
- ¹⁵⁶ Daily Telegraph, 1 September 1926.
- ¹⁵⁷ Army organization: General (Code 14(A)): Initiation of Experimental Mechanical Force 10 October 1926. // NAGB PRO. WO. 32/2820 P. 2

¹⁵⁸ Winton H. R. Op. cit. P. 73

¹⁵⁹ Defence of India, First Report of Sub-Committee 19th December, 1927 // NAGB PRO. CAB/24/192/26

¹⁶⁰ Committee of imperial defence. Chiefs of Staff Sub-Committee. Imperial Defence Policy. Papers Prepared for the use of the Chiefs of Staff in their Third Annual Review of Imperial Defence. 18 April 1928. // NAGB PRO. CAB 53/14 P. 245

¹⁶¹ Army organization: General (Code 14(A)): Initiation of Experimental Mechanical Force 10 October 1926. // NAGB PRO. WO 32/2820 PP. 1-3

¹⁶² Ibid. P. 2

¹⁶³ Ibid. P. 3

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid.

¹⁶⁶ Ibid. p. 5

¹⁶⁷ The Daily Telegraph. 1927. 22 April.

¹⁶⁸ Hansard. 07 March 1927 Vol. 203 Col. 886

¹⁶⁹ Цит по Larson R. H. Op. ci. P. 133

¹⁷⁰ Fuller. J. F. C. Memoirs of An Unconventional Soldier. PP. 20-21

¹⁷¹ Ibid. PP. 436-437

¹⁷² Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 112

¹⁷³ Army Organization: General (Code 14(A)): Initiation of Experimental Mechanical Force 10 October 1926. // NAGB PRO. WO 32/2820 P. 9

¹⁷⁴ Fuller. J. F. C. Memoirs of An Unconventional Soldier. P. 113

¹⁷⁵ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 245.

¹⁷⁶ The Times, 14 May 1927.

¹⁷⁷ Hansard. 07 March 1927 Vol. 203 Col. 887

¹⁷⁸ Daily Telegraph, 15 July 1927.

¹⁷⁹ The Times, 20 August 1927.

¹⁸⁰ Daily Telegraph, 20 August 1927.

¹⁸¹ Белаш Е. Указ. соч. С. 33

¹⁸² Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 243.

- ¹⁸³ Daily Telegraph, 16 September 1927.
- ¹⁸⁴ Daily Telegraph, 17 September 1927.
- ¹⁸⁵ Hansard. 08 March 1928 Vol. 214 Col. 1286
- ¹⁸⁶ Ibid.
- ¹⁸⁷ Hume E. G. Mechanization from a Cavalry Point of View // RUSI Journal. 1927. Vol. 72. № 488. PP. 808-811
- ¹⁸⁸ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 248.
- ¹⁸⁹ Liddell Hart B. Army Training, 1927: Conversion by Demonstration. // RUSI Journal. Vol. 72. 1927. Issue 488. PP. 746-754
- ¹⁹⁰ Broad C. N. F. A Mechanized Formation // RUSI Journal. 1928. Vol. 73. № 489. PP. 1-16
- ¹⁹¹ Hansard. 27 Feb 1928 Vol. 223 Col. 217
- ¹⁹² Army Organization: General (Code 14(A)): Experimental Armoured Force 1928: Report. 9 November 1928. // NAGB WO 32/2828 PP. 28-30
- ¹⁹³ Daily Telegraph, 6 July 1928.; Daily Telegraph, 13 July 1928.
- ¹⁹⁴ Liddell Hart B. Armoured Forces in 1928. // RUSI Journal. Vol. 73. 1928. Issue 492. PP. 720-729
- ¹⁹⁵ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 259.
- ¹⁹⁶ Ibid.
- ¹⁹⁷ Army Organization: General (Code 14(A)): Experimental Armoured Force 1928: Report. 9 November 1928. // NAGB WO 32/2828 P. 31
- ¹⁹⁸ Ibid. P. 29
- ¹⁹⁹ Ibid. PP. 29-30
- ²⁰⁰ Ibid. P. 30
- ²⁰¹ Ibid.
- ²⁰² Hansard. 20 March 1928 Vol. 215 Col. 252
- ²⁰³ Field Service Regulations. 1924. Vol. 2. P. 76
- ²⁰⁴ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 249.
- ²⁰⁵ Daily Telegraph, 31 August 1927.
- ²⁰⁶ Liddell Hart B. Armoured Forces in 1928. P. 723

- ²⁰⁷ Army Organization: General (Code 14(A)): Experimental Formations for 1929 Milne to Worthington-Evans. 12 November 1928. // NAGB WO 32/2825 P. 12
- ²⁰⁸ Ibid. P. 17
- ²⁰⁹ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 259.
- ²¹⁰ Ibid.
- ²¹¹ ТАУ. Указ. соч. С. 149
- ²¹² Army Organisation: Cavalry (Code 14(D)): Cavalry Committee: Final report. 8 Jul. 1927 // NAGB WO 32/2842
- ²¹³ Field Service Regulations. 1924. Vol. 2 P. 14
- ²¹⁴ Western Morning News, 1928. 10 April.
- ²¹⁵ Strength and Organisation of the Cavalry of the Line, 4 June, 1928 // NAGB PRO. CAB 24/195
- ²¹⁶ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. PP. 256-257
- ²¹⁷ Ibid P. 258
- ²¹⁸ Петунин К. Б. Танковые войска Великобритании 1920—1930-х годов: путь из лидеров в отстающие или жертва компромисса? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 154
- ²¹⁹ Hansard. 28 Feb 1929 Vol. 225 CC. 2209-2269
- ²²⁰ Field Service Regulations. 1924. Vol. 2. P. 21
- ²²¹ Field Service Regulations. 1930. Vol. 1. P. 226
- ²²² Ibid. P. 80
- ²²³ Field Service Regulations. 1924. Vol. 2. P. 12
- ²²⁴ Ibid. P. 16
- ²²⁵ Field Service Regulations. 1929. Vol. 2. P. 16
- ²²⁶ Ibid. PP. 124-126
- ²²⁷ Field Service Regulations. 1920. Vol. 2. P. 22; Field Service Regulations. 1924. Vol. 2. P. 12
- ²²⁸ Field Service Regulations. 1929. Vol. 2. P. 10

²²⁹ Perré C. La protection des chars dans la bataille // *Revue militaire française. Fusion du journal des sciences militaires de la revue militaire des armées étrangères et de la revue d'histoire*. 1928. № 98. P. 304.

²³⁰ Liddell Hart B. *The Tanks*. Vol. 1. P. 332.

²³¹ ТАУ. Указ. соч. С. 148

²³² Hansard. 08 March 1932 vol 262 CC. 1769-1771

²³³ Монтгомери Б. Указ. соч. С. 37

²³⁴ Hansard. 28 February 1929 vol 225 CC. 2209-2269

Глава 3

¹ Howard M.; Wilson A. J. *Military Science in an Age of Peace* // *RUSI Journal*. 1974. Vol 119. Issue 1. P. 4

² Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. *Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века: учеб. пособие*. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. С. 141-147

³ Mowat C. L. *Op. cit.* PP. 379-413

⁴ Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Указ. соч. С. 148-149

⁵ Hansard. 23 November 1932 Vol 272 Col. 88

⁶ Harris J. P. *Op. cit.* P. 237

⁷ *Daily Telegraph*, 13 March 1930.

⁸ Mowat C. L. *Op. cit.* P. 413

⁹ *Imperial Defence Policy*. July 29, 1930. C.P. 327(30) // *NAGB PRO. CAB 24/215*. P. 342

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.* P. 343

¹² Ibid.

¹³ Daily Telegraph, 9 September 1930.; Daily Telegraph, 26, September 1930

¹⁴ Memoranda C.O.S. 295 1932 Feb 22—1932 March // NAGB PRO. CAB 53/22 P. 274

¹⁵ Economic intelligence service statistical year-book of the League of Nations 1930/31. Geneva. League of Nations, 1931. P. 65

¹⁶ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 112

¹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 А. Л. 23

¹⁸ Hansard. 20 March 1928. Vol. 215 Col. 239

¹⁹ Bond B. British military policy between the two World wars. L.: Clarendon Press, 1980. P. 2

²⁰ Hansard. 10 March 1931. Vol. 249 CC. 1085-1137

²¹ Charmley L. Duff Cooper: The Authorized Biography. L.: Faber & Faber, 1962. P. 87

²² РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 105.

²³ Mowat C. L. Op. cit. p. 422

²⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 222 Л. 12

²⁵ Our Military Strength in Relation to Our Military Commitments. Memorandum by The General Staff. C.P. 200 (23) April, 1923 // NAGB PRO. CAB 24/159. P. 12

²⁶ Military appreciation of the situation in Europe, March, 1931, 31 March, 1931. C.P. 96 (31) // NAGB PRO. CAB 24/200. P. 457

²⁷ РГВА Ф. 33987. Оп. 3. Д. 222. Л. 7

²⁸ Там же. Л. 8

²⁹ Mechanical Warfare Board: Third report. April 1931. // NAGB PRO. WO 33/1283 PP. 7-8

³⁰ РГВА Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 79

³¹ Daily Telegraph, 5 September 1931.

³² Daily Telegraph, 10 September 1931.

³³ Larson R. H. Op. ci. PP. 158

³⁴ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 287

³⁵ Gwynn C. W. Army Training, 1931 // RUSI Journal. 1931. Vol 76. Issue 504. P. 729

- ³⁶ Imperial Defence Preparations—Basis of Service Estimates. C.P. 167 (31) 07 July 1931 // NAGB PRO. CAB 24/222. PP. 333-334
- ³⁷ Ibid. PP. 335-337
- ³⁸ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 289
- ³⁹ Daily Telegraph, 23 August 1932.
- ⁴⁰ Ф. 31811 Оп. 3. Д. 80 Л. 80
- ⁴¹ РГВА Ф. 31811. Оп. 1. Д. 140. Л. 225
- ⁴² Barnett C. The Collapse of British Power. P. 301
- ⁴³ United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).
- ⁴⁴ Higham R. Armed Forces in Peacetime: Britain 1918—1940. L.: Anchor Books, 1962. PP. 326-27
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 А. Л. 4-5.
- ⁴⁶ Daily Telegraph. 1, 2, 3, 10 September 1932.
- ⁴⁷ РГВА Ф. 31811. Оп. 1. Д. 140. Л. 229
- ⁴⁸ Там же. Л. 230-233
- ⁴⁹ Там же. Л. 257-259
- ⁵⁰ Там же. Л. 262
- ⁵¹ Там же. Л. 259-260
- ⁵² Daily Telegraph, 15 September 1932.
- ⁵³ РГВА Ф. 31811. Оп. 1. Д. 140. Л. 234-236
- ⁵⁴ Там же. Л. 257-258
- ⁵⁵ Там же. Л. 263
- ⁵⁶ Там же. Л. 266-268
- ⁵⁷ Hansard. 21 March 1933 Vol. 276 CC. 214-215
- ⁵⁸ ARMY ORGANISATION: Tanks (Code 14(G): General situation of Tank Units at Home and in Egypt: Resulting re-organisation. 15 September 1932 // NAGB PRO. WO 32/2852 PP. 1-2
- ⁵⁹ Ibid. P. 7

⁶⁰ Wavell A. P. The Army and the Prophets RUSI Journal. 1930. Vol 75. Issue 500. PP. 665-675

⁶¹ King's College London Archives, including the Liddell Hart Centre for Military Archives. URL: http://www.kingscollections.org/_assets/components/archiospdfbuilder/?docid=1265 (дата обращения: 09.01.2018).

⁶² Committee on the lessons of the Great War: Report // NAGB PRO. WO 33/1297 PP. 10-11

⁶³ Ibid. P. 21

⁶⁴ Ibid. P. 17

⁶⁵ Ibid. P. 17

⁶⁶ Ibid. P. 15

⁶⁷ Ibid. P. 33

⁶⁸ Training: General (Code 35(A)): Lessons of the 1914—1918 War 14 October 1932 // NAGB PRO. WO 32/3115 P. 12

⁶⁹ РГВА Ф. 33987. Оп. 3. Д. 222. Л. 7

⁷⁰ РГВА Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80. Л. 74-77

⁷¹ Там же. Л. 78

⁷² Hansard. 16 February 1933 Vol. 274 CC. 1186-1187W

⁷³ Hansard. 12 May 1930 Vol 238 CC. 1465-1466W; 22 February 1932 Vol 262 cc 19-20; 16 February 1933 Vol 274 CC. 1186-1187W

⁷⁴ Hansard. 03 June 1930 Vol 239 Col. 1958; 07 May 1931 Vol 252 Cc. 564-565

⁷⁵ Memorandum. A Military Appreciation of the Present World Situation. C.P. 362 (32) 28 October 1932 // NAGB PRO. CAB 24/234. PP. 160-164

⁷⁶ Daily Telegraph, 20 February 1933.

⁷⁷ King's College London Archives, including the Liddell Hart Centre for Military Archives. URL: http://www.kingscollections.org/_assets/components/archiospdfbuilder/?docid=1346 (дата обращения: 09.01.2018).]

⁷⁸ Цит. по: Larson R. H. Op. cit. P. 162

- ⁷⁹ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 213
- ⁸⁰ Certain lessons of the Great War: Notes February 1933 // NAGB PRO. WO 33/1305 PP. 23-24
- ⁸¹ Army Training Memorandum No. 10: collective training period 1933. 15 Dec. 1933 // NAGB PRO. WO 231/226 PP. 5-7
- ⁸² Daily Telegraph. 3 October 1933. P.
- ⁸³ Ibid. P. 12
- ⁸⁴ Ibid. PP. 22-23
- ⁸⁵ Daily Telegraph, 11 November 1933.
- ⁸⁶ Hansard. 09 March 1933 Vol. Col. 1371
- ⁸⁷ Hansard. 09 March 1933 Vol. Col. 1372
- ⁸⁸ Hansard. 07 July 1932 Vol 268 CC. 625-626
- ⁸⁹ Hansard. 29 November 1932 Vol 86 CC. 132-134
- ⁹⁰ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 36 (32). 31 October, 1932 // NAGB PRO. CAB 23/72. PP. 378-380
- ⁹¹ Hansard. 21 March 1933 Vol 276 CC. 208-210
- ⁹² Coombs B. Op. cit. P. 101
- ⁹³ German Rearmament. 25 November 1935 C.P. 217(35). // NAGB PRO. CAB 24/257
- ⁹⁴ Post G. Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defense, 1934—1937. N. Y.: Cornell University Press, 1993. PP. 32-33
- ⁹⁵ Germany's illegal rearmament and its effect on British Policy. 21 March 1934. C.P. 82(34) // NAGB PRO. CAB 24/248.
- ⁹⁶ Петунин К.Б. Британский парламент и тема перевооружения нацистской германии в 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики // Грамота. 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 102-107.
- ⁹⁷ Imperial Defence Policy. Report of the Defence Requirements Committee. C.P. 64 (34). 28 Feb 1934 // NAGB PRO. CAB 24/247. P. 392
- ⁹⁸ Ibid. P. 390
- ⁹⁹ Ibid. P. 387

- ¹⁰⁰ Minutes of meetings 41—55. 15 may. 1934 // NAGB PRO. CAB 27/507 p. 729
- ¹⁰¹ Winton H. R. Op. cit. Appendix 4
- ¹⁰² Цит. по: Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 307
- ¹⁰³ Цит. по: Harris J. P. Op. cit. P. 248
- ¹⁰⁴ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 318
- ¹⁰⁵ Daily Telegraph, 28 August 1934.
- ¹⁰⁶ Harris J. P. Op. cit. P. 248
- ¹⁰⁷ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. PP. 332-333
- ¹⁰⁸ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 254
- ¹⁰⁹ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 337
- ¹¹⁰ Winton H. R. Op. cit. P. 179
- ¹¹¹ Macksey K. Tank Pioneers. L.: Jane's Information Group, 1981. Pp. 131-132
- ¹¹² Army organisation: Cavalry (Code 14(D)): Introduction of a Mobile Division. 15 October 1934 // NAGB PRO. WO 32/2847 P. 17
- ¹¹³ Ibid. PP. 11-12
- ¹¹⁴ Macready G. N. The Trend of Organization in the Army // RUSI Journal. 1935. Vol 80. Issue 517. PP. 14-15
- ¹¹⁵ Daily Telegraph, 15 November 1934.
- ¹¹⁶ Memorandum on "Organization of Mobile Troops. 17 Dec. 1934 // NAGB PRO. WO 32/2847 PP. 31-32
- ¹¹⁷ Hansard. 14 March 1933 Vol 275 Col. 1836
- ¹¹⁸ Notes on the trend of German rearmament. 20 November 1934 // NAGB PRO. WO 190/281 P. 3
- ¹¹⁹ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 342
- ¹²⁰ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 342
- ¹²¹ Hansard. 15 March 1934 Vol 287 Col. 614
- ¹²² Hansard. 15 March 1934 Vol 287 Col. 613
- ¹²³ Fletcher D. British Light Tanks 1927—45. P. 10
- ¹²⁴ Handbook for Tanks Light Mk's II, IIA, IIB, III, IV, V and VI. 1937. Land Service. L.: HM Government, 1937. PP. 9-30

- ¹²⁵ Reports 1 – 6. First Report, 1934. 15 Dec. 1934 // NAGB PRO. WO 194/57 P. 2
- ¹²⁶ Larson R. H. Op. cit. PP. 132
- ¹²⁷ Hansard. 21 March 1934 vol 287 Col. 1300
- ¹²⁸ Роббинс К. Проблемы мира и войны в Великобритании 1919—1939 // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 249.
- ¹²⁹ Imperial Defence. Draft White Paper. Statement of Policy of His Majesty's Government in the United Kingdom. C. P. 38 (35) 14 February 1935 // NAGB PRO. CAB 24/253 P. 407
- ¹³⁰ Ibid. P. 408
- ¹³¹ Ibid.
- ¹³² Hansard. 11 March 1935 Vol. 299 CC. 47-59
- ¹³³ McDonough F. Neville Chamberlain, appeasement and the British road to war. Manchester: Manchester University Press, 2010. P. 40
- ¹³⁴ Ibid. P. 7
- ¹³⁵ Hansard. 11 March 1935 Vol. 299 CC. 69-70
- ¹³⁶ Hansard. 11 March 1935 Vol. 299 Col. 49
- ¹³⁷ PROCLAMATION by Adolf Hitler, Chancellor of the Reich, Denouncing Part V of the Treaty of Versailles, March 16, 1935 // Documentary Background of World War II. 1931 to 1941 / ed. J. W. Gantenbein. N. Y.: Columbia University Press, 1948.
- ¹³⁸ Hansard. 22 May 1935. Vol 96 Col. 1001
- ¹³⁹ Hansard. 02 May 1935. Vol 301 Col. 569
- ¹⁴⁰ Hansard. 02 May 1935. Vol 301 CC. 598-611
- ¹⁴¹ Hansard. 02 May 1935. Vol 301 CC. 616-624
- ¹⁴² Winton H. R. Op. cit. Appendix 4
- ¹⁴³ Meetings 1—12, Memoranda 1—21. «Statement by the Chief of the General Staff», 9 January 1934 // NAGB PRO. CAB 16/109 P. 739
- ¹⁴⁴ Report by a committee assembled to consider the organisation of the mechanized cavalry and the Royal Tank Corps. 30 March 1935 // NAGB PRO. WO 33/1509 PP. 11-15
- ¹⁴⁵ Ibid. PP. 10-12

- ¹⁴⁶ The Times, March 18, 1935.
- ¹⁴⁷ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 337
- ¹⁴⁸ The Times, August 8, 1935.
- ¹⁴⁹ The Times, August 23, 1935.
- ¹⁵⁰ The Times, August 27, 1935.
- ¹⁵¹ The Times, 19 September, 1935.
- ¹⁵² Army Organisation: Cavalry (Code 14(D)): Introduction of a Mobile Division. 25 September 1935 // NAGB PRO. WO 32/2847 P. 7
- ¹⁵³ Hansard. 18 March 1935 Vol. 299 Col. 963
- ¹⁵⁴ Hansard. 18 March 1935 Vol. 299 Col. 929
- ¹⁵⁵ Army Organisation: Cavalry (Code 14(D)): Introduction of a Mobile Division. 25 September 1935 // NAGB PRO. WO 32/2847 P. 9
- ¹⁵⁶ Army Organization: General (Code 14(A)): Future reorganization. 9 Sent. 1935 // NAGB PRO. WO 32/4612 P. 1
- ¹⁵⁷ Ibid. P. 16
- ¹⁵⁸ Ibid. PP. 23-26
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 15
- ¹⁶⁰ Ibid. PP. 4-5
- ¹⁶¹ Larson R. H. Op. cit. P. 177
- ¹⁶² Army Organization: General (Code 14(A)): Future reorganization. 9 Sent. 1935 // NAGB PRO. WO 32/4612 P. 20
- ¹⁶³ Army Organization: General (Code 14(A)): The Mobile Division: Cavalry mechanization. 15 October 1935 // NAGB PRO. WO 32/2826 P. 1
- ¹⁶⁴ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 350
- ¹⁶⁵ Reports 1 – 6. Second Report of the Mechanization Board, 20 Dec. 1935 // NAGB PRO. WO 194/57 P. 3
- ¹⁶⁶ Coombs B. Op. cit. P. 107
- ¹⁶⁷ Field Service Regulations. 1935. Vol. 3. P.4
- ¹⁶⁸ Ibid.
- ¹⁶⁹ Ibid. P. 24

- ¹⁷⁰ История дипломатии. М.; Л.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945. Т. 3 / под ред. В. П. Потёмкина. С. 558
- ¹⁷¹ Memorandum by the Secretary of State for War. C.P. 322 (36). 16 October 1936 // NAGB PRO CAB. 24/261 PP. 213-216
- ¹⁷² Need for the Expansion of Section A of the Army Reserve. C. P. 319 (36). 30 November 1936 // NAGB PRO CAB. 24/265 P. 206
- ¹⁷³ United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).
- ¹⁷⁴ Harris J. P. Op. cit. P. 237
- ¹⁷⁵ The Times, 15 March 1936.
- ¹⁷⁶ The Times, 08 February 1936.
- ¹⁷⁷ Harris J. P. Op. cit. P. 281
- ¹⁷⁸ Martel G. An Outspoken Soldier. P. 142
- ¹⁷⁹ French D., Reid B.H. The British General Staff, reform and innovation, 1890—1939. L.: Routledge, 2002. P. 149
- ¹⁸⁰ King's College London Archives, including the Liddell Hart Centre for Military Archives. URL: http://www.kingscollections.org/_assets/components/archiospdfbuilder/?docid=1265 (дата обращения: 07.10.2017)
- ¹⁸¹ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 305
- ¹⁸² Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 355
- ¹⁸³ The Times, 15 July 1936.
- ¹⁸⁴ The Times, 27 February 1968.
- ¹⁸⁵ Reports 1 – 6. Third Report of the Mechanization Board, 22 Dec. 1936 // NAGB PRO. WO 194/57 P. 4
- ¹⁸⁶ The Times, 3 September 1936.
- ¹⁸⁷ Army Organisation: Cavalry (Code 14(D)): Introduction of a Mobile Division. 13 Oct/ 1936 // NAGB PRO. WO 32/2847 P. 32
- ¹⁸⁸ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 357

- ¹⁸⁹ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 P. 14
- ¹⁹⁰ Martel G. An Outspoken Soldier. P. 128
- ¹⁹¹ ПГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593 С. Л.4.
- ¹⁹² Memorandum. The Organization, Armament and Equipment of the Army. C.P. 325 (36) 4 December 1936. // NAGB PRO. CAB 24/265 PP. 220-222
- ¹⁹³ Memorandum. The Role of the British Army. C.P. 334 (36) 11 December 1936 // NAGB PRO. CAB 24/265 PP. 265-266
- ¹⁹⁴ Hansard. 12 November 1936. Vol. 317. Col. 1134
- ¹⁹⁵ Ibid. P. 255
- ¹⁹⁶ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 19 October 1936 // NAGB PRO. WO 32/4441 P. 3
- ¹⁹⁷ Coombs B. Op. cit. P. 101
- ¹⁹⁸ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 19 October 1936 // NAGB PRO. WO 32/4441. P. 5
- ¹⁹⁹ Ibid. P. 7
- ²⁰⁰ Coombs B. Op. cit. P. 110
- ²⁰¹ Reports 1 – 6. Third Report of the Mechanization Board, 22 Dec. 1935 // NAGB PRO. WO 194/57 P. 4
- ²⁰² Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 P. 66
- ²⁰³ Coombs B. Op. cit. P. 110
- ²⁰⁴ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 P. 46
- ²⁰⁵ Comparison of the Strength of Great Britain with that of certain other Nations as at May 1937 C. P. 53 (57). 09 February 1937 // NAGB PRO. CAB 24/268 P. 103
- ²⁰⁶ Ibid. P. 108
- ²⁰⁷ Ibid. P. 109
- ²⁰⁸ United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).

- ²⁰⁹ Harris J. P. Op. cit. P. 237
- ²¹⁰ The Times, 5 March 1937
- ²¹¹ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 19 October 1936 // NAGB PRO. WO 32/4441 P. 4
- ²¹² The Organization, Armament and Equipment of the Army. Memorandum by the Secretary of State for War. C.P. 115 (37). 23 April 1937. // NAGB PRO. CAB 24/269. P. 139
- ²¹³ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C.19 (37), 04 May 1938. // NAGB PRO. CAB 23/88. PP. 180-182
- ²¹⁴ The present tank situation — Memorandum secretary of state for war. // NAGB PRO. WO 32/4441. P. 10
- ²¹⁵ The Times. 7 June 1937.
- ²¹⁶ Duff Cooper A. Old Man Forget. P. 198
- ²¹⁷ The Private Papers of Hore-Belisha. P. 17
- ²¹⁸ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 2. P. 82.
- ²¹⁹ Pownall H. Op. cit. PP.151-153
- ²²⁰ Wilkinson R. Hore-Belisha — Britain's Dreyfus? The dismissal of PM Neville Chamberlain's Jewish Secretary of War, Isaac Hore-Belisha. // History Today. 1997. Vol. 47. PP. 18-22
- ²²¹ Ironside E. The Ironside diaries, 1937—1940. L.: Constable, 1974. P. 57
- ²²² Ражев А. В. Взлет и падение военного министра Великобритании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 10 (33). URL: <http://history.jes.su/s207987840000908-7-1> (дата обращения: 08.05.2018).
- ²²³ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 10.
- ²²⁴ Larson R. H. Op. cit. P. 198
- ²²⁵ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 1. P. 5.
- ²²⁶ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 2. PP. 72-73.
- ²²⁷ The Times, 22 September 1937.
- ²²⁸ РГВА Ф. 31811 Оп. 2 Д. 657 Л. 74
- ²²⁹ Там же. Л. 79

- ²³⁰ Там же. Л. 74
- ²³¹ Там же. Л. 80
- ²³² Там же. Л. 81
- ²³³ Ironside E. P. Op. cit. 34
- ²³⁴ Minney R. J. (editor) Op. cit. Pp. 69-71
- ²³⁵ Ibid. P. 78
- ²³⁶ Liddell Hart B. Memoirs. Vol. 2. P. 38.
- ²³⁷ The Calgary Daily Herald, 16 August 1938.
- ²³⁸ Evening Post, 18 January 1938.
- ²³⁹ Pownall H. Op. cit. PP.130
- ²⁴⁰ Liddell Hart B. The Tanks. Vol. 1. P. 366
- ²⁴¹ Pownall H. Op. cit. PP.130-131
- ²⁴² Martel G. Our Armoured forces. P. 378
- ²⁴³ Comparison of the Strength of Great Britain with that of certain other Nations as at January 1938. C.P. 296 (37). 12 Nov. 1937 // NAGB PRO. CAB 24/273 P. 149
- ²⁴⁴ Peden G. C. British rearmament and the Treasury, 1932—1939. Edinburgh. Scottish Academic Press, 1979. P. 143
- ²⁴⁵ Winton H. R. Op. cit. Appendix 4
- ²⁴⁶ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 PP. 44; 56.
- ²⁴⁷ Reports 1 – 6. Fourth Report of the Mechanization Board, 12 Dec. 1937 // NAGB PRO. WO 194/57 P. 7
- ²⁴⁸ Cole D. H. Imperial Military Geography «General Characteristics of the Empire in Relation to Defense». L.: S. Praed & Co. Ltd, 1937. P. 3
- ²⁴⁹ Meeting of the Cabinet to Be Held at No. 10, Downing Street. 22 Dec. 1937 // NAGB PRO. CAB 23/90A. P. 348
- ²⁵⁰ Defence expenditure. Memorandum by the Chancellor of the Exchequer. C.P. 165 (37). 25 June 1937. // NAGB PRO. CAB 24/270. P. 271
- ²⁵¹ Further Report by the Minister for Co-Ordination of Defence. C. P. 23 (38). January 27, 1938 // NAGB PRO. CAB 24/274. P. 331

²⁵² Hansard. 22 February 1938 Vol. 332 Col. 227

²⁵³ Советско-французский договор о взаимной помощи, 2 мая 1935 года. URL: <http://doc.histrf.ru/20/sovetsko-frantsuzskiy-dogovor-o-vzaimnoy-pomoshchi/> (дата обращения: 09.01.2018).]

²⁵⁴ Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических республик и Республикой Чехословацкой, 16 мая 1935 г. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0021_tsc&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 09.01.2018).]

²⁵⁵ The Situation in Central Europe — Germany — Austria — Czecho-Slovakia C.C. 12 (38)12 14 March 1938.// NAGB PRO. CAB 23/92 P. 155

²⁵⁶ The German army: its present strength and possible rate of expansion in peace and war. C.P. 106 (38) 20 March 1938.// NAGB PRO. CAB 24/276 P. 284

²⁵⁷ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 18 January 1938 // NAGB PRO. WO 32/4441 P. 5

²⁵⁸ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 02 May 1938 // NAGB PRO. WO 32/4441 P. 7

²⁵⁹ Ibid. P. 18

²⁶⁰ Ibid. P. 16

²⁶¹ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 04 May 1938 // NAGB PRO. WO 32/4441 P. 1

²⁶² Pownall H. Op. cit. PP.123-129

²⁶³ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 02 May 1938 // NAGB PRO. WO 32/4441 Appendix I

²⁶⁴ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989. С. 186

²⁶⁵ LETTER from Neville Chamberlain, Prime Minister, to the Chancellor of Germany (Adolf Hitler). September 23, 1938 // Documentary Background of World War II. 1931 to 1941 / ed. J. W. Gantenbein. N. Y.: Columbia University Press, 1948.; SECOND LETTER from Neville Chamberlain, Prime Minister, to the Chancellor of Germany

(Adolf Hitler). September 23, 1938 // Ibid.; LETTER from Neville Chamberlain, Prime Minister, to the Chancellor of Germany (Adolf Hitler). September 26, 1938 // Ibid.

²⁶⁶ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 37 (38)12. 12 Sept. 1938.// NAGB PRO. CAB 23/95 PP. 10-21

²⁶⁷ Appreciation of the Situation in the event of War against Germany. C.P. 199 (38) 14 Sent. 1938.// NAGB PRO. CAB 24/278 PP. 345-355

²⁶⁸ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, Vol. 3. L.: HMSO, 1954. P. 291.

²⁶⁹ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 42 (38) 24 Sent. 1938.// NAGB PRO. CAB 23/95 P. 180

²⁷⁰ Ibid. P. 305

²⁷¹ Hansard. 3 October 1938. Vol. 339. Col. 34

²⁷² Pownall H. Op. cit. PP.165-166

²⁷³ Visit of British ministers to Paris. C. P. 269 (38). 26 November 1938. // NAGB PRO. CAB 24/280 P. 269

²⁷⁴ Anticipated position on 1st August, 1939. C. P. 254 (38). 21 October 1938. // NAGB PRO. CAB 24/279 P. 244

²⁷⁵ Ibid. P. 245

²⁷⁶ Ibid. P. 248

²⁷⁷ Ibid. P. 252

²⁷⁸ Barnett C. The Collapse of British power. P. 552.

²⁷⁹ The State of Preparedness of the Army in Relation to its Role. C.P. 27(39). 19 Dec. 1938 // NAGB PRO. CAB 24/282

²⁸⁰ Pownall H. Op. cit. PP.172-173

²⁸¹ Год кризиса 1938 — 1939. Документы и материалы в 2-х томах. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1990. С. 179

²⁸² Там же. С. 152

²⁸³ Ogorkiewicz R. Armoured Forces. P. 159

²⁸⁴ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 P. 67

- ²⁸⁵ Doherty R. *British Armoured Divisions and their Commanders, 1939—1945*. L.: Pen and Sword, 2013. P. 237
- ²⁸⁶ Pownall H. *Op. cit.* PP.173-174
- ²⁸⁷ *Ibid.* PP.188-189
- ²⁸⁸ Hansard. 08 March Vol. 344. CC. 2161-2173
- ²⁸⁹ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 11(39). 15 Mar, 1939.// NAGB PRO. CAB 23/98 PP. 7-10
- ²⁹⁰ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 15(39). 29 Mar, 1939.// NAGB PRO. CAB 23/98 PP. 135-136
- ²⁹¹ Hansard. 29 March 1939 Vol. 345 CC. 2018-2019.
- ²⁹² Hansard. 04 April 1939 Vol. 345 CC. 2601-2602
- ²⁹³ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 42 (39). 24 Apr, 1939.// NAGB PRO. CAB 23/99 P. 359
- ²⁹⁴ Pownall H. *Op. cit.* P.199
- ²⁹⁵ Liddell Hart B. *Memoirs*. Vol. 2. P. 235.
- ²⁹⁶ Postan M. M. *British War Production in History of the Second World War*. L.: HMSO, 1952. P. 105
- ²⁹⁷ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Design and production: policy. 27 March 1939 // NAGB PRO. WO 32/4445 P. 137
- ²⁹⁸ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 P. 67
- ²⁹⁹ Martel G. *Our Armoured Forces*. P. 130
- ³⁰⁰ Coombs. B. *Op. cit.* P. 31
- ³⁰¹ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Tank situation: Progress reports. 04 May 1938 // NAGB PRO. WO 32/4441 P. 20
- ³⁰² Hansard. 06 Jul 1925 Vol. 186 CC. 39-40
- ³⁰³ Hansard. 08 June 1939 Vol. 348 Col. 686
- ³⁰⁴ Военная разведка информирует: документы Разведуправления Красной Армии январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. С. 86.

- ³⁰⁵ Martel G. An Outspoken Soldier. P. 131
- ³⁰⁶ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 P. 46
- ³⁰⁷ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941. / Сокр. пер. с англ. Г. Я. Коблова, Е. Б. Пескова, Н. А. Ломова. М.: Иностранная литература, 1959. С. 32-34.
- ³⁰⁸ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. С.С. 16 (39). 29 Mar, 1939.// NAGB PRO. CAB 23/98 P. 138
- ³⁰⁹ Hansard. 04 July 1939 Col. 349 СС. 1128-1129W.
- ³¹⁰ Военная разведка информирует. С. 68.
- ³¹¹ Hansard. 28 March 1939 Vol. 344 СС. 2172-2173
- ³¹² РГВА Ф. 311811 Оп. 2 Д. 919 Л. 189
- ³¹³ Там же. Л. 192
- ³¹⁴ Там же. Л. 193-194
- ³¹⁵ Coombs B. Op. cit. Appendix I.
- ³¹⁶ Postan M., Hay D.M. & Scott J. D. Design and Development of Weapons: Studies in Government and Industrial Organisation. L.: Stationery Office Books, 1964. P. 239
- ³¹⁷ Coombs B. Op. cit. P. 13
- ³¹⁸ General and warlike stores: Tanks (Code 45(E)): Design and production: policy. 27 March 1939 // NAGB PRO. WO 32/4445 P. 137
- ³¹⁹ Hansard. 01 August 1939 Vol. 350 СС. 2203-2204W
- ³²⁰ Hansard. 08 March Vol. 344. Col. 2172
- ³²¹ 28th Progress Report by the War Office. 15 June 1939 // NAGB PRO. CAB 16/230 P. 107
- ³²² Hansard. 08 June 1939 Vol. 348 СС. 643-689
- ³²³ Hansard. 03 August 1939 Vol 350 Col. 2678W
- ³²⁴ Год кризиса 1938 — 1939. С. 313
- ³²⁵ Там же. с. 339

³²⁶ LETTER from Neville Chamberlain, Prime Minister, to the Chancellor of Germany (Adolf Hitler). August 22, 1939 // Documentary Background of World War II. 1931 to 1941 / ed. J. W. Gantenbein. N. Y.: Columbia University Press, 1948.

³²⁷ Communication from Adolf Hitler, Chancellor of Reich, to the Prime Minister of Great Britain (Neville Chamberlain), August 23, 1939 // Documentary Background of World War II. 1931 to 1941 / ed. J. W. Gantenbein. N. Y.: Columbia University Press, 1948.

³²⁸ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 43 (39). 26 August, 1939. // NAGB PRO. CAB 23/99 P. 388

³²⁹ Conclusions of a Meeting of the Cabinet. C.C. 46 (39). 30 August, 1939. // NAGB PRO. CAB 23/99 P. 451

³³⁰ Design and Production of British Tanks 1936 — June 1940. // NAGB PRO. CAB 102/851 p. 76

³³¹ Ibid. 16

³³² Там же.

³³³ Hansard. 11 October 1939 Vol. 352 Col. 343

³³⁴ Год кризиса 1938 — 1939. С. 479

³³⁵ Visit of British ministers to Paris. C. P. 269 (38). 26 November 1938. // NAGB PRO. CAB 24/280 P. 269

Источники и литература

Архивные материалы

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4 — фонд Управления делами при Народном комиссаре обороны СССР.
2. РГВА Ф. 33987. — фонд секретариата народного комиссара обороны СССР.
3. РГВА Ф. 31811 — фонд Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ) Красой Армии (бывш. Управления по механизации и моторизации РККА)
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 38 — фонд ГАБТУ Красой Армии.
5. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — CAB 16 (материалы специальных подкомитетов Комитета обороны империи).
6. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — CAB 23 (записи заседаний британского кабинета министров).
7. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — CAB 24 (приложения, содержащие меморандумы, результаты работы различных комиссий и комитетов, ежегодные отчёты Комитета начальников штабов).
8. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — CAB 53 (записи Комитета обороны империи и Комитета начальников штабов).
9. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — CAB 102 (материалы по производству гражданской и военной продукции в годы Второй мировой войны).
10. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — WO 32 (материалы военного министерства, в том числе бумаги военного министерства,

касающиеся всех аспектов управления департаментами и вооруженными силами).

11. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — WO 33 (конфиденциальные отчеты, меморандумы и прочие документы, имевшие ограниченное распространение и касавшиеся всех аспектов управления отделами и вооруженными силами).
12. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — WO 163 (записи АС).
13. The National Archive Great Britain. Public Record Office. — WO 194 (записи о разработке и эксплуатации военных транспортных средств, включая материалы Совета по механизации).

Стенограммы заседаний парламента

14. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports. 5 Series. Vol. 125-352. L.: His Majesty Stationery Office, 1920-1939.

Опубликованные дипломатические и военные документы

15. 100(0) ключевых документов по российской и советской истории (1917-1991)
/ Институт Всеобщей истории Российской академии наук. URL:

https://www.1000dokumente.de/index.html?c=1000_dokumente_ru&viewmode=0&l=ru (дата обращения: 21.05.2018).

16. Военная разведка информирует: документы Разведуправления Красной Армии январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. 832 с.
17. Год кризиса 1938 — 1939. Документы и материалы в 2-х томах. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1990. 980 с.
18. Проект Российского военно-исторического общества: «100 главных документов российской истории». URL: <http://doc.histrf.ru/> (дата обращения: 09.01.2018).
19. Documentary Background of World War II. 1931 to 1941 / ed. J. W. Gantenbein. N. Y.: Columbia University Press, 1948. 1122 p.
20. Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Third Series, Vol. 3. L.: HMSO, 1954. 820 p.
21. Economic intelligence service statistical year-book of the League of Nations 1930/31. Geneva. League of Nations, 1931. 230 p.
22. Field Service Regulations. 1920. L.: The War Office, 1920. Vol. 2. 326 p.
23. Field Service Regulations. 1924. L.: The War Office, 1924. Vol. 2. 346 p.
24. Field Service Regulations. 1929. L.: The War Office, 1929. Vol. 2. 361 p.
25. Field Service Regulations. 1936. L.: The War Office, 1935. Vol. 3. 265 p.
26. Handbook for Mks I, IA and IA* Medium Tanks. 1931. Land Service. L.: HM Government, 1931. 156 p.
27. Handbook for Mks II, II* and IIA Medium Tanks. 1930. Land Service. L.: HM Government, 1930. 169 p.
28. Handbook for Tanks Light Mks II, IIA, IIB, III, IV, V and VI. 1937. Land Service. L.: HM Government, 1937. 179 p.
29. Infantry Training Vol. 2. War. L.: The War Office, 1921. 216 p.
30. League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1925-26: 1925/26: C.373.M.121.1925.9. Geneva. League of Nations, 1925. 176 p.

31. League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1929/30: C.341.M.120.1929.9. Geneva. League of Nations, 1929. 147 p.
32. League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1930: 1930.9.2 — 1931. Geneva. League of Nations, 1931. 149 p.
33. League of Nations Armaments Year-Book General and, Statistical Information. 1935: 1935.9.3. Geneva. League of Nations, 1935. 141 p.
34. League of Nations, 3 Series. 1929. Vol. 94, №. 2137. Geneva. League of Nations, 1929. 927 p.
35. Nicot J. Inventaire des archives de la guerre. Serie N. 1920—1940. P., 1995. T. I. 430 p.
36. Statistics of the Military Effort of the British Empire During the Great War 1914—1920. L.: The War Office, 1922. 172 p.

Периодика

37. Газета «The Times» 1918—1948 гг.
38. Газета «The Daly Telegraph» 1918—1939 гг.
39. Журнал «The Journal of the Royal United Service Institution» 1916—1989 гг.
40. Журнал «The Army Quarterly» 1920—1939 гг.
41. The British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 25.07.2018).

Публицистика

42. Больных А. Г. XX век танков. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
43. Вудман Д. Германия вооружается. / Пер. с англ. под ред. Я. Сегалл. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 308 с.
44. Карвер М. Битва под Эль-Аламейном. Поражение танковой армии Роммеля в Северной Африке. / Пер. с англ. А. Н. Анваера. М.: Центрполиграф, 2003. 285 с.
45. Митчел Ф. Танки на войне. История развития танков в мировой войне 1914—1918 гг. / Сокр. пер. с англ. С. Бравермана. Под ред. К. Степного. М.: Госвоениздат, 1935. 101 с.
46. Черчилль У. Мои великие современники. Пер. с англ. С. Струков. М.: АСТ, 2013. 332 с.
47. Chamberlain N. The Struggle For Peace. L.: Hutchinson, 1939. 434 p.
48. Clausewitz. C. Kleine Schriften: Geist und Tat — Das Vermächtnis des Soldaten und Denkers. Hamburg: Tredition, 2011. 382 p.
49. Liddell Hart B. The Ghost of Napoleon. L.: Greenwood Press, 1933. 197 p.
50. Liddell Hart B. Lawrence of Arabia. L.: Jonathan Cape LTD, 1934. 458 p.
51. Martel G. Our Armoured Forces. L.: Faber & Faber, 1945. 406 p.
52. Mitchell F. Tank Warfare. The Story of the Tanks in the Great War. L.: Thomas Nelson and Sons Ltd., 1930. 312 p.

Мемуары, дневники и другие источники личного происхождения

53. Гудериан Г. Воспоминания солдата. / Пер. с нем. Д. А. Лихачева. Смоленск: Русич, 1999. 576 с.
54. Монтгомери Б. Мемуары фельдмаршала. / Пер. с англ. Е. Д. Богатырено, В. А. Вебер, Д. В. Вознякевич. М.: Вагриус, 2006. 384 с.
55. Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. / Сокр. пер. с англ. под ред. А. С. Орлова. М.: Воениздат, 1991. Т. I: Надвигающаяся буря. 482 с.
56. Эмери Л. Моя политическая жизнь. / Сокр. пер. с англ. А. О. Зелениной, С. О. Митиной, А. Л. Миранского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 648 с.
57. Charmley L. Duff Cooper: The Authorized Biography. L.: Faber & Faber, 1962. 454 p.
58. Duff Cooper A. The Duff Cooper Diaries: 1915-1951. L.: Phoenix, 2006. 528 p.
59. Duff Cooper A. Old Man Forget. L.: Faber and Faber, 2011. 400 p.
60. Fuller J.F.C. Memoirs of an Unconventional Soldier. L.: I. Nicholson and Watson limited, 1936. 494 p.
61. Ironside E. The Ironside diaries, 1937—1940. L.: Constable, 1974. 434 p.
62. Liddell Hart B. Memoirs. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1965. 433 p.
63. Martel G. An Outspoken Soldier: His Views and Memoirs. L.: Sifton Praed, 1949. 387 p.
64. Pownall H. Chief of staff: the diaries of Lieutenant General Sir Henry Pownall. L.: Leo Cooper Ltd, 1973. Vol. 1: 1933—1940. 432 p.
65. The Private Papers of Hore-Belisha / ed. R. J. Minney. L.: Collins, 1960. 320 p.

Исследования

66. Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941. / Сокр. пер. с англ. Г. Я. Коблова, Е. Б. Пескова, Н. А. Ломова. М.: Иностранная литература, 1959. 584 с.
67. Белаш Е. Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с.
68. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. 1781—1997. / Пер. с англ. М. В. Жуковской. М.: АСТ, 2011. 957 с.
69. Громыченко А. Очерки развития танков. М.: Воениздат, 1934. 89 с.
70. Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. / Пер. с англ. под ред. И. С. Звавича. М.: Госполитиздат, 1945. 330 с.
71. Золотарев В. А., Аюпова Р. С., Виниченко М. В., Даниленко И. С. Первая мировая война 1914—1918 годов: в 6 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 2: Начало и развертывание войны (1914—1915 годы). 848 с.
72. Иринчеев Б. Танки в Зимней войне. М.: Тактикал Пресс, 2013. 248 с.
73. История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1974. Т. II: Накануне войны / под ред. Г. А. Деборина. 392 с.
74. История дипломатии. М.; Л.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945. Т. III / под ред. В. П. Потёмкина. 423 с.
75. История западноевропейских армий / В. Н. Богданов, С. В. Ермаченков, Б. Г. Путилин, А. П. Рогалев. М.: Евролинц; Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
76. Калиновский К. Б. Проблема механизации и моторизации современных армий // Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. М.: Соцэкгиз, 1931. Т. 3: «Записки». С. 27—64.
77. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. / Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 515 с.

78. Лихарев Д. В. Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб.: Корабли и сражения, 1997. 240 с.
79. Магадеев И. Э. Лошади или танки? Дискуссии в британской армии 1920-х гг. // Исторические записки. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. Т. 15. С. 34—44.
80. Мэй Э. Р. Странная победа. / Пер. с англ. А. Воскресенской М.: АСТ, 2009. 704 с.
81. Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века: учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. 472 с.
82. Петунин К. Б. Танковые войска Великобритании 1920—1930-х годов: путь из лидеров в отстающие или жертва компромисса? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 150—155.
83. Петунин К.Б. Британский парламент и тема перевооружения нацистской германии в 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики // Грамота. 2016. № 11(73): в 2 ч. Ч. 1. С. 102—107.
84. Петунин К. Б. Межвоенная дискуссия о роли танков в британской армии // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград: Изд-во БФУ им. И Канта, 2017. № 10. С. 22—34.
85. Полякова А. А. Прошлое без будущего. История короля Эдуарда VIII. М.: Маска, 2013. 344 с.
86. Ранке Л. фон. Об эпохах новой истории // Историка и история: Жизнь. Судьба. Творчество. М., 1998. Т. II. 297 с.
87. Ражев А. В. Взлет и падение военного министра Великобритании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. V. Выпуск 10 (33). URL: <http://history.jes.su/s207987840000908-7-1> (дата обращения: 08.05.2018).

- 88.Репина Л. П. После «Постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 2 декабря 2011. М.: МГУ, 2012. С. 139—160.
- 89.Роббинс К. Проблемы мира и войны в Великобритании 1919—1939 // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 237—254.
- 90.Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.
- 91.Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914—1918 гг. / Пер. с англ. под ред. В. Ф. Новицкого. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 264 с.
- 92.ТАУ. Моторизация и механизация армий и война. М.: Госвоениздат, 1933. 242 с.
- 93.Тейлор А. Дж. Вторая мировая война: два взгляда. Пер. с англ. З. П. Вольской. М.: Мысль, 1995. 556 с.
- 94.Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Пер. с англ. М. Л. Коробочкин. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
- 95.Тухачевский М. Н., Берзин Я. К., Никонов А. Н. 5 Управление Штаба РККА 1928 г. Будущая война // Антология отечественной военной мысли. Кн. 11. М.: Военная Академия ГШ ВС РФ, 1996. С. 56—59
- 96.Фавицкий В. В. Роль механизированных войск в современной операции // Механизация и моторизация РККА. М.: Госвоениздат, 1933. №2. С. 60—71.
- 97.Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918—1923. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 449 с.
- 98.Фуллер Дж. Ф. Ч. Операции механизированных сил. Лекции по 3-й части Полевого устава. / Пер. с англ. И. Г. Герман. М.: Воениздат, 1933. 149 с.
- 99.Шмелев И. П. История танка. 1916—1996. М: Издательский дом «Техника молодежи», 1996. 156 с.

100. Archibald E. H. H. *The fighting ships of the Royal Navy, 897—1984*. N. Y.: Blandford Press, 1987. 416 p.
101. Barker A. J. *The First Iraq War, 1914—18. Britain's Mesopotamian Campaign*. N. Y.: Enigma Books, 2009. 500 p.
102. Barnett C. *Britain and her Army, 1509—1970. A military, political and social survey*. L.: Faber, 1970. 550 p.
103. Barnett C. *The Collapse of British power*. L.: Faber & Faber, 2011. 656 p.
104. Bassford C. *Clausewitz in English: The Reception of Clausewitz in Britain and America, 1815—1945*. N. Y.: Oxford University Press, 1994. 304 p.
105. Biddle T. D. *Rhetoric and Reality in Air Warfare: The Evolution of British and American Ideas about Strategic Bombing, 1914—1945*. New Jersey: Princeton University Press, 2002. 418 p.
106. Bishop C. *The Encyclopedia of Weapons of World War II*. N. Y.: Barnes & Noble, 1998. 544 p.
107. Bond B. *British military policy between the two World wars*. L.: Clarendon Press, 1980. 420 p.
108. Boot M. *War Made New: Weapons, Warriors, and the Making of the Modern World*. N. Y.: Penguin, 2006. 656 p.
109. Brown. D. K. *The Grand Fleet: Warship Design and Development 1906—1922*. L.: Caxton Editions, 2010. 235 p.
110. *Britain, France and the Entente Cordiale Since 1904* / ed. A. Capet. Luxembourg. Springer, 2006. 236 p.
111. Chamberlain P., Ellis C. *Tanks of The World 1915—45*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1972. 256 p.
112. Chandler D. *The Oxford History Of The British Army*. N. Y.: Oxford University Press, 2003. 512 p.
113. Chandler D. *The Campaigns of Napoleon*. N. Y.: Simon and Schuster, 2009. 1172 p.
114. Cole D. H. *Imperial Military Geography «General Characteristics of the Empire in Relation to Defense»*. L.: S. Praed & Co. Ltd, 1937. 428 p.

- 115.Coombs B. *British Tank Production and the War Economy, 1934—1945*. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2013. 208 p.
- 116.Crow D. *Armoured Fighting Vehicles of the World: British A.F.V.'s, 1919—40*. L.: Profile, 1971. 184 p.
- 117.Crow D. *British and Commonwealth Armored Formations (1919—46)*. L.: Profile, 1972. 221 p.
- 118.Crow D., Icks R. J. *Encyclopedia of Armoured Cars and Half-Tracks*. L.: Book Sales Inc., 1976. 169 p.
- 119.Deist W. *The Road to Ideological War, Germany 1918—1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 420 p.
- 120.Dennis. P. *The Territorial Army, 1906—1940*. L.: Royal Historical Society, 1987. 282 p.
- 121.Doherty R. *British Armoured Divisions and their Commanders, 1939—1945*. L.: Pen and Sword, 2013. 224 p.
- 122.Donaldson F. *Edward VIII*. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1974. 464 p.
- 123.Doughty R. A. *The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919—1939*. Hamden. Stackpole Books, 1985. 243 p.
- 124.Duncan A. J. *Technology, Doctrine and Debate: The Evolution of British Army Doctrine Between the World Wars // The Canadian Army Journal*.2004. Vol. 7, № 1. P. 23—34.
- 125.Edgerton D. *Warfare State: Britain, 1920—1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 382 p.
- 126.Edmonds J. E. *Military Operations France and Belgium, 1918*. L.: Battery Press, 1995. Vol. 1: *The German March Offensive and its Preliminaries. History of the Great War Based on Official Documents, by Direction of the Historical Section of the Committee of Imperial Defence*. 625 p.
- 127.Edwards R. *The Winter War: Russia's Invasion of Finland, 1939—1940*. N. Y.: Pegasus Books, 2009. 352 p.
- 128.Ferris J. *The Evolution of British Strategic Policy, 1919—1926*. L.: Macmillan, 1989. 256 p.

129. Fletcher D. *Mechanised Force: British Tanks Between the Wars*. L.: H.M. Stationery Office, 1991. 138 p.
130. Fletcher D. *The Rolls-Royce Armoured Car*. Oxford: Osprey Publishing, 2012. 48 p.
131. Fletcher D. *British Light Tanks 1927—45: Mks I—VI*. L.: Bloomsbury Publishing, 2014. 48 p.
132. Fletcher D. *British Battle Tanks World War I to 1939*. Oxford: Osprey Publishing, 2016. 236 p.
133. Forty G. *Royal Tank Regiment: A Pictorial History, 1916—87*. L.: Spellmount Publishers Ltd., 1989. 256 p.
134. French D., Reid B.H. *The British General Staff, reform and innovation, 1890—1939*. L.: Routledge, 2002. 260 p.
135. Fuller J. F. C. *Tanks In The Great War 1914—1918*. N. Y.: E. P. Dutton and Company, 1920. 405 p.
136. Fuller J. F. C. *The Reformation of War*. L.: Hutchinson & co. Paternoster row, 1923. 318 p.
137. Fuller J.F.C. *On Future Warfare*. L.: Sifton, Praed & Company, 1928. 390 p.
138. Fuller J. F. C. *The dragon's teeth: a study of war and peace*. L.: Constable, 1932. 337 p.
139. Fuller J. F. C. *War and Western Civilization, 1832—1932. A Study of War as a Political Instrument and the Expression of Mass Democracy*. L.: Books for Libraries Press, 1932. 287 p.
140. Fuller J. F. C. *Lectures On F.S.R. III. Operations Between Mechanized Forces*. L.: Sifton Praed & Company Ltd., 1932. 163 p.
141. Fuller J. F. C. *The Army in My Time*. L.: Rich and Cowan, 1935. 246 p.
142. Fuller J. F. C. *Generalship: Its Diseases and Their Cure. A Study of The Personal Factor in Command*. L.: Military Service Publishing Co. Harrisburg, Pa., 1936. 106 p.
143. Fuller J. F. C. *The Second World War 1939—1945. A Strategical and Tactical History*. Cambridge: Da Capo Press, 1993. 431 p.

144. Gibbs N. H. *Grand Strategy: Rearmament Policy*. Vol. 1. L.: Stationery Office Books, 1976. 884 p.
145. Harris J. P. *Men, ideas and tanks: British military thought and armoured forces, 1903—1939*. Manchester: Manchester University Press, 1995. 352 p.
146. Higham R. *Armed Forces in Peacetime: Britain 1918—1940*. L.: Anchor Books, 1962. 332 p.
147. Howard M. *The Continental Commitment: Dilemma of British Defence Policy in the Era of the Two World Wars*. L.: Maurice Temple Smith Ltd., 1972. 177 p.
148. Icks. R. J *Tanks and Armoured Vehicles 1900—1945*. L.: WE Inc., 1970. 216 p.
149. Jorgensen C. *Tank Warfare: The Illustrated History of the Tank at War 1914—2000 (Strategy & Tactics)*. L.: Spellmount, 2001. 176 p.
150. Keegan J. *The Second World War*. N. Y.: Viking, 1990. 608 p.
151. Larson R. H. *The British Army and the Theory of Armored Warfare, 1918—1940*. Newark: University of Delaware Press, 1984. 350 p.
152. Liddell Hart B. *The Remaking of Modern Armies*. L.: John Murray, 1927. 315 p.
153. Liddell Hart B. H. *The British Way in Warfare*. L. Faber & Faber limited, 1932. 311 p.
154. Liddell Hart B. *The Tanks. The history of the Royal Tank Regiment 1914—1945*. L.: Cassell, 1959. Vol. 1. 1017 p.
155. Liddell Hart B. *Paris; Or the Future of War*. N. Y.: Garland Publishing, 1972. 103 p.
156. Macksey K. *Tank Pioneers*. L.: Jane's Information Group, 1981. 224 p.
157. McDonough F. *Neville Chamberlain, appeasement and the British road to war*. Manchester: Manchester University Press, 2010. 196 p.
158. McElwee W. L. *The art of war: Waterloo to Mons*. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1974. 346 p.
159. Mets D. R., Winton H. R. *The Challenge of Change: Military Institutions and New Realities, 1918—1941*. Nebraska: University of Nebraska Press, 2003. 247 p.
160. Middlebrook M. *The First Day on the Somme*. N. Y.: Penguin, 2016. 346 p.

161. Miller S. E. Technology and War // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1985. Vol. 41, № 11. P. 47—50.
162. Millett A., Murray W. *Military effectiveness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 2: The interwar period. 736 p.
163. Mowat C. L. *Britain between the Wars 1918—1940*. L.: Methuen & Co., 1968. 667 p.
164. Ogorkiewicz R. *Armoured Forces: History of Armoured Forces and Their Vehicles*. L.: Arms & Armour Press, 1960. 476 p.
165. Ogorkiewicz R. *Tanks: 100 years of evolution*. N. Y.: Osprey Publishing, 2015. 378 p.
166. Perré C. La protection des chars dans la bataille // *Revue militaire française*. Fusion du journal des sciences militaires de la revue militaire des armées étrangères et de la revue d'histoire. 1928. № 98. P. 301—315.
167. Post G. *Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defense, 1934—1937*. N. Y.: Cornell University Press, 1993. 336 p.
168. Postan M., Hay D.M. & Scott J. D. *Design and Development of Weapons: Studies in Government and Industrial Organisation*. L.: Stationery Office Books, 1964. 594 p.
169. Preston A. *Jane's Fighting Ships of World War II*. N. Y.: Crescent Books, 1993. 320 p.
170. Razzell P. E. Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army: 1758—1962 // *The British Journal of Sociology*. 1963. Vol. 14, № 3. P. 248—260.
171. Roskill S. *Naval Policy Between the Wars: The Period of Anglo-American Antagonism 1919—1929*. Annapolis: Naval Institute Press, 2016. 672 p.
172. Searle A. *Genesis, Employment, Aftermath: First World War Tanks and the New Warfare, 1900—1945*. Manchester: Helion and Company, 2015. 224 p.
173. Searle A. *Armoured Warfare: A Military, Political and Global History*. L.: Continuum Publishing Corporation, 2017. 288 p.
174. Shay R. P. *British rearmament in the 1930s. Politics and profit*. Princeton: Princeton University Press, 2015. 332 p.

175. Sheppard E. *Tanks in the Next War*. L.: Geoffrey Bles, 1938. 200 p.
176. Stone J. *The Tank Debate: Armour and the Anglo-American Military Tradition*. L.: Routledge, 2000. 210 p.
177. Sheffield G. *The Somme*. L.: Cassell, 2003. 208 p.
178. Spaight J. M. *The Sky's the Limit*. L.: Hodder and Stoughton, 1940. 301 p.
179. Sueter M. F. *The Evolution of the Tank: a Record of the Royal Naval Air Service Caterpillar Experiments*. L.: Hutchinson, 1937. 452 p.
180. Taylor A. J. P. *The origins of the Second World War*. L.: H. Hamilton, 1961. 296 p.
181. Thurlow R. C. *Fascism in Britain: A History, 1918—1985*. L.: Blackwell, 1987. 334 p.
182. Watt. D. C. *How war came*. L.: Mandarin, 1990. 752 p.
183. White B. T. *British Tank 1915—45*. L.: Ian Allan, Ltd., 1963. 72 p.
184. White B. T. *Armoured cars 1915—45*. L.: Ian Allan, Ltd., 1972. 72 p.
185. White B. T. *British Tank Mkings and Names: The Unit Mkings, Individual Names and Paint Colours of British Armoured Fighting Vehicles, 1914—1945*. L.: Arms and Armour Press, 1979. 88 p.
186. Wilson D. *Treat 'Em Rough!: The Birth of American Armor, 1917—20*. N. Y.: Presidio Press, 1989. 232 p.
187. Winton H. R. *To Change an Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927—1938*. Lawrence: University Press of Kansas, 1988. 284 p.

Диссертации

- 188.Калиниченко К.В. Проблемы перевооружения Англии накануне Второй мировой войны исследование: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003. 243 с.
- 189.Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: социально-философское исследование: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2005. 387 с.
- 190.Ражев А. В. Сухопутная армия Великобритании в 1935—1939 гг.: модернизация стратегии и политика умиротворения: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 253 с.

Справочные издания и ресурсы

- 191.Барятинский М. Б. Бронетанковая техника Великобритании (1939—1945). М.: Моделист-Конструктор, 1996. 32 с.
- 192.Быстров А.А. Танки. 1916—1945: Иллюстрированная энциклопедия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. 224 с.
- 193.Вишнев С. Танковые войска иностранных государств М.: Госвоениздат, 1926. 122 с.
- 194.Военная энциклопедия. М.: Военное издательство, 1995. Т. 3. 637 с.
- 195.Вооружения капиталистических стран. М.: Воениздат, 1936. 172 с.
- 196.Лиско В. Танки (военная техника). Мн.: Харвест, 2010. 256 с.
- 197.Сайт Министерства обороны РФ. Раздел «Энциклопедия» URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary> (дата обращения: 09.12.2017).

- 198.Холявский Г. Л. Полная энциклопедия танков мира. 1915—2000. Мн.: Харвест, 2006. 576 с.
- 199.Butler D. E. British political facts, 1900—1960. L.: Macmillan, 1963. 256 p.
- 200.Chant C. World Encyclopaedia of the Tank: An International History of the Armoured Fighting Machine. L.: Patrick Stephens, 1994. 392 p.
- 201.Ellis C. AFV Weapons Profile No. 7: Medium Tanks Mks A-D. L.: Profile Publications, 1969. 24 p.
- 202.Hacker O. H., Icks R. J., Merker O., Zezschwitz G. P. Heigl's Taschenbuch der Tanks. Wien. J.F. Lehmanns Verlag, 1935. 364 p.
- 203.Heigl F. Heigl's Taschenbuch der Tanks — Wesen, Erkennung, Bekämpfung. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1926. 340 p.
- 204.King's College London Archives, including the Liddell Hart Centre for Military Archives. URL: <http://www.kingscollections.org> (дата обращения: 09.01.2018).
205. Oxford Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com> (дата обращения: 01.12.2017).
- 206.Raugh H. E. The Victorians at war: 1815—1914 : an encyclopedia of British military history. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. 405 p.
- 207.Royal Tank Regiment. URL: <http://www.royaltankregiment.com> (дата обращения: 09.12.2017).
- 208.The Half-Yearly Army List For The Half-Year Ending 31st December 1922. Part 2: War Services Of Officers Of The Army, Etc. L.: The War Office, 1995. 1365 p.
- 209.The National Archives. The official archive and publisher for the UK Government, and for England and Wales. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> (дата обращения: 01.07.2017).
- 210.Tucker S. Encyclopedia of World War I. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 1661 p.
- 211.United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk> (дата обращения: 09.12.2016).

Приложения

Приложение 1. Британские оборонные расходы в 1914—1940-е гг.

Год	ВВП млрд. £	Общие расходы млн. £	Оборонные расходы				
			млн. £	В т.ч. на армию	% от об- щих	% от ВВП	На душу населения
1914	2,451	182,6	78,60	28,3	43%	3,2%	14,5
1915	2,943	550,0	439,30	28,9	80%	14,9%	11,7
1916	3,434	1.549,4	1.401,20	-	90%	40,8%	23,8
1917	4,276	2.188,8	1.974,90	-	90%	46,2%	23,7
1918	5,108	2.686,5	2.404,10	-	89%	47,1%	23,3
1919	5,484	2.569,6	2.199,20	-	86%	40,1%	52,3
1920	5,975	1.655,1	693,70	395,0	42%	11,6%	36,6
1921	4,907	1.177,3	297,20	181,5	25%	6,1%	23,5
1922	4,458	1.057,8	222,00	95,1	21%	5,0%	24,2
1923	4,254	798,7	123,30	45,4	15%	2,9%	16,0
1924	4,366	731,1	123,90	43,6	17%	2,8%	16,2
1925	4,508	733,0	119,50	44,8	16%	2,7%	15,5
1926	4,349	756,7	127,10	44,3	17%	2,9%	16,6
1927	4,599	762,4	124,10	43,6	16%	2,7%	16,6
1928	4,599	752,9	125,20	44,2	17%	2,7%	17,3
1929	4,692	740,2	119,10	40,5	16%	2,5%	16,9
1930	4,615	747,6	118,60	40,5	16%	2,6%	17,4
1931	4,316	763,3	116,90	40,5	15%	2,7%	17,4
1932	4,223	767,5	112,90	38,5	15%	2,7%	17,3
1933	4,298	781,1	110,90	35,9	14%	2,6%	17,3
1934	4,517	718,6	116,30	37,6	16%	2,6%	18,2
1935	4,72	732,5	121,90	39,7	17%	2,6%	18,7
1936	4,987	776,9	145,50	44,6	19%	2,9%	20,9
1937	5,334	835,9	195,20	54,8	23%	3,7%	26,2
1938	5,502	846,4	205,90	63,0	24%	3,7%	24,7
1939	5,918	942,0	266,20	85,7	28%	4,5%	11,2
1940	7,183	1.338,1	643,80	81,9	48%	9,0%	14,4

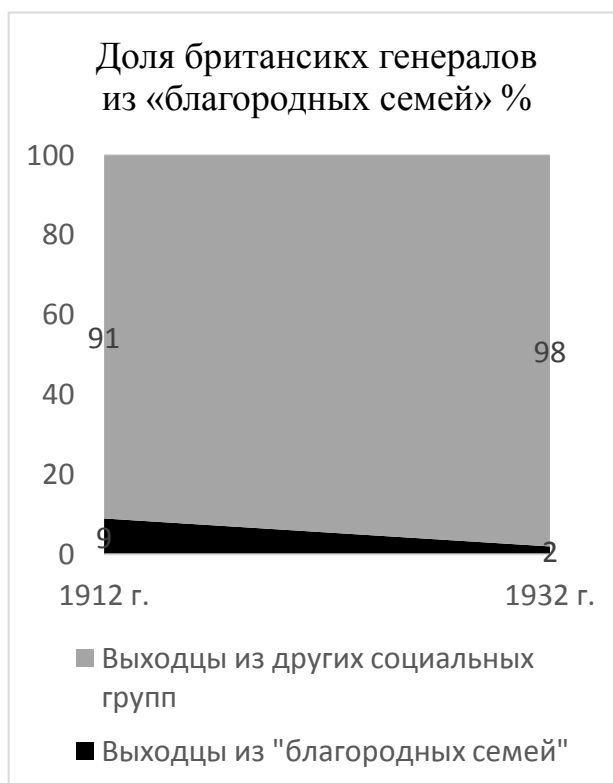
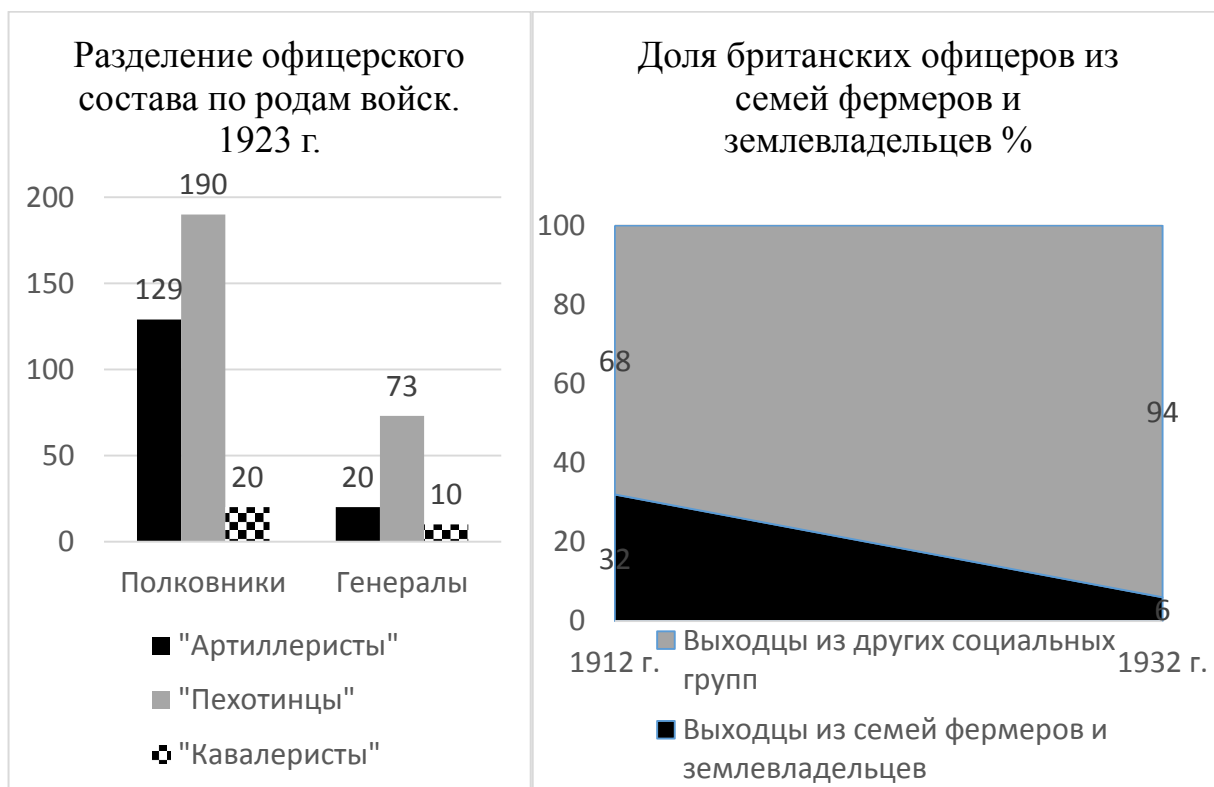
Источник: United Kingdom Public Spending. URL: <http://www.ukpublicspending.co.uk>
(дата обращения: 09.12.2016).

Приложение 2. Девять принципов войны по модели Фуллера от 1925 г.

1. Направление: Какова общая цель? Какие задачи должны быть выполнены для достижения цели?
2. Концентрация: Где командир должен сконцентрировать наибольшие усилия?
3. Распределение: Где и как командующий должен расположить свои силы?
4. Определение: воля к борьбе, упорство, и воля к победе должна быть сохранены.
5. Удивление (деморализация сил): способность командира завуалировать свои намерения, не обнаруживая их для противника. Правильно задуманная неожиданность, приводит к дисбалансу противника и вызывает деморализацию войск.
6. Устойчивость: сопротивление войск давлению. Измеряется способностью этих войск предвидеть осложнения и угрозы. Усиливается планированием, помогающем избежать, преодолеть или свести их на нет, а также должным образом выполненное обучение и тренировки войск согласно этому плану.
7. Подвижность: способность командира маневрировать своими силами опережая в этом противника.
8. Наступление действия (Дезорганизация сил): Способность получить и удержать инициативу в бою. Правильно выполненное наступление нарушает порядки противника, вызывая дезорганизацию сил.
9. Безопасность: Возможность защиты сил от угроз.

Источник: Fuller J. F. C. *The Foundations of the Science of War*. L.: Hutchinson & Co, 1926. P. 221.

Приложение 3. Социальный и профессиональный состав офицеров британской армии в 1920—1930-е гг.

Источник: Razzell P. E. Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army: 1758—1962 // The British Journal of Sociology. 1963. Vol. 14, №. 3. P. 254

Приложение 4. Даты заказа, выпуска первого экземпляра и полного исполнения заказа по новым моделям танков.

Модель танка	Производитель	Дата подписания контракта	Объем заказа шт.	Дата выпуска первого танка	Дата исполнения заказа
Cruiser I	Vickers Armstrong,	Август 1937	50	-	Февраль 1940
	Harland & Wolff	Май 1938	50	-	Июль 1940
Cruiser II	Vickers Armstrong	Июнь 1938	10	Декабрь 1939	Май 1940
	B'ham. Rly. Carr.	Июль 1938	45	Март 1940	Август 1940
	Metro Cammell	Июль 1938	45	Март 1940	Июль 1940
	Crabtree	Ноябрь 1939	10	Январь 1941	Июль 1941
Cruiser III	Mech. & Aero	Январь 1938	65	Январь 1939	Декабрь 1939
Cruiser IV	Mech. & Aero	Февраль 1939	65	Август 1940	Январь 1941
	L.M.S.	Январь 1939	65	Декабрь 1939	Май 1940
Cruiser V	L.M.S.	Апрель 1939	100	Февраль 1941	Август 1941

	Eng. Electric	Сентябрь 1939	100	Ноябрь 1940	Май 1941
	Leyland	Сентябрь 1939	100	Декабрь 1940	Август 1941
Cruiser VI	Mech. & Aero	Июль 1939	100	Декабрь 1940	Май 1941
	Fodens	Сентябрь 1939	100	Ноябрь 1940	Август 1941
	West's Gas	Сентябрь 1939	100	Январь 1941	Октябрь 1941
Infantry I	Vickers Armstrong	Март 1937	60	-	-
Infantry II	Vulcan	Май 1938	130	Сентябрь 1939	Февраль 1941
	L.M.S.	Август 1938	10	Ноябрь 1939	Декабрь 1939
	Ruston & Hornsby	Август 1938	40	Март 1940	Ноябрь 1940
	J. Fowler	Август 1938	40	Май 1940	Март 1941
	North Brit. Loco.	Июль 1939	50	Май 1940	Январь 1941
	Harland & Wolff	Апрель 1939	130	Май 1940	Сентябрь 1941

Infantry III	Vickers Armstrong,	Июнь 1939	275	Июнь 1940	Май 1941
	Metro Cammell	Июнь 1939	225	Август 1940	Июль 1941
	B'ham. Rly. Carr.	Июнь 1939	225	Август 1940	Июнь 1941

Источник: Design and Production of British Tanks 1936 - June 1940. // NAGB PRO.
 CAB 102/851 p. 67

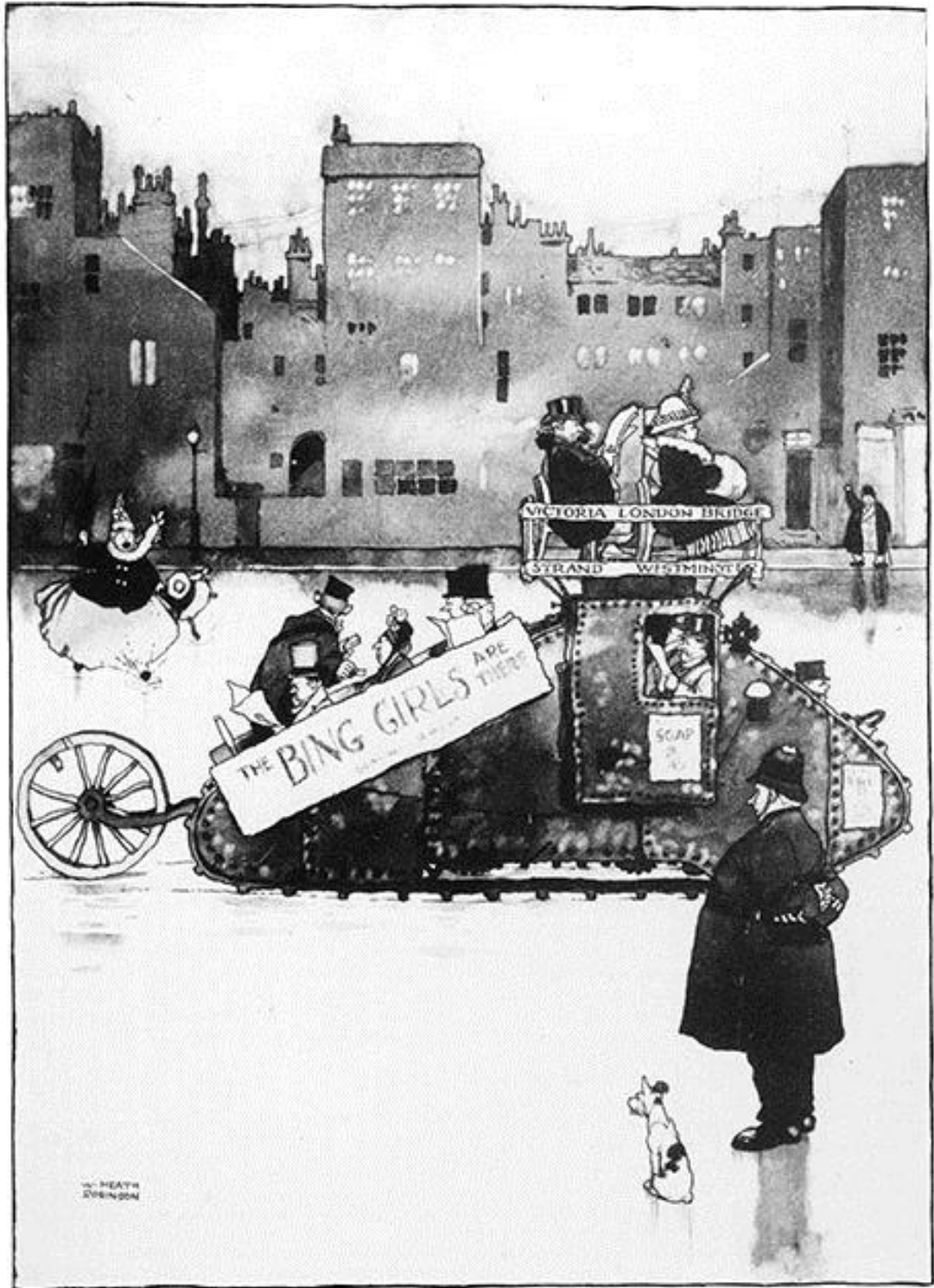

Рис. 1. Карикатура, изображающая использования танка в гражданских целях после Первой мировой войны. Источник: Forty G. Royal Tank Regiment: A Pictorial History, 1916-87. L.: Spellmount Publishers Ltd., 1989. P. 72

Рис. 2. Штурм пекарни О'Брайена с применением танка Mk. V. Дублин. 1921 г. Источник: The National Archives. The official archive and publisher for the UK Government, and for England and Wales. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> дата обращения: 01.07.2017).

Рис. 3. Британский танковый шлем межвоенного периода. Источник: коллекция автора.

Рис. 4. Знаки различия: Тяжелой секции Пулеметного корпуса, Танкового корпуса и Королевского танкового корпуса. Источник: коллекция автора.

Рис. 5. Британский грузовой автомобиль, частично бронированный комплектом бронепанелей фабричного производства. Ирландия. 1921 г. Источник: The National Archives. The official archive and publisher for the UK Government, and for England and Wales. <http://www.nationalarchives.gov.uk> дата обращения: 01.07.2017).

Рис. 6. Британский танк Mk. V на улицах Дублина. 1921 г. Источник: The National Archives. The official archive and publisher for the UK Government, and for England and Wales. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk> дата обращения: 01.07.2017).

Рис. 7. Танк Medium Mk. I в движении. Видна конструкция люка механика-водителя и отсутствие защитного шлема у экипажа. 1920-е гг. Источник: The Tank Museum. Bovington. <https://www.tankmuseum.org> (дата обращения: 07.10.2016).

Рис. 8. ЭМС построенные на равнине Солсбери. 1927 г. Источник: The Tank Museum. Bovington. URL: <https://www.tankmuseum.org> (дата обращения: 07.10.2016).

Рис. 9. ЭБС. Равнина Солсбери. 1928 г. Источник: Winton H. R. To Change an Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927-1938. Lawrence: University Press of Kansas, 1988. P. 89

Рис. 10. Две секции 3-го батальона КТК, разведывательное подразделение ЭМС. В первом ряду четыре танкетки производства Morris-Martel, за ними пять танкеток Carden-Loyd Mk. Vs. 1927 г. Источник: Fletcher D. Mechanised Force: British Tanks Between the Wars. L.: H.M. Stationery Office, 1991. P. 63

Рис. 11. Британские военные переправляют танк Medium Mk. II через реку во время маневров ЭМС. 1927 г. Источник: Daily Telegraph, 15 July 1927

Рис. 12. Танк Medium Mk. II принимавший участие в учениях 1927 г. Источник: The Tank Museum. Bovington. URL: <https://www.tankmuseum.org> (дата обращения: 07.10.2016).

Рис. 13. Колонна бронетехники из состава ЭМС. Первой движется танкетка Morris-Martel. 1927 г. Источник: Winton H. R. Op. cit. P. 90

Рис. 14. Танкетка Carden-Loyd Mk. Vs из состава ЭМС. 1927 г. Источник: Forty G. Op. cit. P. 107

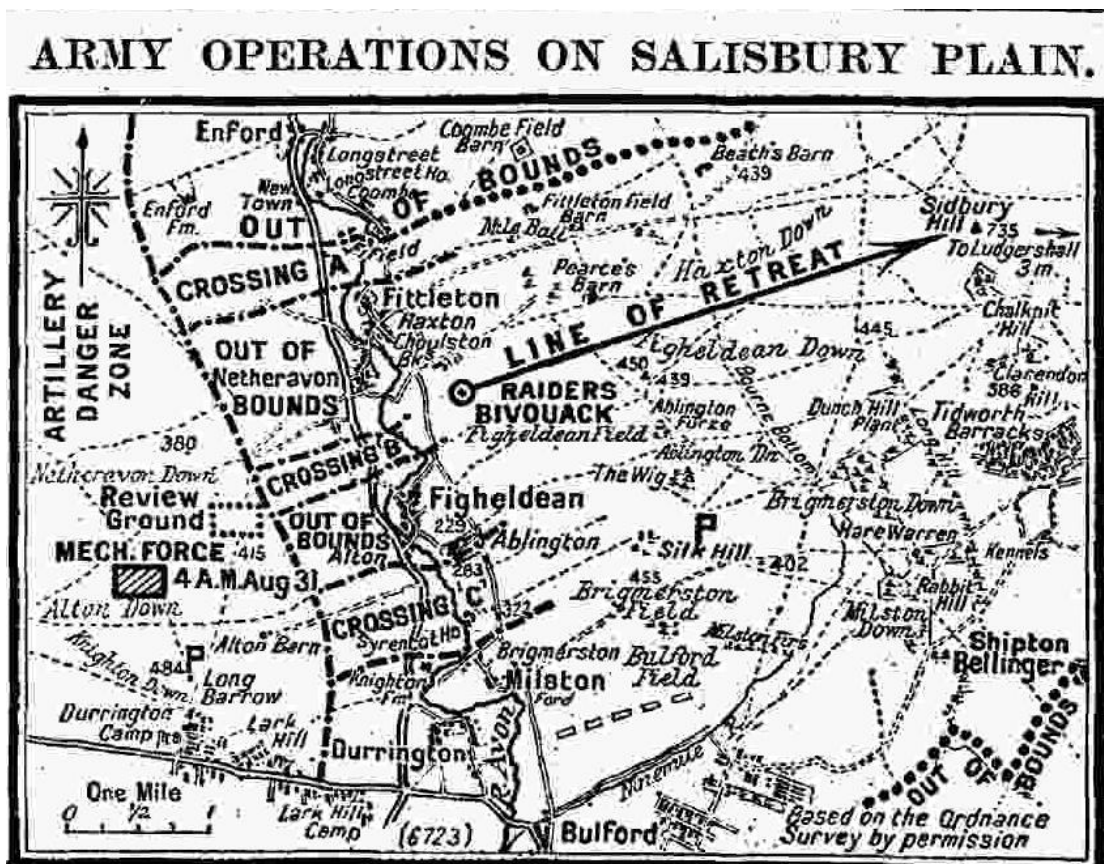

Рис. 15. Схема расположения и действий ЭМС на равнине Солсбери. 1927 г. Источник: The Times. 1 September 1927

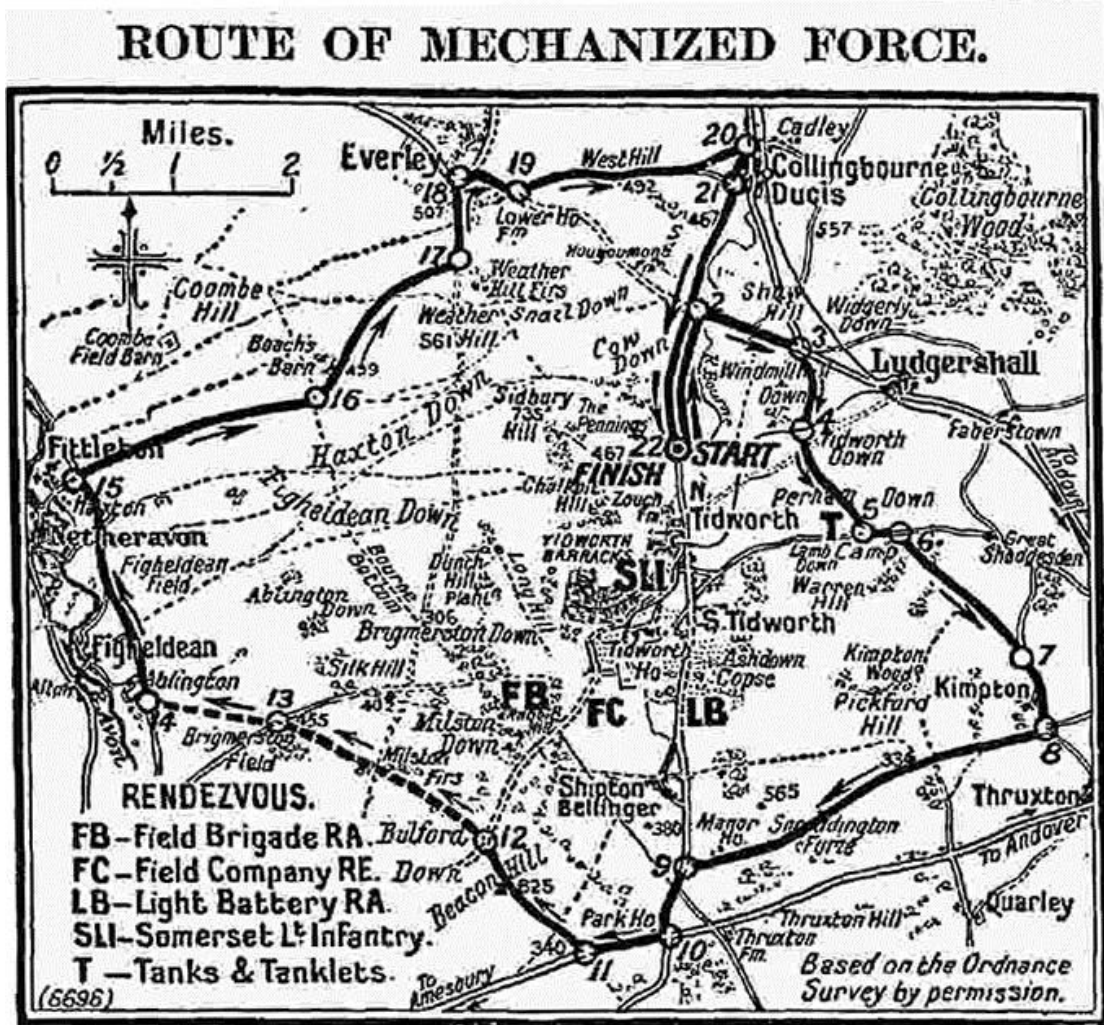

Рис. 16. Схема расположения и движения войск в ходе маневров ЭМС на равнине Солсбери. 1927 г. Источник: The Times. 30 August 1927

Рис. 17. Георг V осматривает танкетку Carden-Loyd Mk. Vs из состава ЭМС. 1927 г. Источник: Forty G. Op. cit. P. 102

Рис. 18. Члены правительства и Армейского Совета инспектируют ЭМС. 1927 г. Источник: Forty G. Op. cit. P. 101

Рис. 19. Экспериментальный средний танк 16-тонный Vickers. 1927 г. Видно отсутствие приборов наблюдения механика-водителя. Источник: Royal Tank Regiment. URL: <http://www.royaltankregiment.com> (дата обращения: 09.12.2017).

Рис. 20. Танк Medium Mk. II обшитый листами асбеста для теплоизоляции. Египет. 1930-е гг. Источник: Fletcher D. Mechanised Force: British Tanks Between the Wars. L.: H.M. Stationery Office, 1991. P.103

Рис. 21. КТК на учениях. 1933 г. В кадре танки Medium Mk. II. Источник: Royal Tank Regiment. <http://www.royaltankregiment.com> (дата обращения: 09.12.2017).

Рис. 22. КТК на учениях 1935 г. Источник: The Tank Museum. Bovington. URL: <https://www.tankmuseum.org> (дата обращения: 07.10.2016).